



ЛУННЫЕ ПРЯХИ

МЭРИ
СТЮАРТ

ГОНЧИЕ ПСЫ ГАВРИИЛА



The Big Book

Мэри Стюарт

**Лунные пряжи. Гончие
псы Гавриила (сборник)**

«Азбука-Аттикус»

1962, 1967

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Стюарт М.

Лунные пряжи. Гончие псы Гавриила (сборник) / М. Стюарт —
«Азбука-Аттикус», 1962, 1967 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-14903-8

Книги Мэри Стюарт завоевали сердца миллионов читателей, получив при этом высокую оценку критиков, особо отмечавших ее мастерство в жанре авантюрного романа. Ей, как никому другому, удалось объединить в сюжете лирическую тему, детективные ноты и поистине кинематографический саспенс. Романы Стюарт переводились на многие языки и до сих пор продолжают покорять читающую публику всех стран мира. В этот сборник вошли два романа: «Лунные пряжи» и «Гончие псы Гавриила». В каждом из них действие разворачивается в местах экзотических и таинственных. Героиня первого романа Никола Феррис приезжает на Крит, чтобы отдохнуть, и неожиданно обнаруживает, что в этом безмятежном райском уголке ведется самая настоящая охота на двоих молодых англичан, по несчастливой случайности ставших свидетелями убийства... Юная аристократка Кристи, героиня второго романа, путешествует по Ливану. Ей становится известно, что ее тетья Гарриет, эксцентричная богатая старуха, живет неподалеку от Бейрута в своем дворце. Кристи горит желанием навестить тетю. Однако попасть в ее сказочный дворец, словно сошедший со страниц «Тысячи и одной ночи», довольно трудно. А еще труднее – выйти из него живой...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-14903-8

© Стюарт М., 1962, 1967
© Азбука-Аттикус, 1962, 1967

Содержание

Лунные пряжи	7
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	37
Глава 6	43
Глава 7	53
Глава 8	64
Глава 9	70
Глава 10	76
Глава 11	83
Глава 12	89
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Мэри Стюарт

Лунные пряжи. Гончие псы Гавриила

© А. Девель, Л. Девель, перевод, 2018

© Е. Токарева, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

Лунные пряжи

Китти и Джералду Рейнбоу

Глава 1

*Легко этот маленький вестник взлетел...
Понесся вперед...
Достиг чудесного фонтана,
Что в неподвижный воздух бил
Перед входом в пещеру...*

Джон Китс. Эндимион

Все и началось с белой цапли, вылетевшей из лимонной рощи. Не стану скрывать, что сразу приняла это как знак предстоящих приключений, как сказочного оленя, который, мчась по заколдованной чаще, увлекает за собой принца, а с наступлением темноты исчезает, оставляя его в полном опасностей лесу. И когда большая белая птица вдруг поднялась среди глянцевого листвя и цветов лимона и кругами полетела к горам, я последовала за ней. Что же мне было делать, если эта история случилась в сверкающий апрельский полдень у подножия Белых гор на Крите; если пыльная дорога раскалена, а зеленое ущелье наполнено шумом воды, воздух напоен ароматом цветущих лимонов, а белая птица несется вперед, то пропадая в глубокой тени, то вновь появляясь на солнце.

Машина из Ираклиона остановилась там, где от шоссе отходит дорога на Айос-Георгиос. Я вышла, поправила на плече большой вышитый полотняный мешок, который служил мне дорожной сумкой, и повернулась сказать спасибо американской чете, подбросившей меня.

– Не стоит благодарности, милочка. – Миссис Студебекер озабоченно выглядывала из окна машины. – Ты уверена, что все в порядке? Мне не очень нравится оставлять тебя так вот, неизвестно где. Ты уверена, что это то самое место? Что там написано на указателе?

На указателе было то, что мне и нужно: «ΑΓ ΓΕΟΡΓΙΟΣ».

– Ну как, ты разобрала, что там? – спросила миссис Студебекер. – Смотри же, милочка...

– Все в порядке, – бодро улыбнулась я. – Это и есть Айос-Георгиос, и ваш шофер подтверждает, и по карте до деревни отсюда три четверти мили. Вон там, за этой скалой, я, наверное, и увижу ее.

– Очень на это надеюсь. – Мистер Студебекер тоже вышел из машины и распорядился достать багаж. Шофер извлек из багажника маленький чемодан и поставил его рядом со мной на краю дороги.

Мистер Студебекер был большой, розовый, добродушный; на нем была оранжевая рубашка, выпущенная поверх светло-серых спортивных брюк, и широкополая бесформенная льняная шляпа. Он считал миссис Студебекер умнейшей и самой красивой женщиной на свете (прямо так и говорил), и, следовательно, она тоже обладала приятным характером, а кроме того, не отставала от моды. Оба излучали теплую и несколько избыточную доброжелательность, которая представляется особой добродетелью американцев. Я познакомилась с ними в гостинице накануне вечером, и как только они узнали, что я направляюсь на южное побережье Крита, то не успокоились, пока я не согласилась разделить с ними часть их оплаченной уже поездки по острову. Теперь же, казалось, для них не было бы ничего приятнее, если бы я бро-

сила свою дурацкую затею посетить эту неизвестно где находящуюся деревню и отправилась вместе с ними путешествовать.

– Не нравится мне это... – Мистер Студебекер с тревогой смотрел на каменистую проселочную дорогу, которая плавно кружила вниз от шоссе между скалистыми склонами, поросшими карликовым можжевельником. – Не нравится мне оставлять вас здесь одну. Знаете, – он обратил на меня свои серьезные, добрые голубые глаза, – я читал книгу про Крит как раз перед нашей с мэмми¹ поездкой, и, поверьте мне, мисс Феррис, у них тут до сих пор существуют такие обычаи, что вы и представить себе не можете. Из этой книги следует, что Греция в некоторых отношениях все еще очень и очень примитивная страна.

Я засмеялась:

– Может быть. И один из ее примитивных обычаев состоит в том, что чужестранцы священны. Даже на Крите никто не станет убивать гостя! Не беспокойтесь обо мне. Это, конечно, очень мило с вашей стороны, но со мной все будет в порядке. Я говорила вам, что вот уже больше года живу в Греции, довольно прилично владею греческим, да и раньше бывала на Крите. Так что можете совершенно спокойно меня здесь оставить. Это именно то самое место, и минут через двадцать я буду в деревне. В гостинице меня ждут завтра, но я знаю, что у них сейчас никого нет, так что меня непременно устроят.

– А эта ваша кухня, которая должна была приехать с вами? Вы уверены, что она объявится?

– Конечно. – Мистер Студебекер выглядел таким озабоченным, что я еще раз объяснила: – Она задержалась и пропустила рейс, но просила не ждать ее, и я оставила ей записку. Даже если она опоздает на завтрашний автобус, то возьмет машину или еще что-нибудь придумает. Она хваткая. – Я улыбнулась. – Кухня беспокоилась, чтобы я ни минуты отпуска не потеряла в ожидании, так что и она поблагодарила бы вас за то, что вы подарили мне дополнительный день.

– Что ж, если вы так уверены...

– Совершенно уверена. Итак, больше не позволяйте мне вас задерживать. Это замечательно, что вы меня подвезли. Если бы я ждала до завтра автобуса, мне пришлось бы потратить целый день, чтобы сюда добраться. – Я протянула руку. – И меня все равно бы вытряхнули тут же. Теперь вы понимаете, что добавили мне к отпуску целый день, не говоря уже о превосходной поездке. Еще раз спасибо!

В конце концов успокоенные, они поехали. Машина медленно набрала скорость вверх по холму, по затвердевшей грязи дороги, подпрыгивая и раскачиваясь на бороздах – следах зимних потоков от горных дождей. Она запылила вверх на повороте и унеслась вглубь острова. Плотная пыль некоторое время еще висела в воздухе, пока ее постепенно не развеял бриз.

Я стояла рядом со своим чемоданом и осматривалась.

Белые горы – это цепь крупных пиков, хребет западной части гористого острова Крит. На юго-западе цепи тянутся до самого побережья, которое здесь скалистое, дикое. Кое-где на побережье, там, где какая-нибудь горная речушка, бегущая к морю, вырезала в основании скалы пресноводную бухточку, находятся деревни – маленькие россыпи домиков, цепляющиеся каждая за свой полумесяц берега, покрытого галькой, за свой ручеек пресной воды. Сзади деревни защищены дикими горами, где козы и овцы добывают себе корм. До некоторых деревень можно добраться только проселочной дорогой по лабиринту предгорья, до других – какком² с моря. Именно одну из таких деревень, Айос-Георгиос – Святого Георгия, я и выбрала, чтобы провести там неделю пасхального отпуска.

¹ Мамочкой (от *англ.* *mummy*). – Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, *примеч. перев.*

² *Каик* – турецкая шляпка.

Как я сказала Студебекерам, я жила в Афинах с января прошлого года, занимая весьма незначительную должность секретаря в британском посольстве. Я считала, что мне повезло: в двадцать один год получить хотя бы и такую работу в стране, в которой, насколько я себя помню, мне так хотелось побывать. Я благополучно обосновалась в Афинах, много занималась языком (что было вознаграждено достаточной беглостью речи), тратила свои отпуска и уик-энды на исследования всяких достопримечательностей в пределах досягаемости.

За месяц до наступления этого пасхального отпуска я с радостью узнала от своей кузины Фрэнсис Скорби, что она собирается в это же время посетить Грецию вместе со своими друзьями. Фрэнсис намного старше меня, ровесница скорее моим родителям, чем мне. Когда три года назад умерла моя мама и я осталась одна (я никогда не знала отца, его убили в войну), я поехала жить к Фрэнсис в Беркшир, где она является совладелицей довольно известного питомника альпийских растений. Она пишет о растениях, читает о них лекции, делает красивые цветные фотографии, которыми иллюстрирует свои книги, демонстрирует их слушателям. Мои полные восторга письма о греческих полевых цветах принесли свои плоды. Кажется, ее друзья собирались нанять небольшую яхту и отправиться из Бриндизи в Пирей, где они предполагали остановиться на несколько дней, чтобы осмотреть Афины и окрестности, после чего планировали не спеша прогуляться по островам. Их прибытие в Пирей должно было совпасть с моим пасхальным отпуском. Но я довольно решительно написала Фрэнсис, что даже ради нее не буду транжирить драгоценные дни отпуска и толкаться в толпах туристов, которые наводнят город в пасхальную неделю. Я предложила ей покинуть на несколько дней свою компанию и присоединиться ко мне на Крите, где она сможет спокойно полюбоваться сельской местностью, познакомиться с легендарными цветами Белых гор. Мы можем появиться вместе на яхте, когда она на следующей неделе зайдет в Ираклион по пути на Родос и Спорады. Позднее, возвращаясь домой, она сможет задержаться у меня в Афинах и полюбоваться достопримечательностями, уже не осаждаемыми пасхальными толпами.

Фрэнсис приняла предложение с энтузиазмом, ее приятели были согласны, и мне осталось только найти какое-либо по возможности спокойное место на юго-западе Крита, где бы покой и красота «настоящей Греции» сочетались с определенными стандартами комфорта и чистоты, которых требует новый туристический век. Почти невозможное соединение достоинств, но я посчитала, что нашла его. Знакомый по кафе в Афинах – датчанин, автор книг о путешествиях, провел несколько недель, исследуя наименее посещаемые места греческого архипелага. Он-то и рассказал мне о маленькой, отрезанной от мира деревеньке на южном побережье Крита у подножия Белых гор.

– Если вы действительно хотите найти не тронутую цивилизацией деревню где-нибудь в бездорожье – просто десятка два домиков с крошечной церквушкой на берегу моря, так это – Айос-Георгиос, – сказал он. – Наверное, вам и поплавать захочется? Я нашел там превосходное место: скалы, с которых можно нырять, песчаное дно – лучше не придумаешь. А если вас интересуют цветы, пейзажи, ступайте в любую сторону – сплошное великолепие, первозданное, лучше не найдешь. Ах, Никола, какая там чудесная крохотная заброшенная церквушка милях в пяти на восток по побережью! Сорная трава подступает к самым дверям, но все же можно рассмотреть остатки довольно затейливой византийской мозаики на потолке, и могу поклясться, что одна из дверных опор – настоящая дорическая колонна.

– Просто не верится, – сказала я. – Ладно, сдаюсь, но где мы там будем спать? Вот в чем проблема. Над таверной с настоящими дорическими клопами?

Но нет. В том-то, оказывается, и был весь смысл. Все привлекательные стороны Айос-Георгиоса можно было найти в десятках деревень на Крите или где-нибудь еще. Но в Айос-Георгиосе имелась еще и гостиница.

Это, собственно, был деревенский *кафенейон*, или кафе с парой комнат над баром. Его, вместе с примыкающим коттеджем, недавно купил новый хозяин и сделал из него основу будущей удобной маленькой гостиницы.

– Он только что начал работать, и я у него был первым постояльцем, – сообщил мой собеседник. – Я слышал, что власти запланировали строительство хорошей дороги к деревне, и вот Алексиакис, человек, который купил таверну, несколько опережает их. Жилище довольно простое, но совершенно чистое, и пища, вот увидите, отличная.

Я посмотрела на него с некоторым благоговением. Вне хороших гостиниц и дорогих ресторанов в Греции редко кормят «отлично»; даже любя эту страну, я вынуждена признать это. Повсюду однообразие, не остро, не пресно – ни то ни се. А тут датчанин, кругленький эпикуреец-датчанин (у датчан пища, наверное, самая вкусная в Европе), рекомендует кухню таверны в греческой деревеньке.

В ответ на мой взгляд он засмеялся и раскрыл загадку:

– Все очень просто. Хозяин – грек из Сохо. Раньше жил в Айос-Георгиосе, двадцать лет назад эмигрировал в Лондон, нажил в качестве ресторатора состояние и теперь, как это здесь принято, возвратился к себе в деревню и решил осесть дома. Но он вознамерился обозначить Айос-Георгиос на карте и начал с того, что приобрел таверну и привез себе в помощь друга из лондонского ресторана. Пока они еще по-настоящему не развернулись, только что привели в порядок две существующие спальни, а третью превратили в ванную. Готовят в свое собственное удовольствие. Но они вас примут, Никола, я в этом уверен. Почему не попробовать? У них даже телефон есть.

На следующий день я позвонила. Владелец был удивлен, но обрадован. Гостиница пока еще официально не открылась, сказал он мне, они еще строят и красят, и я должна понять, что больше никаких постояльцев не будет, все очень просто и спокойно... Убедившись, что это именно то, что нам нужно, он, кажется, был рад нас принять.

Наши планы тем не менее осуществлялись не совсем гладко. Нам с Фрэнсис в понедельник вечером надо было отправиться самолетом на Крит, ночь провести в Ираклионе и на следующий день автобусом, который ходил два раза в неделю, выехать в Айос-Георгиос. Но в воскресенье она позвонила мне из Патр, где задержалась яхта ее друзей, и попросила, чтобы я, не теряя ни дня своего драгоценного недельного отпуска, отправилась на Крит без нее, предоставив ей самой добираться до места. Поскольку Фрэнсис была более чем способна находить выходы из любого положения и без всякой помощи с моей стороны, я согласилась, проглотила обиду и села на вечерний воскресный самолет, рассчитывая провести лишний день в Ираклионе, а потом во вторник, как и было запланировано, уехать автобусом. Но случай в лице Студебекеров предоставил мне возможность уже в понедельник утром оказаться на юго-западной оконечности Крита. И вот я здесь, и вокруг меня такой первозданный и пустынный ландшафт, о каком мог бы только мечтать ищущий покоя отшельник. И в моем распоряжении лишний день.

За мной, в глубине острова, земля резко поднималась. По скалистым серебристо-зеленым, серебристо-коричневым, серебристо-фиолетовым, глубоко рассеченным ущельями предгорьям неслись тени высоких перистых облаков, которые словно дымки сползали с далеких призрачных гребней гор. Ниже дороги, в сторону моря, земля была зеленее. Дорога на Айос-Георгиос вилась между высокими, стоящими стеной маки³, благоухающими греческими маки. Я различала запахи вербены, лаванды, шалфея. Над ярко-белой скалой и темно-зелеными маки иудины деревья поднимали облака своих пахучих пурпурных соцветий, а ветви их от постоянных африканских ветров клонились к земле. В далекой расселине, по-видимому значительно ниже того места, где я находилась, переливались яркие блики – это было море.

³ Заросли, чащоба (от *фр.* maquis).

Тишина. Ни крика птиц, ни звона овечьего колокольчика. Только гудение пчел над придорожным голубым шалфеем. И никакого следа деятельности человека, кроме дороги, на которой я стояла. Дорога и высоко на сверкающем лазурью небе белые облака.

Я подняла чемодан с запыленных зарослей шалфея и двинулась в путь.

С моря дул бриз, а дорога вела под гору, так что я шла довольно быстро. Тем не менее прошло целых пятнадцать минут, прежде чем я достигла обрыва, за которым открывалась нижняя часть дороги, и увидела в сотнях двух ярдов первое свидетельство присутствия человека.

Это был мост – маленькое сооружение с парапетом из необработанного камня. По нему дорога пересекала небольшую речку, которая, по-видимому, снабжала водой Айос-Георгиос. Отсюда деревни все еще не было видно, хотя я предполагала, что она уже недалеко, ведь через долину открылся вид на широкий сегмент моря, которое искрилось и сверкало за следующим поворотом дороги.

Я остановилась на мосту, сняла с плеча сумку, поставила чемодан и села на парапет в тени платана. Болтая ногами, я смотрела на дорогу вниз, в сторону деревни. Море, насколько я могла судить, находилось примерно в полумиле. Под мостом от заводи к заводи спокойно текла река, поблескивали отмели между поросшими кустарником берегами, кое-где виднелись иудины деревья. Больше в долине деревьев не было, ее скалистые склоны, казалось, вбирали в себя тепло дня.

Полдень. Не шелхнется лист. Тихо, только монотонно шумит вода, да изредка вдруг булькнет под мостом – это лягушки без всплеска ныряют в заводь.

Я посмотрела в другую сторону, вверх по течению, где вдоль берега под ивняком вилась дорожка. Я соскользнула с парапета, снесла чемодан вниз под мост и тщательно запрятала его в зарослях куманики и горных роз. Полотняную сумку с ланчем, фруктами и термосом с кофе я снова надела на плечо. В гостинице меня не ждали, ну и хорошо, значит не было причин спешить, и почему бы мне действительно не провести весь день без забот? Я могу найти прохладное место у воды, поесть, вволю насладиться горной тишиной и одиночеством и лишь к вечеру появиться в деревне.

Я отправилась вдоль реки по тенистой дорожке.

Вскоре она начала подниматься, сначала незаметно, а потом довольно круто, река же, оказавшись среди скал, стала порожистой и делалась все более шумной по мере того, как долина сужалась до настоящего ущелья, а дорожка превращалась в хорошо проторенную тропинку над быстриной воды, которой не достигало солнце. Деревья сомкнулись над головой, папоротники сочились влагой, мои шаги гулко отдавались в скалах. Маленькое ущелье при всей кажущейся уединенности, должно быть, постоянно посещали люди и животные: тропинка была плотно утоптана, и многочисленные признаки свидетельствовали о том, что мулы, ослы и овцы ежедневно ходят этим путем.

Чуть позже я поняла почему. Через редяющие сосны я вышла из тени ущелья к довольно крутому склону и тут же оказалась на открытом плато, может быть, в полумиле длиной и в две-три сотни ярдов шириной, словно на широкой террасе горного склона.

Тут были поля, принадлежащие людям из Айос-Георгиоса. С трех сторон плато было защищено деревьями, с четвертой, с юга, со стороны моря оно переходило в отлого спускающуюся скалу со склоном, усеянным огромными валунами. К северу от этой плодородной полоски в ослепительном свете вздымался серебристо-коричневый склон, кое-где притененный оливами и глубоко прорезанный оврагами, где росли деревья. Из самого большого оврага вытекала река и пересекала плато широкой излучиной. Не было ни дюйма нетронутой земли, все было вскопано, разрыхлено, бороновано. Среди овощных полей протянулись ряды фруктовых деревьев: я увидела тут абрикосы и рожковые деревья, а также вездесущие оливы и лимоны. Поля отделялись одно от другого узкими канавами или невысокими каменными валами, где беспорядочно росли маки, сладкий укроп, петрушка и еще множество трав, которые все можно было

использовать. На самых краях плато маленькие веселые критские ветряные мельницы крутили свои белые полотняные паруса, выплескивая в канавы воду, и сухая почва впитывала ее.

Поблизости никого не было. Я миновала последнюю мельницу, пробралась сквозь ряды виноградников, которые террасами располагались на поднимающейся в гору земле, и остановилась в тени лимона.

Я готова была тут и сделать привал. С моря дул прохладный бриз, замечательно пахли цветущие лимоны, вид был чудесный, но у моих ног над пометом мула в пыли жужжали мухи, а у кромки воды в траве валялась размокшая и развернувшаяся ярко-красная обертка от сигарет. Даже то, что надпись на ней была «ΕΘΝΟΣ», а не привычная «Woodbine» или «Player's Weights», ничего не меняло, эти ошметки оставались противным мусором, способным испортить квадратную милю сельской местности.

Я взглянула в другую сторону, в направлении гор.

Белые горы Крита и на самом деле белые. Даже когда в разгар лета сходит снег, их вершины все равно серебряные. Голые серые скалы, ярко блестящие на солнце, выглядят бледнее, менее реально, чем глубокая синева неба позади них, так что вполне можно поверить, что среди этих парящих вдаль вершин родился верховный бог. Ведь Зевс, говорят, родился в пещере Белых гор, на горе Дикта. И вам показывают то самое место...

И только я успела об этом подумать, как большая белая птица, неторопливо махая крыльями, поднялась неподалеку от меня из глянцевого листьев и спланировала над моей головой. Это была птица, каких я никогда еще не видела, похожая на маленькую цаплю, молочно-белая, с длинным черным клювом. Она и летела, как летают цапли, – выгнула шею, ноги вытянула назад, сильно, глубоко взмахивала крыльями. Белая цапля? Я прикрыла глаза ладонью, чтобы понаблюдать за ней. Она взмыла вверх к солнцу, потом повернула, пролетела над лимонной рощей, над оврагом и скрылась из виду.

Я до сих пор не понимаю, что тогда со мной случилось. По какой-то причине, которую я не в состоянии проанализировать, появление большой белой птицы, запах цветов лимона, хлопанье парусов ветряных мельниц и шум льющейся воды, солнечный свет, пробивающийся сквозь листву и озаряющий белые анемоны с сердцевинной цвета ламповой сажи и, главное – первое впечатление от легендарных Белых гор... – все это слилось вместе, обернулось сильнейшим волшебством, пронзающим стрелой счастья, одним из тех неожиданных потрясений радости, настолько физически осязаемых, что точно знаешь момент, когда переменится мир. Я вспомнила, как сказала американцам, что они подарили мне день. Теперь я поняла: верно, и в самом деле подарили. Значит, судьба. От нее не уйдешь. Я тут одна под лимонами, передо мной тропа, в сумке – пища, у меня в распоряжении лишний день, и белая птица указала мне путь.

Я бросила последний взгляд на клин сверкающего моря, повернулась лицом к северо-востоку и быстро пошла между деревьями к ущелью, которое, извиваясь, прорезало склон горы.

Это настолько соответствовало ходу моих мыслей, что, все еще во власти фантазии, я не сразу придала этому значение. Но подросла классическая мысль, которая известна как «подумай как следует», и реальность вытеснила миф: я похолодела и взглянула еще раз.

И не ошиблась. Позади моего зеркально отраженного плеча колыхалось лицо: кто-то наблюдал за мной из глубины зелени. Но это была не хранилища источника. Отраженное водой лицо было человеческое, мужское. Какой-то мужчина разглядывал меня с кромки скалы высоко над источником.

Первый испуг прошел, и я решила, что не стоит тревожиться. Одинокому страннику в Греции нет нужды бояться воров. Несомненно, это какой-нибудь пастух, заметил иностранку и любопытствует. Если не робкий, вероятно, спустится вниз поговорить.

Я попила еще, потом ополоснула руки. Когда я вытирала их носовым платком, трепещущее лицо все еще было видно в потревоженной воде.

Я повернулась и посмотрела вверх. Никого. Голова исчезла.

Я была заинтригована и немного подождала, наблюдая за вершиной скалы. Голова снова появилась, воровато... настолько воровато, что, несмотря на мой здравый смысл, несмотря на то, что я знала о Греции и греках, мелкая дрожь беспокойства поползла по спине. Это была не просто робость: в том, как голова медленно появлялась из-за скалы, было именно что-то вороватое. И даже более чем вороватое: увидев, что я наблюдаю за ним, человек снова отпрянул.

Оказалось – мужчина, не мальчик-пастух. Грек, конечно: смуглое, загорелое до цвета махагони лицо, коренастый, бандитского вида, с темными глазами и черной шапкой густых и плотных, как овечья шерсть, волос, что у греков считается одним из главных достоинств красивого мужчины.

Я едва успела бросить взгляд на него, как он скрылся. Я продолжала смотреть на то место, где появлялась голова. Потом поднялась на ноги с деланным безразличием, как будто он продолжал наблюдать за мной (хотя едва ли!), подняла сумку и повернулась, чтобы идти. Я не захотела тут оставаться, чтобы за мной шпионил этот сомнительный субъект.

И тут я увидела пастушью хижину.

К ней вела тропка, которую я сначала не заметила: узкая, протоптанная овцами дорожка протянулась через златоцветники к уступу под скалами, где, прижавшись к ней, стояла хижина.

Это была маленькая постройка без окон, такие довольно часто встречаются в Греции в отдаленных местностях. В них живут пастухи, приводящие на каменистые склоны овец и коз. Иногда в них доят овец и там же на месте приготавливают сыр. Случается, в непогоду туда загоняют и самих животных.

Хижина была маленькая, низкая, грубо сложенная из необработанных камней, стыки замазаны глиной. Накрыта она была валежником, сухими ветками кустарника, и была почти незаметна среди камней и кустов, окружавших ее.

Это объясняло появление наблюдателя у источника. Мужчина, конечно, пастух, а его отара, видимо, кормится на каком-нибудь другом горном лугу над скалами, где он лежал. Он услышал меня и, естественно, спустился посмотреть, кто это.

Моя тревога утихла. Стоя среди златоцветников, я почувствовала себя душой и уже почти решила тут остаться.

Было уже далеко за полдень, и солнце над маленьким пастбищем склонялось к юго-западу. И вдруг тень наползла на цветы, словно темная ткань упала на меня, затруднила дыхание.

Я взглянула наверх, и меня снова охватил страх. Из-за скалы у источника послышался перестук гальки, шуршание ног, и на моей тропке появился грек.

И сразу все стало на свои места. Испуг заставил меня поверить в невозможное: это опасность! Я видела его темные глаза, сердитые и усталые одновременно. Его рука, что было уж совсем невероятно, сжимала нож.

Никак не вспомнить греческого, чтобы крикнуть: «Кто вы? Что вам надо?» Невозможно убежать от него вниз по крутому склону. Тщетно взывать о помощи: вокруг пусто и тихо.

Но я, конечно, попыталась. Я пронзительно закричала и повернулась, чтобы бежать.

Это было, вероятно, самое глупое, что я могла сделать. Грек прыгнул на меня, крепко схватил, зажал мне рукой рот. Он что-то говорил мне полупшепотом – ругательства или угрозы, я в панике не понимала. Я пыталась вырваться, словно в каком-то кошмаре. Кажется, я пнула его ногой и ногтями расцарапала в кровь запястья. Слышался стук камней под нашими ногами, звякнул упавший нож. Я на момент высвободила рот и снова закричала. Но на этот раз мой крик был едва слышен. Да и кто тут мог помочь...

Удивительно, но помощь пришла.

С горного склона послышался мужской голос. Что было сказано, я не расслышала, что-то по-гречески, но воздействие на нападавшего было немедленным. Он застыл на месте, но продолжал держать меня, а рука снова крепко зажала мне рот.

Он повернул голову и ответил низким грубым голосом:

– Это иностранка. Шпионит тут. Думаю, англичанка.

Мне не было слышно, чтобы сзади кто-то приближался, – никакого движения. Я высунулась из-под руки грека, чтобы посмотреть, кто подал спасительный голос, но грек крепко держал меня.

– Не вырывайся, не крути носом! – прохрипел он.

Снова донесся голос, несомненно с расстояния:

– Англичанка?.. – Он вдруг замолк. – Что ты там с ней делаешь? С ума сошел! Давай ее сюда.

Грек несколько помедлил, потом сказал угрюмо на приличном английском, но с сильным акцентом:

– Идем со мной! И больше не верещи. Еще пикнешь – приблю. Будь уверена. Терпеть не могу таких женщин!

Я постаралась кивнуть. Он убрал руку от моего рта, ослабил хватку, но не отпустил, продолжая держать меня за запястье.

Он нагнулся поднять нож и махнул назад в сторону скал. Я обернулась: никого не было видно.

– Туда, – сказал грек и дернул головой в сторону пастушьей хижины.

Хижина была мерзкая. Дверной проем зиял неприветливой чернотой. Грек втолкнул меня перед собой по притоптанной пыли, и вокруг наших ног, жужжа, закрутились мухи.

Сначала я ничего не видела. После яркого света дня хижина внутри казалась довольно темной, но когда грек пропихнул меня дальше внутрь, в потоке света из дверного проема я смогла разглядеть даже самые дальние уголки. В правом углу, в стороне от двери, лежал мужчина. Его примитивное ложе состояло из каких-то растений, возможно папоротников или сухих веток кустарника. Больше в хижине ничего не было, кроме нескольких грубо отесанных кусков дерева в другом углу. Это могли быть детали примитивного пресса для сыра. Вместо пола утрамбованная земля, местами сквозь ее тонкий слой кое-где проглядывал камень. Овечий помет давно высох и не доставлял неприятностей, но в хижине пахло болезнью.

Когда грек втолкнул меня внутрь, лежащий человек поднял голову, прищурил против света глаза. Движение, как бы незначительно оно ни было, казалось, далось ему с трудом.

Он был болен, очень болен, – чтобы понять это, не надо было видеть неумело наложенных, жестких от засохшей крови повязок на левой руке и плече. Его обросшее не менее чем двухдневной щетиной лицо было бледно, щеки ввалились, а кожа вокруг глаз, блестевших подозрительно ярко, потемнела от боли и жара. На лбу у него была кровотокающая рана, волосы над ней слиплись, и к ним пристали соринки от его ложа.

Что же до остального, то он был молод, темноволос, голубоглаз, как многие жители Крита, и, если бы его помыть, побрить и если бы он был здоров, то выглядел бы довольно представительным мужчиной. Его нос и рот свидетельствовали о незаурядной энергии, руки были, несомненно, умелые, и, насколько я успела заметить, физически он был достаточно крепок. Надетые на нем темно-серые брюки и рубашка, когда-то белая, сейчас были грязные и рваные. Единственной постельной принадлежностью служила сильно потрепанная штормовка – старенькая куртка цвета хаки, предположительно принадлежащая человеку, который напал на меня. Больной прижимал ее к себе, как будто ему было холодно.

Он прищурил свои светлые глаза, присматриваясь ко мне и, по-видимому, собираясь с мыслями.

– Надеюсь, Ламбис не ушиб вас? Вы... кричали?

Казалось, он говорит откуда-то издалека, но я тотчас же поняла, что голос его, хотя и достаточно ровный благодаря заметному усилию, был очень слаб. Создавалось впечатление, что он пытается сберечь остатки сил, но они покидают его. Он говорил на английском, а я настолько была потрясена случившимся, что сначала подумала: «Как он хорошо говорит по-английски» – и лишь потом, с некоторым изумлением: «Да он англичанин».

Конечно, это было первое, что я сказала, все еще продолжая разглядывать детали: кровь вокруг раны, ввалившиеся щеки, грязную постель.

– Вы... вы... англичанин? – неуверенно произнесла я.

Глупо уставившись на него, я не сразу осознала, что грек Ламбис отпустил мой локоть, и машинально потирала схваченное им место, где позднее появился синяк.

– Вы ушиблись? Несчастный случай? Что же произошло с вами? – продолжала допытываться я.

Ламбис рванулся мимо меня и встал над ложем, как собака, охраняющая кость. У него все еще был усталый взгляд, пожалуй уже не таящий опасности, но он продолжал держать нож. Пережая больного, он заговорил быстро, словно защищаясь:

– Ничего. Несчастный случай при восхождении. Когда он отдохнет, я помогу ему спуститься в деревню. Нет никакой необходимости...

– Будь добр, замолчи! – рявкнул больной по-гречески. – И убери свой нож. Ты напугал ее, это так глупо. Бедная девушка. Ты что, не видишь, что она не имеет к этому делу никакого отношения? Тебе нечего было показываться, пусть бы она шла своей дорогой.

– Она меня увидела. И она шла сюда. Она бы наверняка пришла и увидела бы... Она бы разболтала в деревне.

– Ты что, уверен в этом? А теперь помолчи и предоставь все мне.

Ламбис стрельнул в него взглядом, полувызывающим, полузастенчивым. Он убрал нож, но остался у постели.

Диалог двух мужчин, который шел на греческом, совершенно успокоил меня, хотя установление национальности больного несколько обнадеживало (что было достаточно абсурдно). Однако я не подала виду, что поняла их. Следуя своей интуиции, я приняла решение сохранять осторожность, не выдавать свое знание греческого. Но что бы тут с ними ни произошло, я предпочла бы выбраться отсюда как можно скорее, и мне показалось, что чем меньше я знаю об «этом деле», в чем бы оно ни состояло, тем вероятнее, что они отпустят меня с миром.

– Простите. – Взгляд англичанина снова обратился на меня. – Ламбис не должен был вас так пугать. Я... у нас, как он вам сказал, произошел несчастный случай, и он немного не в себе. Ваша рука... Он сделал вам больно?

– Ничего особенного, прошло... А что с вами? Вы сильно пострадали? – Довольно странный несчастный случай, подумала я, если он заставил человека напасть на незнакомого, как Ламбис напал на меня, и мне показалось, что вполне естественно выказать некоторое любопытство и озабоченность. – Что же случилось?

– Камнепад. Ламбис считает, что его по небрежности вызвал кто-то, находившийся на горе выше нас. Он клянется, что слышал женский голос. Мы кричали, но никто не отозвался.

– Понятно.

Тут я увидела быстрый удивленный взгляд Ламбиса, и снова его угрюмые карие глаза уставились в пол. Для застигнутого врасплох человека, голова у которого была сейчас не такой уж ясной, как бы ему хотелось, это была неплохая ложь.

– Но это была не я. Я только сегодня приехала в Айос-Георгиос, и я не...

– Айос-Георгиос! – Блеск глаз на этот раз был не только от жара. – Вы пришли оттуда?

– От моста.

– И туда есть дорога?

– Трудно сказать. Она проходит по оврагу, но я ушла с нее с того места, где ее пересекает этот источник. Я...

– Дорога ведет прямо сюда, к хижине? – Это резким голосом спросил Ламбис.

– Нет, – сказала я. – Я же вам объяснила, что ушла с дороги. Но кругом полно тропок, протоптанных овцами. Стоит выбрать какую-нибудь вверх от оврага, и она разделяется на несколько. У источника я сделала привал.

– Значит, это не единственный путь к деревне?

– Не знаю. Но почти наверняка – нет. Хотя, если вы собираетесь добираться туда, может быть, нет ничего проще. Я особенно не задумывалась над этим. – Я раскрыла ладонь, в которой еще оставалось несколько помятых лепестков орхидей. – Я собирала цветы.

– А вы?.. – Это снова заговорил англичанин; он остановился, он ждал. Я видела, что он дрожал. Со стиснутыми зубами он ждал, пока пройдет приступ боли. Он прижимал к себе куртку, будто ему было холодно, но я видела на его лице пот. – Вы... вы встретили кого-нибудь по пути?..

– Нет.

– Никого-никого?

– Ни души.

Пауза. Он закрыл глаза, но почти сразу открыл их снова.

– Это далеко?

– До деревни? Довольно далеко, я думаю. Трудно сказать, насколько далеко, когда карабкаешься в гору. А вы сами каким путем пришли?

– Не этим. – Ответ был резким, но, даже несмотря на жар, он, кажется, почувствовал свою грубость и добавил: – Мы пришли другой дорогой, с востока.

– Но... – начала я и замолчала: это, наверное, был неподходящий момент говорить, что мне хорошо известно об отсутствии какой-либо дороги с востока, – единственная дорога подходит с запада, а потом поворачивает на север через проход, который ведет назад, вглубь острова. По этому отрогу Белых гор проходила только одна дорога.

Грек не сводил с меня глаз, и я поспешила добавить:

– Я вышла приблизительно в полдень, но, конечно, если идти вниз, это не займет так много времени.

Мужчина на постели беспокойно заворочался, – видно, рука сильно болела.

– Деревня... Где вы остановились?

– В гостинице. Там только одна: деревня очень маленькая. Но я еще не была там. Я приехала в полдень; меня подвезли из Ираклиона, меня пока еще не ждут, поэтому я... я пошла немного прогуляться, просто такое настроение. Тут так замечательно...

Я замолчала. Он закрыл глаза, словно перестав слушать, но совсем не это заставило меня прервать фразу, другое. Мне вдруг показалось, что он не столько отгораживается от меня, сколько защищается от чего-то такого, что намного нестерпимее испытываемой им боли.

Я поддалась второму за этот день порыву. Фрэнсис мне часто говорит, что моя импульсивность доведет меня когда-нибудь до беды. Людям ведь нравится, если они иногда бывают правы.

Я резко повернулась, выбросила помятые, поникшие орхидеи за порог и прошла к больному. Ламбис вытянул руку, кинулся было остановить меня, но я оттолкнула его, и он уступил. Я опустила на колени около раненого.

– Вот видите, – решительно сказала я, – вы ранены и вы больны. Это вполне очевидно. У меня нет желания влезать в дела, которые меня не касаются, да и вы, собственно, не хотите, чтобы вам задавали вопросы. И не надо мне ни о чем рассказывать, я не желаю знать. Но вы плохо себя чувствуете, и, если хотите знать, Ламбис неважно ухаживает за вами. Если не принять меры, вы серьезно заболеете и даже можете умереть. Во-первых, эта грязная повязка, во-вторых...

– Все в порядке. – Он произнес это с закрытыми глазами, все еще повернувшись к стене. – Не беспокойтесь. У меня просто приступ лихорадки... скоро все пройдет. Держитесь от этого подальше, вот и все. Ламбис никак не должен был... ну ладно, ничего. Но обо мне не беспокойтесь. Отправляйтесь к себе в гостиницу и, пожалуйста, забудьте об этом. – Он обернулся, преодолевая боль, и пристально взглянул на меня против света. – Ради вашего блага, уверяю вас... – Его здоровая рука шевельнулась, и я протянула свою навстречу. Его пальцы сомкнулись на моих: ладонь на ощупь была сухой, горячей и какой-то удивительно безжизненной. – Но если вы кого-то встретите по пути вниз... или в деревне, кто...

Ламбис грубо вмешался на греческом:

– Она же говорит, что еще не была в деревне; она никого и не видела. Что толку просить? Пусть идет, и молись, чтобы она молчала. Женщины как сороки. И ничего ей больше не говори.

Англичанин, казалось, не слышал его. Я подумала, что слова на греческом не дошли. Он не сводил с меня глаз, рот его приоткрылся, он дышал так, будто совсем утратил над собой контроль. Но горячие пальцы держались за мои.

– Они, может быть, пошли к деревне, – быстро пробормотал он на английском, – и если вы идете туда...

– Марк! – Ламбис шагнул вперед, оттесняя меня в сторону. – Ты в своем уме? Придержи язык и скажи ей, чтобы уходила! Тебе нужно поспать. – И добавил по-гречески: – Я пойду искать его сам. Как только смогу. Обещаю тебе. Он, наверное, вернулся к кайку. Ты напрасно себя терзаешь. – А потом мне сердито: – Вы что не видите, что ему плохо?

– Ладно, – сказала я. – Только нечего на меня так кричать. Не я его убиваю. – Я заботливо накрыла его обмякшую теперь руку курткой, встала и посмотрела греку в лицо. – Я вам сказала, что не задаю никаких вопросов, но я не собираюсь уходить отсюда, оставив его в таком состоянии. Когда это произошло?

– Позавчера, – недовольно пробурчал грек.

– Он провел здесь две ночи? – спросила я, ужаснувшись.

– Не здесь. Первую ночь он был под открытым небом, на горе. – И, не давая мне сказать ни слова, добавил: —...До того, как я его нашел и принес сюда.

– Понятно. А вы не пытались обратиться за помощью? Да... непохоже... понимаю, что вы в некотором затруднении. Я буду молчать, обещаю. Вы думаете, мне хочется вмешиваться в какие-то темные дела, которыми вы занимаетесь?

– *Ористе?*⁵

– В каком бы вы затруднении ни были, – нетерпеливо продолжала я, – ко мне это не имеет никакого отношения. Но я повторяю вам, что не намерена уходить и оставлять его в таком состоянии. Если вы ничем не поможете ему... как его зовут? Марк?

⁵ Что вы сказали? (греч.)

– Да.

– Если сейчас, здесь, не помочь вашему Марку, он умрет – вот тогда вам действительно будет о чем беспокоиться. У вас есть еда?

– Кое-что есть. Хлеб и немного сыра...

– Ну и грязища тут у вас!

На земле у постели стояла пластиковая кружка. В ней было вино, на краю сидели мухи. Я взяла ее.

– Идите и помойте кружку. Принесите мою кофту и сумку. Они там, где я их уронила, когда вы прыгнули на меня со своим ужасным ножом. Там есть еда. Конечно, не совсем подходящая для больного, но ее много, и она свежая. Ой, подождите минутку, смотрите, вон там что-то вроде котла, – наверное, пастухи пользуются им. Если вы наполните его, я могу набрать сучьев и мы разведем огонь...

– Нет! – в один голос воскликнули оба, при этом Марк широко раскрыл глаза, и, несмотря на всю его слабость, брошенный им на Ламбиса взгляд сверкнул, как электрическая искра между двумя полюсами.

Я молча смотрела то на одного, то на другого.

– Настолько все скверно? – спросила я наконец. – Тогда что же вы мне морочите голову? Камнепад! Какая чушь! – Я повернулась к Ламбису. – Так что же это было, нож?

– Пуля, – произнес он не без определенного удовольствия.

– Пуля?

– Да.

– Ого!

– Вот видите, – угрюмость Ламбиса сменилась свойственным человеку удовлетворением, – вам совершенно ни к чему лезть в это дело. И когда вы уйдете, никому ничего не говорите. Это опасно, очень опасно. Там, где одна пуля, может быть и вторая. И если вы хоть словом обмолвитесь о нас в деревне, я сам вас убью.

– Ну ладно, – нетерпеливо ответила я, почти не слушая его: выражение лица Марка страшно пугало меня. – Но сначала принесите мою сумку, вы слышите? И вот, помойте как следует это.

Я сунула ему кружку, и он взял ее, словно во сне.

– И быстро! – добавила я.

Он переводил взгляд с меня на кружку, на Марка, снова на кружку и наконец вышел из хижины, не проронив ни слова.

– Нашла коса на камень, – тихо произнес Марк в своем углу, на его измученном, искаженном болью лице появилась слабая улыбка. – А вы ничего девушка, а? Как вас зовут?

– Никола Феррис. Я думала, вам снова стало хуже.

– Нет. Я довольно вынослив, не стоит обо мне беспокоиться. У вас действительно есть еда?

– Да. Кажется, пуля вышла? Потому что, если нет...

– Вышла, кость не задета. И рана чистая. Это точно.

– Если вы уверены... – произнесла я с сомнением. – Впрочем, не знаю я ничего об этих проклятых пулевых ранениях, и, раз уж у вас нет горячей воды, придется верить вам на слово. Но у вас температура, это любому дураку ясно.

– Целую ночь провел под открытым небом. Потерял много крови... и шел дождь. Скоро все будет в порядке... через пару дней.

Вдруг он дернул головой, это было движение крайне яростного и беспомощного нетерпения. Я видела, как на его лице заходили желваки, но явно не от боли. Я тихо сказала:

– Попробуйте не волноваться, что бы там ни было. Если вы сейчас хоть немного поедите, вы быстрее отсюда выберетесь, только представьте себе, у меня есть термос с горячим кофе. Вот Ламбис уже идет.

Ламбис принес все мои вещи и вымытую кружку. Я взяла у него кофту и снова опустилась на колени перед постелью.

– Накиньте это на себя, Марк. – Он не протестовал, когда я сняла с него грубую куртку и укутала плечи теплой легкой шерстью. Курткой я накрыла ему ноги. – Ламбис, в сумке есть термос. Налейте ему немного кофе, ладно? Спасибо. Вы можете приподняться? Пейте!

Его зубы стучали о край кружки, и мне пришлось следить, чтобы он не обжег себе рот, с такой жадностью он накинулся на горячее питье. Я так и представляла себе, как бодрящее и живительное тепло разливается по его телу. Выпив половину кружки, он остановился отдышаться, и дрожь как будто уменьшилась.

– Теперь попробуйте поесть. Слишком большие куски, Ламбис, порежьте помельче мясо. Отломите корку. Теперь давайте. Справитесь?

Кусок за куском поглощал он пищу. Казалось, он очень голоден и в то же время заставляет себя есть. Из этого я с удовлетворением заключила, что он не так уж серьезно болен, и, если о нем позаботиться и оказать ему помощь, он выздоровеет довольно быстро. Ламбис стоял над нами и словно следил, чтобы я не подлила в кофе отравы.

Когда Марк съел все, что можно было в него затолкать, и выпил две кружки кофе, я помогла ему улечься и подоткнула вокруг него такие неподходящие одеяла.

– Теперь засните. Попробуйте расслабиться. Если вам удастся уснуть, вам сразу станет намного легче.

Он выглядел сонным, но видно было, что он хочет еще что-то сказать.

– Никола...

– Что?

– Ламбис говорит правду. Это опасно. Я не могу больше ничего объяснить, но держитесь подальше... не хочу, чтобы вы думали, что можете помочь. Вы очень любезны, но... Ничего особенного. Не надо вам связываться с нами... Не могу этого допустить.

– Если бы я только понимала...

– Я и сам не понимаю. Но... это мое дело, не добавляйте мне хлопот... пожалуйста.

– Хорошо. Я не буду вмешиваться, если... если и в самом деле я ничем не могу помочь...

– Ничем. Вы и так много сделали. – Он попытался улыбнуться. – Этот кофе спас мне жизнь, я в этом уверен. А теперь идите в деревню и забудьте о нас, хорошо? Я имею в виду – никому ни слова. Это очень важно. Я на вас надеюсь.

– Можете быть во мне уверены.

– Вы милая девушка...

И вдруг я увидела то, что поначалу скрывалось за его болезнью и удрученностью: он был очень молод. Ненамного старше меня, подумала я. Двадцать два? Двадцать три? Измененное страданием лицо, плотно сжатый рот делали его старше своих лет. Но вот, как это ни странно, стоило ему попытаться говорить со мной менторским тоном, так и выглянула из него молодость, как тело в просветах доспехов.

Он откинулся на своем ложе.

– Идите своей дорогой... Спасибо еще раз и простите, что так напугали... Ламбис, проводи ее вниз... и насколько можно дальше...

Насколько осмелишься – мог бы он еще с полным основанием сказать, но не сказал. А на меня вдруг, откуда ни возьмись, опять напал страх, словно тень, упавшая на цветы. Едва дыша, я сказала:

– Мне не нужны провожатые. Я пойду вдоль ручья. До свидания.

– Ламбис проводит.

Раздраженный шепот был все еще на удивление властным, и Ламбис поднял мою сумку, подошел ко мне и решительно произнес:

– Я пойду с вами. Идемте.

– До свидания, – тихо сказал Марк слабеющим голосом, что означало окончательное прощание.

Я оглянулась с порога и увидела, что он закрыл глаза, отвернулся и подтянул выше легкими отрывистыми движениями птенца мою кофту. То ли он забыл о ней, то ли слишком высоко ценил свой комфорт, во всяком случае он не проявил намерения вернуть ее мне.

Что-то в том движении, которым он погрузил свою щеку в белую мягкую шерсть, обрадовало меня. Он показался мне даже моложе своих лет, намного моложе меня.

Я резко повернулась и вышла из хижины. Ламбис – за мной.

Глава 3

*Заходит солнце, и дневные тени
Становятся длиннее и страшней.*

Натаниэль Ли. Эдип

– Я пойду первым, – сказал Ламбис, бесцеремонно обошел меня и повел через цветы к источнику.

Он тревожно осматривался, когда шел, а шел он осторожно, как ночной зверь, вынужденный двигаться при свете дня. Впечатление было неутешительное.

Вот и заводь наяды, неподалеку пучок орхидей, оброненный мною. Еще несколько шагов, и хижина исчезла из поля зрения.

– Ламбис, – сказала я. – Минутку.

Он нехотя повернулся.

– Я хочу с вами поговорить. – Я произнесла это тихо, хотя нас, конечно, не было слышно из хижины, и в ответ на его протестующее движение добавила: – Кроме того, я голодна и, если не съем чего-нибудь, упаду тут прямо на месте, не дойдя до деревни. Вам, наверное, сэндвич тоже не помешает?

– Со мной все в порядке.

– А со мной – нет, – твердо заявила я. – Дайте-ка я загляну в сумку. Да, тут еще много добра. Он съел очень мало. Я оставила ему кофе, возьмите апельсин, шоколад и немного мяса. Вот все это. Вы непременно должны помочь мне все доесть.

Мне показалось, что он с сомнением смотрит на пищу.

– Я все равно ухажу, – добавила я. – Вам в самом деле нет необходимости провожать меня дальше. Поймите, я сама великолепно справлюсь.

Он резко дернул головой:

– Нам нельзя здесь останавливаться, слишком открытое место. Наверху есть такое, где мы можем все видеть, а нас – нет. Оттуда видна хижина и дорога к ней. Пошли.

Он перебросил мою сумку через плечо, свернул от заводи к скалам и стал карабкаться наверх, туда, где я заметила его в первый раз. По пути он остановился, окинул все вокруг усталым, напряженным взглядом, а его свободная рука потянулась уже знакомым мне движением к ручке ножа. Грек был без куртки, и деревянная рукоятка, гладко отшлифованная рукой, много раз сжимавшей ее, по-пиратски торчала из ножен на его брючном ремне.

Он снова дернул головой:

– Пошли!

Я немного помедлила, потом решительно отвела взгляд от полированной ручки и последовала за ним по головокружительной козьей тропе, которая проходила мимо источника.

Он привел меня на широкий уступ несколько выше маленького летнего горного пастбища, где стояла хижина. Вряд ли можно было найти место лучше для укрытия и наблюдения одновременно. Уступ был шириной футов десять, с внешней стороны имел небольшой уклон к стенке утеса, так что снизу нас было не видно. Выступ сверху защищал от непогоды. Глубокая вертикальная расселина позади нас в утесе могла служить хорошим убежищем. Расселина наполовину заросла можжевельником, а воздух на уступе был насыщен сладким ароматом кустарников, которыми порос склон. Путь к нему закрывали густой ряд жимолости и раскидистые серебряные ветви диких фиговых деревьев.

Я уселась в задней части уступа ближе к расселине. Ламбис растянулся около его края и шарил настороженным взглядом по лежащим ниже скалистым участкам. С этой высоты я видела вдали широкую полосу моря. От блеска воды было больно глазам.

Мы разделили еду. Ламбис оставил всякое стеснение и ел, как голодный волк. Он не смотрел на меня. Он лежал, опершись на локоть, и не сводил глаз со склона под нами. Я хранила молчание, а когда наконец заметила, что он тяжело вздохнул и потянулся в карман за сигаретой, спокойно заговорила:

– Ламбис, кто стрелял в Марка?

Он вскочил и резко повернул голову. Взгляд его внезапно стал злым.

– Это не любопытство, – добавила я мягко. – Я ведь вижу, что вы ждете нового нападения на него, поэтому вам обоим придется прятаться. Но вы же не можете так без конца при нем оставаться... я хочу сказать, вечно. Вам должно хватить здравого смысла понять это.

– Вы думаете, я этого не знаю?

– Ну тогда как же вы уйдете если не за помощью, так за провизией?

– Разве не ясно, что я не могу его бросить.

– Ясно, что его нельзя перенести и не следует оставлять одного, но, судя по тому, что я видела, если кто-то не окажет ему в ближайшее время помощь, ему станет хуже. Давайте говорить откровенно, он может даже умереть. Если не от раны, так от переохлаждения. Вы сказали мне, что он провел ночь под открытым небом. Люди умирают от этого – шок, пневмония и еще бог знает что. Разве вы не знаете?

Никакого ответа. Он прикуривал сигарету и не смотрел на меня, но, по крайней мере, не порывался уйти и не торопил.

– Вы приехали сюда на лодке, – отрывисто произнесла я, – так ведь, это была ваша лодка?

Его голова дернулась, и спичка с шипением полетела вниз в сухие иголки можжевельника. Он рассеянно придавил тыльной стороной ладони крошечную спираль голубого дыма, чтобы задавить огонь. Если он и обжег руку, то не подал вида. Его глаза смотрели на меня не мигая.

– На... лодке?

– Да, на лодке. Я слышала, вы что-то говорили о кайке Марку. – Я улыбнулась. – Боже милостивый, уж в таком-то объеме греческий всем известен. И потом, Марк лгал мне о том, как вы сюда добрались. С востока сюда нет дорог; есть только один путь через эту часть Крита, а если бы вы приехали этой дорогой, вам бы не понадобилось спрашивать у меня, как добраться до деревни. Если бы не сильный жар, Марк понимал бы, что бесполезно так глупо лгать. Не могли вы приплыть и лодкой, доставляющей провизию из Ханьи, потому что она бы пришвартовалась в Айос-Георгиосе, и опять же вы бы знали дорогу. Это была ваша собственная лодка?

Пауза.

– Да, моя.

– А где она сейчас?

Пауза длиннее предыдущей. Потом неохотный жест в сторону побережья вне поля нашего зрения, несколько на восток.

– Вон там.

– А-а... Тогда я полагаю, у вас на борту есть продукты, одеяла, медикаменты?

– А если и есть?

– Надо за ними сходить, – спокойно сказала я.

– Как? – Ламбис произнес это сердито; но, по крайней мере, он слушал; его первоначальное недоверие ушло, он был даже на пути к тому, чтобы принять меня в союзники. – Вы не сможете найти лодку. Путь нелегкий. И это небезопасно.

Так, значит, он принял меня. Я подождала немного, потом медленно заговорила:

– Знаете, Ламбис, я думаю, вам лучше рассказать мне о всей этой истории. Нет, послушайте меня. Я знаю, что по-настоящему вы мне не доверяете, с какой стати? Но вам пришлось уже частично довериться мне, придется доверять и дальше, ведь я же отправлюсь в деревню. Так почему бы вам не раскрыться немного больше? Почему бы не воспользоваться тем, что я соглашаюсь помочь? Не думаю, что я много могу сделать, но может быть, чем-то помогу... словом, я обещаю быть очень осторожной. Я не стану вмешиваться там, где я не нужна, но, очевидно, я сделаю меньше ошибок, если буду знать, в чем у вас затруднения.

Его темные глаза пристально смотрели на меня. Они были непроницаемы, но каменная угрюмость сошла с его лица. Казалось, он колеблется.

– Сдается мне, я правильно заключила, что в Марка стрелял человек из Айос-Георгиоса?

– Мы не знаем. Мы не знаем, кто это сделал.

– Ну, если вы не намерены говорить мне правду даже теперь... – резко начала я.

– Это правда. Разве вам непонятно, что если бы мы знали, откуда и почему грозит опасность, тогда было бы ясно, что делать. Но мы не знаем. Вот поэтому я боюсь идти в деревню, боюсь просить там кого-нибудь о помощи, даже старосту. Я не знаю, то ли это семейная история, то ли кто-то иной имеет к ней отношение. Вы из Англии. Может быть, вы бывали в Афинах или даже на *Пелопоннисосе*⁶... – Я кивнула. – Но все равно вы не знаете, что такое эти горные деревни на Крите. Это все еще дикая сторона, и закон сюда не всегда доходит. Тут на Крите до сих пор убивают из-за семейных историй, понимаете? Здесь все еще происходят, я не знаю как это называется, семейные убийства из мести.

– Вендетта, кровная месть.

– Да, вендетта, я знаю, убивать за кровь. Кровь всегда приводит к крови.

Он произвольно произнес эту по-шекспировски прозвучавшую фразу совершенно обыденным тоном, который заставил меня похолодеть. Я внимательно посмотрела на него:

– Я полагаю, вы хотите сказать, что Марк, наверное по недоразумению, ранил кого-то и в него стреляли из мести? И кто стрелял – неизвестно? Но это же абсурд! Я считаю, подобное могло случиться на таком острове, как Крит, но, несомненно, теперь они должны считаться с тем...

– Он никого не ранил. Не было никакого недоразумения. Его беда в том, что он видел, как было совершено убийство.

Я слышала, как мое дыхание прорывается сквозь стиснутые зубы.

– Поня-я-тно. Значит, убийца допустил оплошность, что оставил Марка в живых, и он может рассказать о преступлении.

– Да, именно так. И мы даже не знаем, что это были за люди, убийцы, и человек, которого они убили, мы не знаем, куда пойти за помощью. Известно лишь то, что они все еще ищут Марка, чтобы убить. – Он кивнул в ответ на мой взгляд. – Да, да, это дикие края, *теспойнис*⁷. Если кого-нибудь обидели, вся его семья, может быть, вся его деревня будет помогать ему отомстить, вплоть до совершения убийства. Не всегда, конечно. Здесь, в этих горах, – часто.

– Да, я читала об этом, а некоторые даже не знают... – Я остановилась и вздохнула. – Вы с Крита, Ламбис?

– Да, я родился на Крите. Но моя мать была с Эгины, и когда отца убили на войне, она возвратилась домой, к своей матери. Мы жили на Эгине, в Айя-Марине.

– Понимаю. Значит, вас ничто не связывает с этими местами? Эта ужасная история не могла иметь к вам никакого отношения?

– Нет. Когда это произошло, меня здесь даже не было. Я нашел его на следующее утро. Я говорил вам.

⁶ Современное греческое название полуострова Пелопоннес, в свое время испытавшего сильное влияние древнего Крита.

⁷ Греческое обращение к незамужней женщине.

– Ах да, вы же говорили. Но я все же не могу себе представить, что так опасно спуститься вниз за припасами, опасно повидаться со старостой Айос-Георгиоса. Ведь он бы...

– Нет! – Ламбис заговорил резко, словно вдруг испугавшись. – Это не так просто.

– Вы можете поручить это мне, – спокойно предложила я.

– Я сам это сделаю.

Он подождал, продолжая обозревать пустынные пространства склона под нами, и когда, не заметив нигде движения, успокоился, пристроился поудобнее на локте и закурил сигарету.

– Я уже сказал вам, что у меня есть каик. Я сейчас живу в *Пиреусе*⁸. Марк нанял меня там, чтобы предпринять путешествие на острова. В течение двух недель мы побывали в разных местах, но это не имеет значения, и вот два дня назад мы прибыли на юг Крита. Мы хотели зайти в Айос-Георгиос позднее, тем же вечером. Я говорю о субботе. Марк знал о старой церкви в горной долине, недалеко от побережья, к востоку от Айос-Георгиоса. Эта церковь античная, – он произнес «аунтичная», – может быть, классическая, кто знает, и думаю, она есть в старых книгах.

– Я слышала о ней. Когда-то это был классический храм. Наверное, потом, позднее, на этом месте была построена церковь. Византийская.

– Ах так? Ну, в древние времена поблизости была гавань. В тихую погоду под водой еще можно увидеть старую стену и маленький каик может добраться как раз туда, где был старинный причал. Марк сказал мне остановиться там. Мы плавали два дня, а потом они захотели сойти на берег, прогуляться.

– Они?

– Марк и его брат.

– А!

Я внимательно посмотрела на него, с испугом начиная понимать, в чем дело. Я припомнила полное муки выражение беспомощности на лице Марка и то, что сказал Ламбис, чтобы его успокоить: «Я пойду искать его сам. Как только смогу».

– Догадываюсь, – хрипло сказала я. – Продолжайте.

– Ну, Марк и Колин сошли с каика и пошли наверх через холмы. Это было в субботу. Взяли еду и вино и ушли на весь день. Я остался с каиком. С мотором что-то не ладилось, и я собирался сходить кое за чем в Айос-Георгиос. Потом, к вечеру, вернуться, чтобы встретить Марка и Колина. Но оказалось, неполадку легко исправить, и я просто остался и ловил рыбу, поспал, поплавал до наступления вечера. Ждал их, ждал, когда придут – неизвестно. Надо, думаю, пойти посмотреть, знаете, как это бывает...

– Знаю.

– Потом – ночь, а их все нет, и я стал волноваться. Это дикие горы. Я не думал, что они заблудились, но я подумал о несчастных случаях. Наконец, я не смог больше ждать: запер каюту на каике, положил ключ в известное им место, потом взял фонарик и пошел наверх искать маленькую церковь. Но, вы понимаете, даже с фонариком нелегко найти дорогу.

– Вполне верю этому.

– Я кричал, конечно, и шел так далеко, как только мог. Но сам я тоже не хотел заблудиться. Церкви я не нашел и вернулся на шум моря. Стал ждать луну.

– Она восходит поздно, да?

Он кивнул и заговорил уже более охотно:

– Пришлось ждать долго. Когда она поднялась, это была не такая большая луна, но дорогу я видел довольно хорошо. Я шел медленно, очень медленно. Разыскал церковь, но никого там не было. Я не знал, куда еще идти. Потом набежала туча, пошел сильный дождь, стало снова темно, очень темно. Мне пришлось укрыться до рассвета. Я кричал, но никто не ответил. Я не

⁸ Современное греческое название города Пирей – крупнейшего порта Греции, который входит в состав Афин.

думал, что они прошли мимо меня назад к лодке, так что, когда рассвело, я пошел снова. Мне повезло. Я обнаружил тропку, не такую, как козья, – широкую, со старыми камнями, видно, что люди по ней ходили. Может быть, в старые времена это была дорога из Айос-Георгиоса к церкви и древней гавани, я не знаю. Но это была тропа. Я пошел по ней. Потом увидел кровь.

Простота рассказа Ламбиса в сочетании с монотонностью его речи оказали на меня поразительное воздействие. Он совершенно произвольно остановился, чтобы погасить окурок о камень, а я заметила, что слежу за его рассказом так напряженно, что, когда по уступу между нами пронеслась тень, я уклонилась от нее, словно это был летящий нож. Но это была всего лишь пустельга, порхнула в гнездо на скале над нами покормить своих птенцов. Они приветствовали появление пищи пронзительным писком.

Ламбис даже не поднял взгляда: нервы у него были крепче моих.

– Теперь, – продолжал он, – я уже был уверен – это несчастный случай. Произошел он до дождя, потому что дождь смыл большую часть крови, но я заметил кровь между камнями. Я испугался. Я стал кричать, но ответа не было. – Он остановился, посмотрел на меня. – Потом, не могу объяснить почему, я больше не звал их.

– Не надо объяснять, понимаю.

Я действительно понимала его очень хорошо. Я представляла себе по его рассказу: человек один на горном склоне, на камнях – кровь, жуткая тишина и отзывающиеся эхом скалы, пронизывающий страх. Я была на Эгине. Идиллический маленький остров в заливе Сароникос, где вырос Ламбис. Там есть одинокий, окруженный морем холм, он увенчан храмом, который стоит посреди пронизанных солнцем сосен. Во все стороны от его колонн видны леса и поля, окаймленные спокойным синим морем. Дорога вьется по тихим долинам, мимо склонов, где чуть ли не через каждые пятьдесят ярдов гнездятся среди папоротников и диких синих ирисов маленькие христианские святыни. Но здесь на Крите – иной мир. Известно, что эти подоблачные скалы, с их орлами, коршунами и кружащими стервятниками, с давних пор излюбленное убежище преступников и разного рода отчаянных людей.

Итак, Ламбис продолжил поиски и наконец нашел Марка. Он лежал примерно в трехстах ярдах дальше, прямо на тропе.

– Он прополз оттуда, где была кровь. Как – не знаю. Сперва я думал, что он мертв, потом понял: он без сознания, в него стреляли. Я сделал что смог и стал искать мальчика.

– Мальчика? Вы хотите сказать, что Колин моложе?

– Ему пятнадцать.

– О боже! Продолжайте.

– Я его не нашел. Но уже светало, я боялся, что они – кто, я не знаю – вернутся за Марком. Я не мог взять его в лодку: она была слишком далеко. Я унес его с тропы вверх по скалам, под гребень горы, а потом нашел это место. Легко понять, что здесь никого не было несколько недель. Я ухаживал за Марком, согревал его, потом вернулся назад, где нашел его, и засыпал все следы пылью, чтобы они подумали, что он очнулся и ушел. Об остальном – позже. Теперь расскажу, что сообщил мне Марк, когда смог говорить.

– Минутку, а вы не нашли Колина?

– Нет. Не нашел никаких его следов.

– Тогда, возможно, он жив?

– Мы не знаем.

Птичья возня на утесе прекратилась. Пустельга снова вылетела, в очаровательном выражении метнулась ниже уровня наших глаз, рванулась вправо и исчезла.

– Что вам рассказал Марк?

Ламбис достал еще одну сигарету. Он перевернулся на живот и принялся говорить, не прекращая наблюдения за нагретым склоном. Вкратце, без эмоций он рассказал мне историю Марка.

Марк и Колин пришли к маленькой церкви и там поели. После того как они осмотрели церковь, они пошли дальше и стали подниматься в гору, собираясь провести наверху весь день до возвращения на каик. С утра погода была хорошая, но со второй половины дня стали собираться облака, так что сумерки наступили рано. Братья, возможно, прошли немного дальше, чем собирались, и, когда наконец возвратились на тропу со «стертыми камнями», которая вела вниз, к церкви, темнота уже сгустилась. Они шли быстро, не разговаривали, обувь у них была на веревочной подошве и не создавала шума. И вдруг за поворотом дороги они услышали голоса. Говорили по-гречески, громко, как будто ссорились. Братья не придали этому значения и продолжали свой путь, но, повернув за выступ скалы, который скрывал от них говорящих, они услышали крики, потом выстрел и страшный вопль женщины. Они остановились у поворота; на их глазах разыгралась драматическая сцена.

Прямо перед ними на краю поросшей лесом ложбины стояли трое мужчин и женщина. Четвертый мужчина лежал лицом вниз у обрыва, и не надо было присматриваться, чтобы понять, что он мертв. Один из троих стоял в стороне и курил. Казалось, своей невозмутимостью и отстраненностью он демонстрировал свою непричастность к происходящему. У других были ружья. Стрелял, по-видимому, смуглый человек в критской одежде, он все еще не опускал свое ружье. Женщина цеплялась за его руку и что-то вопила. Он грубо оттолкнул ее, обругал дурой, да еще ударил кулаком. Второй мужчина при этом закричал и пошел на него, угрожая прикладом ружья. Кроме женщины, чье горе было очевидно, никого из них, казалось, не волновала судьба убитого.

Что касается Марка, его первой заботой был Колин. Кто бы там ни был прав или виноват в случившемся, момент для вмешательства был крайне неподходящий. Он положил руку на плечо мальчика, чтобы отпихнуть его назад, за камень, и прошептал: «Давай отсюда!»

Но третий мужчина, беззаботный курильщик, как раз в этот момент обернулся. Он увидел их, сказал что-то остальным, и все повернули в сторону Марка свои казавшиеся такими бледными в сумерках лица. Но не успели они еще опомниться от испуга и пошевелиться, как Марк все-таки оттолкнул Колина и раскрыл было рот, чтобы закричать, – но так и не мог сказать после, что он собирался крикнуть, – в этот миг мужчина в критской одежде вскинул ружье и выстрелил.

Однако Марк успел шагнуть назад и повернуться, чтобы тоже скрыться за камень. Это его и спасло. Он был у края оврага, и в момент поворота сумка с провизией, что висела у него на плече, увлекла его вниз.

Следующие его минуты были сплошной болью. Смутно он сознавал, что падает, обо что-то ударялся, катился среди камней и кустов и оказался, как обнаружил позже, в зарослях кустарника, несколько в стороне от тропы.

Он слышал будто бы издалека вопли женщины и ругань мужчин, а потом еще и голос Колина, обезумевшего от ужаса: «Ты убил его, чертова свинья! Пустите меня вниз к нему! Марк! Пустите меня, будьте вы прокляты! Марк!»

Потом был еще шум короткой яростной схватки на краю оврага, быстро оборвавшийся крик Колина, а после – только всхлипывания женщины, ее хриплые причитания на греческом, голоса двух неистово спорящих критян. И потом... неожиданно, настолько неожиданно, что Марк, плывущий тогда по волнам черной боли, даже не уверен, что это не был бред, – мужской голос бесстрастно произнес по-английски: «По крайней мере, не спешите, подумайте как следует. Три трупа – это слишком много, от них будет трудно избавиться даже здесь...»

– И это все, что Марк вспомнил, – сказал Ламбис. – Когда он пришел в себя, было уже светло. Мысль о Колине заставила его как-то подняться и выбраться из оврага на тропу. Он выбился из сил и некоторое время лежал там, истекая кровью. Потом собрался с силами и осмотрелся. Труп исчез, Колина тоже не было. У Марка сохранилось смутное воспоминание,

что убийцы ушли вглубь острова, и он пополз по тропе за ними. С трудом, несколько раз теряя сознание, он преодолел ярдов триста, дождь дважды приводил его в себя. Здесь я его и нашел.

Ламбис замолчал. Я несколько минут – а казалось, вечность – сидела молча, прижав руки к щекам, уставившись на далекое море и не видя его. Я не могла представить себе ничего подобного. Неудивительно, что Ламбис боялся. Неудивительно, что Марк старался не впутывать в это дело меня.

– Вероятно, они подумали, что Марк умер, – сказала я хрипло.

– Да. Было уже темно, и они, наверное, не захотели спускаться за ним в овраг. Там очень круто. Они решили, что если он не мертв, то умрет к утру.

– Значит, когда англичанин сказал им: «Подумайте как следует», он, должно быть, имел в виду Колина? Ведь два трупа – это были Марк и убитый мужчина?

– Похоже, что так.

– Так Колин, наверное, жив?

– Да, ведь Марк слышал его, – сказал Ламбис.

Он помолчал.

– Они могли вернуться днем за Марком, – неуверенно произнесла я.

– Да. – Взгляд темных глаз. – Я подумал об этом, еще и не слышав его рассказа. Я вернулся потом, чтобы уничтожить наши следы, сходил вниз за сумкой с продуктами, потом спрятался выше, среди скал, и подождал. Один приходил.

Снова пауза, такая характерная для его неторопливой речи.

– Вы видели его?

– Да. Мужчина лет сорока в критской одежде. Вы знаете, как выглядит такой наряд?

– Да, конечно.

– На нем была синяя куртка и темно-синие свободные брюки. На куртке были – как это они называются? – такие маленькие цветные шарики вдоль края.

– Ах эти? Я бы назвала их бонбошками, вы ведь имеете в виду эту причудливую отделку шнуром, как у викторианской скатерти с бахромой.

– Куртка с бонбошками, – Ламбис, по-видимому, безоговорочно принял и запомнил мое легкомысленное определение, – и мягкая черная шляпа, обвязанная вокруг красным шарфом со свисающими концами, так, как носят критяне. Лицо очень смуглое, усы – как у большинства критян. Я его сразу узнаю, как увижу.

– Вы думаете, это был убийца?

– Да. Было довольно темно, когда прогремел выстрел, и Марк не мог разглядеть лиц, но он убежден, что выстрелил мужчина в критской одежде.

– Что же он делал, когда вы его увидели?

– Он осмотрел все вокруг и спустился в овраг. Искал Марка. Критянин потратил много времени, видно, никак не мог поверить, что Марк исчез. Мужчина выглядел озадаченным и встревоженным, долго не оставлял поисков, в надежде, что Марк отполз подальше и умер. Но он искал внизу, в овраге, понимаете? Он не подумал, что Марк мог выбраться назад на тропу. Потом критянин все-таки поднялся и стал исследовать тропу. Я видел, что он очень обеспокоен. Но, думаю, он ничего там не заметил и спустя некоторое время ушел. Но не в сторону Айос-Георгиоса. Он пошел туда, – жест приблизительно на север, – там, наверху, я думаю, есть еще деревня. Так что мы до сих пор не знаем, откуда пришли убийцы.

– Но... Я подумала, не могли ли вы... – я не знала, какие лучше тут употребить слова, – не могли ли вы, раз он был один...

В первый раз Ламбис довольно кисло улыбнулся.

– Вы считаете, мне надо было напасть на него? Конечно. Но должен сказать вам, я ждал случая заставить его выложить правду, узнать, что они сделали с Колином. Однако подходящего случая не было. Он находился слишком далеко от меня, а между нами – открытый склон.

И у него винтовка, которую он носит вот так, – жест, обозначающий ружье на изготовку. – Он слишком быстро пустил бы ружье в ход. Мне пришлось его отпустить. Если я буду рисковать, Марк умрет тоже.

– Конечно.

– И из-за Марка, который так слаб, я не мог пойти за этим критянином, чтобы узнать, куда он идет... – Вдруг Ламбис сел прямо и быстро повернулся ко мне. – Теперь понимаете? Вам ясно, почему я говорю об опасности и почему не осмеливаюсь оставить Марка даже для того, чтобы искать Колина? Марк хочет, чтобы я пошел, но он слишком болен, а когда у него жар, он пытается выйти из хижины, чтобы искать брата.

– О да, я прекрасно понимаю. Спасибо, что вы мне все это рассказали. Ну теперь-то вы, конечно, примете мою помощь?

– Что вы можете сделать? Вы не можете сейчас пойти вниз в деревню, купить еду и одеяла и вернуться. Вся деревня через час будет знать об этом, и дорога сюда, к Марку, станет всем известна. Не можете вы и пойти к лодке: скоро стемнеет и вы не найдете дороги.

– Не найду. Но вы – найдете.

Он внимательно посмотрел на меня.

– Ну это же ясно, – сказала я. – Вы пойдете, а я останусь с ним.

Можно было подумать, что я предложила ему спрыгнуть со склона Белых гор.

– Вы?!

– Что же делать? Кому-то надо остаться с ним, а кому-то доставить припасы. Я не могу доставить припасы, следовательно – остаюсь с ним. Все очень просто.

– Но меня не будет долго. Наверное, несколько часов.

Я улыбнулась:

– Тут нам повезло. В гостинице меня ждут только завтра. Никто в Айос-Георгиосе не знает, что я уже приехала. Когда бы я ни появилась там, никто не станет мне задавать вопросов.

Он зачерпнул пригоршню сухих иголок, и они медленно посыпались сквозь его пальцы. Он смотрел на них, а не на меня, когда говорил со мной.

– Если они вернутся за Марком, эти убийцы, вы будете здесь одна.

Я слотнула и ответила, стараясь, чтобы мои слова прозвучали спокойно и уверенно:

– Так вы подождете, пока не стемнеет, верно? Если они не вернутся и не найдут хижину до темноты, то вряд ли будут искать ее ночью.

– Это верно.

– И не считайте меня безрассудной, легкомысленной. Я бы, разумеется, не хотела оставаться здесь, уж поверьте. Но я просто не знаю, что еще можно тут сделать.

– Вы можете сделать то, что посоветовал вам Марк, – идти себе вниз в гостиницу и забыть про нас. Будете спать в удобной постели и в полной безопасности.

– Вы думаете, я смогу спокойно спать?

Он поднял плечи, слегка скривил рот, потом бросил взгляд на небо в сторону запада.

– Хорошо. Как только стемнеет, я пойду. – Взгляд на меня. – Мы ничего не будем говорить Марку, пока я не отправлюсь.

– Да, лучше не надо. Он станет волноваться из-за меня, правда?

Ламбис улыбнулся:

– Он не любит быть беспомощным, этот парень. Он из тех, на чьих плечах держится мир.

– Он, должно быть, сходит с ума из-за Колина. А если бы только он заснул, вы бы могли уйти и вернуться и он бы ничего не знал.

– Это было бы лучше всего. – Ламбис поднялся. – Тогда побудьте здесь, пока я не подам сигнал. Я присмотрю за ним, до самого ухода. Вам ничего не надо будет делать, только следить, чтобы он, проснувшись и не помня себя от жара, не попытался выползти из хижины искать брата.

– С этим я справлюсь, – сказала я.

Он стоял и смотрел на меня. Что выражало его лицо, понять было трудно: на нем была привычная мне маска угрюмости.

– Я думаю, – медленно произнес он, – вы с чем угодно справитесь. – И вдруг, приветливо и весело улыбнувшись, добавил: – Даже с Марком.

Глава 4

*Смотри, как пробирается луна
и кутает свои рога туманом.*

Оскар Уайльд. Пантея

Ламбис ушел, когда начало смеркаться. Два долгих часа, оставшихся до захода солнца, ничто не нарушало тишины склона подо мной, кроме легких быстрых шагов Ламбиса, ходившего из хижины за водой.

Солнце опустилось в море, очертания ландшафта стали неясными. Я опять увидела Ламбиса в дверях хижины. Он вышел, прошел немного вперед, остановился, посмотрел наверх и подал мне знак рукой.

Я подняла в ответ руку, потом осторожно направилась вниз навстречу ему.

– Он спит, – сказал Ламбис приглушенным голосом. – Я дал ему остаток кофе и обмыл руку. Она выглядит сейчас лучше. Его немного лихорадило, он говорил глупости, но больше не рвался наружу. С вами он будет в полном порядке. Я набрал воды во флягу, так что не надо будет выходить.

– Очень хорошо.

– Я пойду. Вы не боитесь?

– Немного. Но это естественно. И ничего не меняет. Вы будете осторожны?

– Конечно. – С минуту он потоптался в нерешительности, потом последовал знакомый жест к бедру. – Вам оставить это?

«Это» – был его нож. Он лежал у него на ладони.

Я покачала головой:

– Оставьте себе. Если он кому-то из нас понадобится, так это вам. Во всяком случае для меня он бесполезен. Я не сумею им воспользоваться. Да, Ламбис...

– Что?

– Вот о чем я подумала: не мог ли Колин убежать от них? Или, может быть, они его отпустили? Ведь они же знают, что Марк, возможно, остался жив, и должны понимать, что попадут в худшее положение, если убьют Колина. Я хочу сказать, что первое убийство – это местная история, оно может сойти им с рук, но совсем другое дело – убийство двух граждан Великобритании.

– Я и сам об этом подумал.

– А если он свободен, Колин, он бы в первую очередь отправился искать тело Марка, а не найдя его, он, конечно, пойдет к каику, верно?

– Я тоже об этом подумал. Надеюсь, найду его там.

– Пока они, скорее всего, не нашли каик... – задумчиво сказала я. – А если нашли, они должны связать это с Марком, так ведь? Тропа, «древняя» тропа, как вы говорили, ведет к старой гавани. Может, они решили, что Марк с Колином должны встретиться там?.. Тогда, надо думать, они добрались до каика.

Ламбис покачал головой:

– Тропа идет через холмы мимо церкви, потом она разделяется на две, одна ведет в горную деревню на севере – Анохию, куда пошел критянин, вторая – к другой деревне, вдоль побережья на восток. Там еще проходит дорога на Фест, где есть древности и куда ездят туристы. Определенно убийцы скорее решат, что Марк отправился тем путем. Они ведь не знают

о лодке. У Марка и Колина была сумка для провизии, можно было подумать, что они и спали под открытым небом, а может быть, собирались спать предстоящей ночью в старой церкви.

– Что ж, давайте считать, что вы правы, будем надеяться, что они и не подумали о лодке. Ее легко увидеть сверху, с берега?

– Нет, нелегко, но я все-таки спрячу ее получше. Там есть пещера... не совсем пещера, так, расселина между скалами... ее никак не увидишь с берега. Я поставлю лодку туда, тогда уж ее никто не заметит. Сегодня вечером не будет ветра...

– Но если Колин вернется туда, где вы оставили лодку?

– Он ее все равно найдет. Если он дойдет до места и не увидит ее там, знаете, что он сделает? Он поступит так, как поступил бы всякий: подумает сначала, что это не то место и примется искать. Там много бухточек и скал, он все их обыщет поблизости и найдет каик.

– Да, конечно. Любой так и сделал бы. Если ожидаешь что-то увидеть в определенном месте, просто глазам своим не веришь, когда не находишь. – Я посмотрела на Ламбиса с уважением. – А вы... вы действительно верите, что встретите его там?

Он быстро взглянул на дверь хижины, как будто боялся, что Марк услышит его.

– Я знаю не больше, чем вы, *теспойнис*. Может быть, они боятся, потому что стреляли в Марка, и только попытаются убедить Колина молчать, и Колин сейчас ищет своего брата. Я не знаю. Может быть, вообще нет никакой опасности.

– Но вы этому не верите...

Он не сразу ответил, и я услышала в темнеющем небе высоко над головой крики запоздалых чаек – звук был приглушен расстоянием и навевал тоску.

– Нет, – сказал он наконец. – Не верю. Есть опасность. Человек, которого я видел, – опасен, он опасен, как дикий зверь. И те люди, о которых рассказывал Марк, тоже... да, это опасно, я чувствую. Опасность висит в воздухе этих гор.

Я улыбнулась, пытаюсь вселить в него бодрость:

– Может быть, это потому, что вы к ним не привыкли. Вы теперь дитя города, как и я. Высокие горы меня пугают.

– Город, горы – они одинаковы, если там есть дурные люди, – серьезно сказал он. – Когда я был ребенком, в моей деревне было то же самое. Мы боялись в своих домах, в собственных кроватях... только тогда для маленького мальчика война была вместе с тем и привлекательна. Но теперь... теперь – нет.

Из хижины послышался шум, шуршание сухих листьев, громкий вздох, потом снова тишина.

Ламбис понизил голос:

– Мне надо идти. Я возьму все, что смогу унести. Будьте осторожны, *теспойнис*...

– Никола.

– Так, значит, Никола.

– До свидания. И удачи. – Я сглотнула. – И вы тоже будьте осторожны. Скоро увидимся. Умоляю вас, не падайте и не ломайте ноги в темноте... Сколько, вы думаете, это займет времени?

– Я дождусь рассвета. И наверное, еще часа три после этого.

– Хорошо, – сказала я насколько могла спокойно. – А если вы не возвратитесь к полудню, я пойду вас искать.

– Хорошо.

Он скоро пропал из виду на темнеющем горном склоне. Его шаги замерли. Я услышала еще, как хрустнула ветка, покатылся задетый камень, и все – тишина.

Морские птицы улетели. На востоке, над высокими башнями скал небо было облачным, над морем оно еще оставалось ясным, быстро темнея с приближением ночи. Уже загорелись

первые звезды, яркие, немерцающие. Я вспомнила, что прошлой ночью луна в своей последней четверти была как серебро, выщербленное от многолетней чистки...

Рядом со мной зиял чернотой, как пасть пещеры, вход в хижину. Сама хижина прижималась к скале, как бы ища защиты, на самом деле так и было. Я снова глянула вверх, на ночное небо. Для Ламбиса было бы лучше, чтобы появилась луна и пролила из-за облаков хоть немного света. Но для меня с Марком, напротив, чем темнее ночь, тем лучше.

Я отогнала эту мысль прочь. Не стоит думать о том, что нас могут обнаружить. Нас не найдут. А если и найдут, то, мол, ошиблись, и никакой опасности, вот и все. Никакой.

Придя к такому заключению (своего рода мысленной браваде), я повернулась и ошупью пробралась в темноту хижины.

– Ламбис?

Значит, проснулся. Я спокойно прошла на голос и села на край постели из веток.

– Ламбис ушел вниз к лодке, чтобы принести еду и посмотреть, нет ли там Колина.

– Вы?

– Да. И не волнуйтесь, пожалуйста. Кому-то надо было пойти. Мы оба не могли идти в деревню за съестным, а я не знаю дороги к лодке. К утру он вернется. Вы проголодались?

– Что? Нет. Только попить немного. Но подумайте, какая глупость. Я считал, что вы уже в безопасности, у себя в гостинице. Вам надо уходить, они начнут расспрашивать.

– Нет. Я вам уже говорила, что меня ждут только завтра. Моя кузина Фрэнсис задерживается, она тоже не может прибыть раньше, так что никто обо мне не будет беспокоиться, честно. Теперь перестаньте думать об этом. Я сейчас дам вам попить, во фляге есть вода... если только я найду, во что налить... Вот...

Его рука, нащупывая чашку, встретила мою, и я поняла, что он подбирает слова. Вероятно, он был сильно утомлен и сознание его все еще было затуманено жаром, потому что воспринял он мое присутствие без дальнейших споров, просто; когда попил, издал протяжный вздох и, возвращаясь к началу разговора, спросил:

– Он пошел к лодке?

– Да.

– Он рассказал вам обо всем? О Колине?

– Да. Мы подумали, что Колин уже возможно пробрался к лодке.

Он ничего больше не сказал. Я услышала, как зашуршала постель, когда он откинулся назад. Сухой, резкий аромат шел от нее, но он был недостаточно силен для того, чтобы перебить запах грязи и болезни.

– Как вы себя чувствуете? – спросила я.

– Прекрасно.

Я нащупала его пульс. Он был легкий и частый.

– Я возьму на себя смелость согреть немного воды? Как рука?

– Болит, но уже не дергает так сильно, – терпеливо ответил он, как послушный ребенок. – К утру будет лучше.

– Если удастся держать вас в тепле, – сказала я. – А вы поспите. Вам тепло?

– Господи, да я прямо вареный.

Я прикусила губу. Ночь, к счастью, была далеко не холодной, скалистая поверхность горы еще дышала теплом. Но пройдут часы, и к рассвету станет холодно, в это время года не редкость низкие облака и дожди.

Под моими пальцами трепетал его слабый пульс. Марк лежал в своем углу вялый и молчаливый.

– Я забыл ваше имя, – вдруг сказал он.

– Никола.

– Ах да, простите.

- Не важно. А вы Марк... Марк?..
- Марк Лангли. Когда он вернется?
- Он не сказал, – солгала я. – Он собирается убрать лодку, чтобы ее не было видно с береговых троп. Для этого нужен дневной свет.
- А если к лодке возвратится Колин...?
- Он найдет ее. Как следует поищет и найдет. Она будет неподалеку, только под скалой. Мы ничего не можем предпринять до рассвета, так что перестаньте думать об этом. Если сумеете выкинуть все из головы, отдохнуть и выспаться, тогда завтра вы, наверное, сможете спуститься вниз к лодке.
- Я попытаюсь. – Он сделал такое движение, словно бы у него заболела рука. – Но вы?.. Вам надо было уйти. Я и один бы справился. Вы правда завтра уйдете? Выпутаетесь из этой истории... не знаю даже, как ее назвать?
- Да, – утешающе сказала я. – Придет Ламбис, и я уйду. Поговорим об этом завтра утром. Сейчас вам нельзя волноваться, надо попытаться заснуть.
- Ламбис говорил, что где-то здесь есть апельсин?
- Конечно. Подождите минутку, я почищу его.
- Он молчал, пока я занималась апельсином, и чуть ли не с жадностью схватил дольку, которую я протянула ему, но, когда я дала вторую, он, казалось, потерял всякий интерес к нему и оттолкнул мою руку. Его начал трясти озноб.
- Ложитесь, – сказала я. – Завернитесь как следует.
- Вам самой холодно. У вас нет пальто. – Он уселся, как бы взяв себя в руки. – О боже! У меня же здесь ваша шерстяная вещь. Наденьте ее.
- Нет, мне не холодно. Нет, Марк, черт подери, у вас температура. И не заставляйте меня воевать с вами по каждому пустяку.
- Делайте, что вам говорят.
- Я сиделка, а вы больной. Сейчас же укутайтесь в эту дурацкую кофту, закройте рот и ложитесь.
- И не подумаю! Вы тут вот сидите, и на вас ничего нет, кроме этой хлопчатобумажной тряпки.
- Со мной все в порядке.
- Возможно. Но вы же не можете сидеть так всю ночь.
- Послушайте, – сказала я, встревожившись, потому что он начал стучать зубами, – пожалуйста, ложитесь, умоляю. Мы вместе накроемся этой чертовой кофтой. Я прилягу к вам, и тогда нам обоим будет тепло.
- Он, дрожа, улегся, и я проскользнула к нему, к его здоровому боку. Я подложила руку ему под голову, а он, совершенно не смущаясь, слегка повернулся и вжался спиной в изгиб моего тела. Стараясь не задеть перевязанное плечо, я крепко обняла его. Так мы пролежали некоторое время. Я чувствовала, как он, согревшись, медленно расслабляется.
- Наверное, здесь блохи, – сонно проговорил он.
- Думаю, вы не ошиблись.
- И постель пахнет. Не удивлюсь, если окажется, что и сам пахну немного.
- Я вас завтра помою, хотя бы холодной водой.
- Нет, не помоете.
- Вы еще противитесь! Что ж, этот ваш грек, с его представлениями о гигиене, сведет вас в могилу. Хотела бы я видеть, как вы все-таки выглядите...
- В ответ послышалось то, что можно было бы назвать хихиканьем.
- Не стоит трудиться. Сестры говорят, что я хорошенький, хоть и не красавец.
- Сестры?
- Да, Шарлотт, Энн и Джулия.

– Бог мой, три.

– Да, и потом еще Колин.

Мы немного помолчали.

– Вы самый старший?

– Да.

– Думаю, поэтому вы и не привыкли к послушанию.

– Отец у меня часто в отъезде, и я привык всеми командовать. Сейчас он в Бразилии, он резидент-инженер⁹, строит порт в Манаусе на Амазонке, еще два года туда будет ездить. А до этого был на Кубе. К счастью, я в это время в основном был дома... Сейчас почти все разбрелись: Шарлотт – в театральном училище, Энн – на первом курсе в Оксфорде. Джулия и Колин еще ходят в школу.

– А вы?

– О, я пошел по стопам отца, инженер-строитель... вот так. Пару лет, сразу после школы, проработал в чертежном бюро, потом учился в Оксфорде. Закончил последний курс. Эта поездка, собственно, вроде награды... Отец отправил нас на три недели на острова, и, конечно, мы надеялись на самую хорошую погоду...

Он продолжал говорить словно в полудреме, и я его не останавливала, уповая на то, что так с разговором он и уснет, больше не думая о Колине.

– Сколько времени? – вдруг совсем сонным голосом спросил он.

– Мне не видно. Вы лежите на часах.

Моя рука была у него под головой. Я повернула запястье и почувствовала, что и он поглядывает на него. Светящийся циферблат поизносился, но был еще достаточно отчетлив.

– Около полуночи.

– Всего-то?..

– И вам не хочется спать?

– Мм. Хорошо, тепло. А вам?

– Да, хочется, – солгала я. – Плечу удобно?

– Вы замечательная, Никола. Замечательная девушка. Чувствую себя как дома. Так, словно сплю с вами годы. Прекрасно.

Мне показалось, что он прислушивается к собственным словам. И тут снова прозвучал его голос: отчетливо, без всяких сонных ноток:

– Я страшно извиняюсь. Не пойму, что заставило меня сказать такое. Должно быть, я грезил.

Я засмеялась:

– Бросьте думать об этом. Я чувствую то же самое. Потрясающе. Как дома. словно бы это давно вошло в привычку. Засыпайте.

– У-уф... Луна есть?

– Нечто похожее. Прямо над головой. Тусклая последняя четверть, такая ворсистая по краям, словно шерсть. Должно быть, сильная облачность, но света достаточно. Достаточно для того, чтобы помочь Ламбису и вместе с тем чтобы не высветить все то, что он делает.

Он замолчал и молчал так долго, что я подумала – заснул. Но он вдруг беспокойно задвигал головой, поднимая с ложа пыль.

– Если Колина нет на лодке...

– Можете быть уверены, он там. И через несколько часов он явится с Ламбисом. И довольно об этом, ни к чему эти разговоры не приведут. Оставьте ваши раздумья, засыпайте. Вы слышали когда-нибудь легенду о лунных пряжах?

– О чем о чем?

⁹ Прораб.

– О лунных пряжах. Это наяды, водные нимфы. В глухих селениях можно и теперь встретить трех девушек, разгуливающих по горным дорогам в сумерках. У каждой в руках по веретену. Они наматывают на них шерсть, молочно-белую, как лунный свет. А это и есть лунный свет, сама луна. Поэтому-то им и не нужна прялка. Они не парки¹⁰ или еще что-нибудь ужасное, они не касаются жизни людей, все, что они делают, это следят за тем, чтобы мир получал свои часы темноты. И они этого добиваются, спрядывая до конца луну. Ночь за ночью можно видеть, как луна становится все меньше и меньше, а на веретенах девушек шерсти все больше и больше. И вот наконец луны совсем нет, и в мире тьма и покой, звери в горах не боятся охотников, а приливы и отливы становятся не такими сильными...

Тело Марка рядом со мной обмякло, дыхание его стало глубже. Я стала говорить как можно тише и монотоннее:

– А потом, в самую темную ночь, девушки несут свои веретена в море, чтобы вымыть шерсть. И шерсть соскальзывает с веретен в воду и распускается длинными бликами света от берега до горизонта. И снова появляется луна. Она поднимается над морем тоненькая, кривая. И только когда вся шерсть вымыта и снова собралась в белый шар на небе, лунные пряжи опять могут приняться за свою работу, чтобы сделать ночь безопасной для тех, за кем кто-то охотится...

Лунный свет за пределами хижины был слаб, что-то серенькое, просто рассеяние темноты. Достаточно для того, чтобы уберечь Ламбиса от падения, достаточно для того, чтобы переправить лодку в укрытие, не дожидаясь рассвета, но недостаточно для любопытных глаз, чтобы увидеть то место, где мы с Марком лежим в маленькой темной хижине, тесно прижавшись друг к другу. Лунные пряжи были там, снаружи. Не выбирая пути, они шагали по горам Крита, наматывая на веретена свет и делая ночь безопасной.

Он спал. Я повернулась на щекочущих ветках и коснулась щекой его волос, жестких и пыльных, но сладко пахнувших сухой вербеной.

– Марк? – не столько спросила, сколько выдохнула я.

Он не ответил.

Я подсунула руку под куртку хаки и нащупала его запястье. Оно было влажное и теплое. Пульс все еще был частым, но более ровным и сильным. Я снова подоткнула вокруг спящего куртку.

И без всякой причины, просто показалось, что это надо сделать, я тихонько-тихонько поцеловала его волосы и решила тоже поспать.

¹⁰ В римской мифологии богини судьбы, прядущие и обрезающие нить жизни.

Глава 5

*Тут омывают почетные раны его,
Чресла мужские в нетленный наряд облачают.*

Александр Поуп. Илиада Гомера

Я проспала достаточно, хотя и чувствовала себя вялой, когда окончательно проснулась. Марк все еще крепко спал, свернувшись позади меня. Он дышал легко, вполне нормально, а его кожа в том месте, где я осторожно потрогала ее, была холодной. Жар спал.

Было еще рано. От входа проникал свет, окрашенный в перламутровые тона. Мое запястье было где-то под щекой Марка, и я не осмеливалась пошевелиться, чтобы взглянуть на часы. Я гадала: то ли этот холодный свет оттого, что еще слишком рано, то ли сгустившиеся перистые облака закрыли солнце. В некотором смысле для нас лучше, если бы они были, но они, наверное, холодные и влажные, а одеял у нас нет...

От этой мысли я окончательно проснулась. Ламбис. Без сомнения, Ламбису пора бы уже вернуться...

Я осторожно приподняла голову Марка и попыталась вытащить ладонь. Он пошевелился, слегка всхрапнул и проснулся. Он поднял руку протереть глаза, потом потянулся. Это движение приблизило его ко мне, но, обнаружив меня, он резко отпрянул и, должно быть, причинил руке боль.

– Вот так раз! Боже, я и забыл, что вы тут! Я, наверное, вчера вечером был в подпитии.

– Это самое приятное, что мог мне сказать мужчина после проведенной вместе ночи, – сказала я, выпутываясь из веток. – Если бы я могла встать и не будить вас, я бы так и сделала, но вы так трогательно свернулись...

Он усмехнулся, и я поняла, что в первый раз вижу, как он улыбается. Даже с двухдневной щетиной и бледным лицом он выглядел удивительно молодо.

– Благодарю вас, – вдруг торжественно произнес он, – я как следует выспался и чувствую себя прекрасно. Мне кажется, что я бы смог сегодня и передвигаться. Видит Бог, мне уже лучше. Но вы, вы-то спали?

– Немного, – ответила я, не уклоняясь от правды. – Во всяком случае достаточно. Вполне выспалась.

– Который час?

– Начало шестого.

Я увидела морщинки тревоги у него между бровями. Он переместил руку, как будто она вдруг снова стала болеть.

– Ламбис не вернулся?

– Нет.

– Боже мой, надеюсь с ним ничего не случилось. Теперь и он попал из-за меня в эту заваруху.

– Слушайте, умоляю вас, – сказала я, – не принимайте вы и Ламбиса на свой счет. Он сам ввязался в это дело и, как я поняла, может постоять за себя. – Я встала, продолжая снимать с себя веточки и листочки. – И вот что я надумала, пока вы лежали и храпели: надо вас вытащить из этой хижины. И чем раньше, тем лучше.

Он потер рукой лицо, словно прогоняя остатки сна. Глаза его все еще были затуманены усталостью и волнением ночи.

– Да?

– Если кто-то действительно станет снова вас искать и доберется сюда, то, поймите, при наличии хоть капли здравого смысла они пойдут туда, где есть вода, а увидев хижину, непременно заглянут в нее. Ламбис поступил правильно, притащив вас сюда, в это укрытие. Но теперь, когда вам лучше, надо найти другое место – снаружи, на воздухе, теплое и тенистое убежище, откуда будет хороший обзор. Гораздо лучше спрятаться на горном склоне, чем в единственном заметном на горе укрытии.

– Это верно. И не могу сказать, что мне будет жаль уходить отсюда... Для начала не можете ли мне выбраться наружу?

– Конечно.

Он оказался тяжелее, чем выглядел, и к тому же гораздо беспомощнее, чем надеялся. Понадобилось порядочно времени, чтобы он мог выпрямиться во весь рост, опираясь о стену хижины и на меня. Теперь я увидела, что он невысок, но телосложения плотного, широкоплеч, с сильной шеей.

– Ладно. – Он часто и тяжело дышал, как будто участвовал в состязаниях по бегу, на лице его выступил пот. – Держитесь поближе к стене. Я сделаю еще шаг.

Мы сделали его очень медленно. А когда добрались до порога, появилось солнце, свет его струился слева между высокими золотоцветниками. Длинные тени от цветов бежали по траве. Уголок, где находилась хижина, оставался еще в тени, и воздух был прохладным.

Я усадила Марка на ствол упавшей оливы и пошла напрямик к источнику.

Заводь тоже была еще в тени, и вода в ней – ледяная. Умывшись, я вернулась в хижину за котелком, который там заметила. Пастухи, должно быть, пользовались им как чайником. Снаружи он был закопчен дочерна, но изнутри достаточно чистый, без малейшего пятнышка ржавчины. Я оттерла его, как смогла, крупным песком из ручья, наполнила и вернулась к Марку.

Он сидел теперь на земле, рядом со стволом оливы, тяжело опершись на него. У Марка был такой изможденный вид, он казался при дневном свете таким больным, что я едва сдержала взглас отчаяния. Только бы скорее пришел Ламбис. С одеялами, горячим супом...

Я зачерпнула из котелка полную кружку ледяной воды.

– Вот, попейте. Если вы хотите умыться, у меня есть чистый носовой платок... Нет, лучше я сама... Не шевелитесь.

На этот раз он не возражал и позволил помыть ему лицо, а потом и руки. На большее я не решилась. Чистоплотность сродни благочестию, но вода была ледяная. Он выглядел теперь как опустившийся бродяга. У меня было такое чувство, что и я выглядела вполне подходящей ему парой. Сегодня у меня не хватило духу посмотреть в зеркало заводи наяды.

Завтрак был преотвратительный. Хлеб – твердый, как пемза, его надо было размачивать в ледяной воде, чтобы Марк смог его есть. Шоколад был лучше, но приторный и несытный. Апельсин стал дряблым, мягким, как замша, и безвкусным.

Марк с очевидным усилием заставлял себя жевать и проглатывать эту неаппетитную еду. Я следила за ним с тревогой и пробуждающимся уважением. Он, может быть, и был упрямым и диктатором, но здесь проявил мужество, столь же определенное, как и героизм на поле боя; он вел жестокое, но незаметное сражение со своей собственной слабостью, с необходимостью долго лежать, сохранять неподвижность, чтобы набраться сил, и это в то время, когда каждый нерв решительно взывает к действию. Для меня это была новая точка зрения на мужество.

Когда с нашей скудной едой было покончено, я нерешительно взглянула на Марка:

– Ламбис показал мне вчера одно место. Хорошее укрытие, и все видно вокруг на несколько миль. Единственное неудобство – высоко лезть: вон за тот утес, потом еще карабкаться наверх. Вон туда, видите? Если вам не справиться, я поищу вокруг, найду еще что-нибудь...

– Я справлюсь.

Как он одолел этот подъем, я никогда не пойму. Нам потребовался целый час. А когда он с совершенно бледным лицом и весь в поту наконец лежал на уступе, я почувствовала себя так, словно пробежала из Марафона в Афины, и притом с плохими вестями.

Через некоторое время я села и взглянула на него. Глаза у него были закрыты, и выглядел он ужасно, но солнце добралось до выступа, и он лежал, повернувшись к нему лицом, жадно впитывая его тепло.

Я опустилась на колени:

– Пойду за сумкой с провизией и постараюсь уничтожить наши следы в хижине. А когда вернусь, что бы вы ни говорили, я разведу огонь.

Веки его дрогнули.

– Не глупите.

– Это не глупость. Но первое и самое главное для вас – тепло. Вам надо выпить что-нибудь горячее, и, если мне придется заняться вашей рукой, потребуется горячая вода. Если я наберу сухих веток и разожгу небольшой костер там в глубине, – я кивнула в сторону расселины позади нас, – дыма будет немного, а мы сможем приготовить что-нибудь горячее. И лучше это сделать сейчас, пока вряд ли кто-нибудь тут появится.

Он снова закрыл глаза.

– Как хотите, – безразлично произнес он.

Времени замести наши следы в хижине потребовалось немного. Любой пастух мог оставить подобное ложе, и, хотя оно и могло вызвать подозрение, мне не захотелось убирать его, ведь оно, возможно, еще понадобится Марку ночью. Я ограничилась тем, что перевернула его, чтобы не было заметно, что на нем недавно лежали. Метелкой из веток я размела пыль, на которой оставались еще следы наших ног.

Потом, быстро посмотрев вокруг, я полезла назад на уступ, осторожно держа в руках полный котелок свежей воды, с сумкой через плечо и рюкзаком, которые набила до отказа сухими ветками.

Марк лежал на том же месте, где я его оставила. Глаза закрыты. Я тихо пронесла свой груз в расселину. Как я и полагала, она довольно далеко углублялась в утес, и здесь, под нависшей скалой, мне надо было умудриться соорудить костер. Когда топливо было подготовлено, я осторожно выглянула с выступа. Вокруг – ничего, никакого движения, только пустельга охотилась вдоль края оврага. Я вернулась и поднесла к костру спичку.

Я не ахти какой мастер разводить костры, но, когда имеешь дело с сухими шишками и ветками вербены, это любому под силу. Пламя от единственной спички ленточками побежало по пучкам сухих прутьев, потом заструилось вверх ярким языком. Замечательно было это неожиданное тепло – живительное и сильное. Котелок, нагреваясь, потрескивал, потом опасно наклонился, когда под ним обуглилась и сломалась ветка, зашипела вода у краев накалившегося металла.

Я с тревогой посмотрела вверх. Дым был почти не виден, прозрачная пелена пара скользила вверх по неровной поверхности утеса и, не достигнув его вершины, растворялась в мелкой дрожи поднимающегося тепла. Костер будет гореть минут десять – вряд ли это бросится кому-то в глаза.

Котелок зашипел, забурился. Я наломала в кружку последние кусочки шоколада, налила туда кипящей воды, размешала это чистой веточкой цвета белой кости. Огонь быстро умирал в красном сиянии золы. Я поставила котелок назад, на еще горячее место, потом понесла Марку дымящуюся кружку.

– Вы можете это выпить?

Он повернул голову, с неохотой открыл глаза.

– Что это? – Голос его прозвучал невнятно, и я подумала, правильно ли я поступила, позволив ему затратить столько сил, чтобы сюда взобраться. – Бог мой! Горячо! Как это вам удалось?

– Я вам говорила, разожгла костер.

Я увидела в его глазах внезапную вспышку тревоги и поняла, что он был слишком изможден, чтобы воспринять то, что я сказала раньше. Я улыбнулась и быстро опустилась на колени рядом с ним.

– Не волнуйтесь, костер уже потух. И выпейте все до конца. Я оставила немного горячей воды и собираюсь обработать вашу руку, как только вы попьете.

Он взял кружку и маленькими глотками стал пить обжигающую жидкость.

– Что это?

– Мой собственный рецепт: лечебные травы, собранные при неполной луне в Белых горах.

– По вкусу это жидкое какао. Из каких это закромов вы его достали? – Он дернулся от неожиданной мысли, и немного какао выплеснулось на землю. – Они?! Ламбис пришел?

– Нет, еще нет. Это просто растворенный шоколад.

– Там мало оставалось, я видел. Вы свой съели?

– Еще нет. У нас только одна кружка. Я попью, когда вы ее освободите. Пейте быстренько.

Он подчинился. Выпил. Откинулся назад.

– Замечательно. Я уже лучше себя чувствую. Вы хорошо готовите, Николетти.

– Никола.

– Извините.

– Вот именно. Теперь сожмите покрепче зубы, герой, я собираюсь взглянуть на вашу руку.

Я вернулась к своему угасшему костру, выпила полную кружку горячей воды, которая была удивительно хороша на вкус, и возвратилась к Марку, полная решимости, с дымящимся котелком в руках.

Я не знаю, кто из нас проявил больше мужества во время последовавшей затем процедуры. Я мало что понимала в ранах и их лечении – откуда я могла знать? Кроме того, у меня было такое чувство, что при виде чего-то неприятного, крови например, мне станет дурно, я осрамлюсь. А мысль, что, может быть, придется причинить ему боль, приводила меня в ужас. Но это надо было делать. Я приготовилась сопротивляться тошноте, уняла дрожь в руках и с видом, который должен был свидетельствовать о моем спокойствии и умении, принялась разматывать грязную повязку, которую накануне наложил на руку Марка Ламбис.

– Да вы не пугайтесь, – успокаивал пациент. – Рана давно уже не кровоточит.

– Не пугаться? Мне? Лучше скажите, где Ламбис откопал эту тряпку?

– Я думаю, это от его рубашки.

– Боже милостивый. Да, похоже на то. А это что? По виду напоминают листья.

– Ах это... Что-то вроде ваших лечебных трав, собранных при идущей на убыль луне. Ламбис насобирал. Не могу вспомнить, как он назвал эту траву, но он клялся, что его бабушка применяла ее во всех случаях – от абортот до укуса змеи. И что бы вы думали... – Он вдруг замолк, резко вздохнув.

– Простите, тут немного присохло. Потерпите, сейчас будет больно.

Марк не ответил. Он лежал, повернув голову в сторону, проявляя очевидный интерес к поверхности скалы над выступом. Я взглянула на него с опаской, закусив губы и начала счищать всякую дрянь, добираясь до раны. Наконец я справилась с этим.

Поначалу вид открытой раны напугал меня. В жизни не видела ничего подобного. Длинный рваный глубокий след от пули, пропахавшей тело, выглядел отвратительно. Марку повезло, конечно, дважды повезло. Убийца целился в сердце, но совсем немного промахнулся,

и пуля не наделала больших бед, к тому же она прошла по касательной, пропоров примерно четыре дюйма верхней части руки.

Края раны не сходились, она была открытой и, очевидно, очень болезненной. Я зажмурилась, собралась с духом и посмотрела снова. На этот раз я, к собственному удивлению, смогла смотреть на нее без ощущения подступающей тошноты! Я отложила грязную повязку в сторону, с глаз долой, и сосредоточилась. Самое главное было убедиться в том, что рана действительно чистая. Эти засохшие пятна крови и струпья надо было смыть, чтобы увидеть...

И я начала осторожно это делать. Один раз Марк невольно пошевелился, и я замерла с лоскутком в руке, но он ничего не сказал. Казалось, он следил за полетом пустельги, которая залетела в гнездо над ним. Я упорно продолжала свою работу.

Наконец рана была промыта, и я решила, что она чистая. Кожа вокруг нее была нормального цвета, и не было никаких признаков припухлости. Я слегка надавливала пальцами вокруг раны, следя при этом за лицом Марка. Но никакой реакции не заметила, только сосредоточенное наблюдение за пустельгой над нами. Тут я смутно припомнила один когда-то читанный мною приключенческий роман и, решившись, нагнулась и понюхала рану. Она слегка пахла его кожей и потом после его недавнего тяжелого подъема. Я выпрямилась и увидела, что он улыбается.

– Ну, гангрены нет?

– Что ж, – осторожно сказала я, – будем надеяться на лучшее. Потребуется несколько дней, чтобы окончательно убедиться... Ой, Марк, ничего-то я на самом деле в этом не понимаю, но, честно говоря, она кажется мне чистой и, по-видимому, скоро должна зажить.

Он повернул голову, чтобы взглянуть на рану.

– Выглядит хорошо. Теперь надо держать ее сухой, и все.

– Хорошо?! Да она просто ужасно выглядит! Очень болит?

– Да разве можно так говорить, неужели вы не понимаете? Вы должны быть полны оптимизма и уверенности: «Ну, парень, все выглядит замечательно. Теперь можешь встать на ноги и идти». Нет, она и на самом деле выглядит достаточно прилично, и она чистая, бог знает почему. Может быть, весь фокус-то как раз в этих травах, случалось, они творили чудеса. И это несмотря на то, что я был даже не в состоянии сообразить, что эту старую рубашку Ламбис носил по крайней мере с тех пор, как мы вышли из Пирея...

– Удивительный случай. Он просто показывает, что происходит, если предоставить все природе. И не нужны такие достижения современности, как антисептики! Ладно, лежите смирно. Я собираюсь снова перевязать вас.

– Чем? Что это?

– Старая нижняя юбка Николы, которая была на ней еще с Афин.

– Но послушайте...

– Лежите спокойно. Не волнуйтесь, я ее постирала сегодня утром. Она висела, как белый флаг, на том кусте в расселине.

– Не будьте такой глупой, я не это имел в виду. Не можете же вы снять с себя еще какую-то одежду. Боже мой. У меня ваша кофта, а тут еще и юбка.

– Успокойтесь. Я вам больше ничего не отдам. Если уж на то пошло, так у меня больше ничего и нет про запас. Ну вот так выглядит лучше, и рана не будет мокнуть. Как теперь ваша рука?

– Замечательно. Нет, честно, на самом деле лучше. Больше не чувствую пульсации, просто неприятная болячка, и боль страшная, если пошевелить.

– Ну, вам сейчас нет необходимости двигаться. Оставайтесь на месте и понаблюдайте за горой, а я пойду закопаю эти тряпки и принесу свежей воды, чтобы мы могли подольше не слезать отсюда, если нельзя будет...

Когда я вернулась с водой и новым запасом топлива и подготовила все для костра, было уже без нескольких минут восемь. Я улеглась рядом с Марком, опершись подбородком на руки.

– Посмотрю немного вокруг. А вы ложитесь.

Не сказав ни слова, он улегся и закрыл глаза с тем же суровым выражением сосредоточенного терпения.

Я посмотрела вниз на длинные голые склоны горы. Ничего. Восемь часов отличного ясного утра.

Впереди был долгий день.

Глава 6

*Изыди...
Альфред Теннисон. Улисс*

Прошло минут двадцать, как появился мужчина.

Я заметила движение далеко внизу, у горного склона, к юго-востоку от того места, где мы лежали. Моя первая мысль, естественно, была, что это возвращается Ламбис. Но потом, когда крошечная фигурка продвинулась ближе, меня поразило, что он не проявлял ни малейших усилий, чтобы остаться незамеченным.

Я прищурила от солнца глаза. На таком расстоянии еще трудно было как следует рассмотреть путника, но одет он был во что-то темное. Это могли быть коричневые брюки Ламбиса и его темно-синяя шерстяная куртка. Насколько я могла разглядеть, он не нес ничего, кроме палки, и шел не таясь, да еще и по самым открытым участкам горного склона. Человек, казалось, не торопился, часто останавливался и внимательно смотрел вокруг, прикладывая козырьком руку, чтобы защитить глаза от блеска солнца.

Когда он через несколько минут остановился в четвертый раз, я решила, скорее мучимая любопытством, чем предчувствуя что-то дурное: это не Ламбис. Потом, когда он поднял руку, я уловила блеск от предмета, который он держал у глаз. Бинокль! А потом, когда он продвинулся еще ближе, я повнимательнее посмотрела на палку, которую он нес. Ружье!

Я лежала, вдавившись в иглы можжевельника, которыми был усыпан выступ, и следила за незнакомцем так, как если бы следила за гремучей змеей. Сердце после первого болезненного толчка страха несколько успокоилось, хотя и билось испуганно, неровно. Я делала глубокие вдохи, чтобы окончательно взять себя в руки. Взглянула на Марка.

Он лежал без движения, с закрытыми глазами, и жуткая печать крайней усталости все еще не сходила с его лица. Я протянула было к нему руку, но тут же отдернула ее. Времени еще достаточно, не стоит беспокоить его, пока убийца не подойдет ближе.

То, что это убийца, сомнений уже быть не могло. Когда маленькая из-за расстояния фигура приблизилась по открытому участку склона, я заметила мелькание красного – на голове его была красная повязка, о которой говорил Ламбис, – кроме того, уже различались мешковатые очертания критского наряда. Человек явно что-то искал. Почти каждую минуту он останавливался, чтобы осмотреть какую-то часть склона в бинокль, а раз, когда он повернулся и стал пробираться через поросль молодых кипарисов, он и ружье взял на изготовку...

Он вышел из тени рощи и снова остановился. Теперь стекла были направлены вверх... они поворачивались в сторону выступа... пастушьей хижины... пути, по которому пошел бы Ламбис...

Стекла скользнули мимо нас и тут же назад на восток. Он долго рассматривал густо поросшие деревьями скалы над рощицей кипарисов, откуда он вел обзор. Наконец опустил бинокль, подтянул ружье и начал медленно подниматься в гору. Выступающий утес скрыл его из виду.

Я легонько дотронулась до Марка:

– Вы не спите?

В ответ на мой шепот он тут же открыл глаза, и по их выражению было видно: он понял, что означает мое осторожное движение и упавший голос.

– Что такое?

– Там кто-то идет, внизу, неподалеку. И я думаю, что это тот человек, о котором вы говорили. Он, кажется, что-то или кого-то ищет, и у него ружье.

– С уступа его сейчас видно?

– В данный момент – нет.

Марк неловко перевернулся на живот и осторожно выглянул вниз сквозь можжевельник. Я стала говорить ему прямо в ухо:

– Видите, там внизу кипарисы? Лесок позади низкорослого дерева с сухой веткой, похожей на рог оленя? Вот оттуда он движется вверх по склону. Вам отсюда не видно, но выше там тоже есть деревья, за тем утесом, и начинается узкое ущелье, такое же, как это, только поменьше. К нему вроде бы течет поток от небольшого водопада. – Я сглотнула с усилием. – Говорила же я, что он будет рыскать там, где вода.

Марк вытянул шею, чтобы осмотреть скалы выше и ниже нашего выступа.

– Когда мы карабкались сюда, мне не до того было, чтобы все как следует разглядеть. Нас на самом деле не видно снизу?

– Не видно. Даже трудно догадаться, что тут есть выступ. Все, что можно увидеть, – вот эти кусты, а они выглядят так, как будто растут в трещине на поверхности утеса.

– А тропка наверх, к нам?

– Тоже не видна, она среди тех кустов внизу, у фигового дерева.

– Мм, что ж, придется пойти на риск. Вы можете проползти назад в ту впадину, незаметно и не производя ни звука?

– Я... я думаю, да.

– Тогда возвращайтесь туда, пока он вне поля зрения.

– А если он все-таки придет сюда, заглянет, а нам негде здесь спрятаться. – Я пожала плечами. – Во всяком случае... мне лучше остаться здесь. Если произойдет схватка, у нас больше шансов...

– Схватка! – У Марка прямо дыхание перехватило от внезапно вспыхнувшей ярости. – Какая такая схватка? Что мы можем противопоставить ружью? Бросать перочинные ножички на тридцать ярдов?..

– Да, понимаю. Но я бы, несомненно, могла...

– Поймите, времени на споры нет. Ступайте туда, я вас умоляю! Я не могу заставить вас, но пожалуйста, будьте добры, хоть один раз просто сделайте то, о чем вас просят!

Я никогда не видела, как у кого-нибудь отваливается челюсть, но у меня, наверное, отвалилась. Я почувствовала это. Я села и с изумлением уставилась на него.

– Он ищет меня, – рассерженно, но терпеливо сказал Марк. – Только меня. О вашем существовании он и не подозревает. О Ламбисе тоже не знает. Вы будете там в полной безопасности. Теперь, надеюсь, вам хватило ума понять это?

– Но... но он вас убьет, – заикаясь, глупо произнесла я.

– И каким же образом вы предполагаете это предотвратить? – разгневанно спросил Марк. – Прикончит и вас тоже, и все из-за меня. Замолчите и ступайте. У меня нет сил спорить.

Я молча повернулась.

Но было поздно. Я начала соскальзывать назад из моего укрытия в можжевельнике, когда Марк схватил меня здоровой рукой.

В первый момент я не поняла, в чем дело, но тут же заметила сквозь зелень мелькание красной повязки. И сразу же услышала – настолько он был близок – хруст песка под подошвами его сапог и стук покотившегося из-под ноги камня.

Марк лежал как изваяние. Несмотря на забинтованную руку и страшно бледное лицо, он выглядел на удивление угрожающе, хотя его оружием были лишь складной нож и горсть камней.

Критянин решительно шагнул по тропе, по которой ушел Ламбис. Она вела мимо маленького поля златоцветника, ниже пастушьей хижины, мимо источника, от которого начинается подъем на выступ...

Теперь человек был мне хорошо виден – плотного телосложения, невысокий, но сильный на вид, с кожей цвета красного дерева. Я не могла на таком расстоянии ясно различить черты его лица, мне бросились в глаза лишь квадратные скулы и полные губы под густыми усами. Рукава его темно-синей рубашки были засучены, открывая коричневые узловатые предплечья. Я разглядела даже ярко-красную отделку его безрукавки. Обернутый вокруг талии кушак с заткнутым за него ножом довершал его критский «героический» наряд.

Человек снова поднял бинокль. Мы лежали неподвижно, как камни. И потянулась минута, когда сердце, казалось, готово было выскочить из груди. Солнце накаляло скалу, обвеваящее нас тепло несло запахи вербены, тимьяна и шалфея. Осмелев от нашей неподвижности из-за камня на несколько футов выползла маленькая коричневая змейка. Ее крошечные глазки сияли на свету, как капли росы. Я едва обратила на нее внимание: бояться еще чего-то было уже просто невозможно. Да и не время было волноваться из-за крохотной змейки, когда внизу, на краю альпийского луга, стоял с поднятым биноклем убийца...

Но вот движение бинокля остановилось. Мужчина застыл, как поинтер. Он увидел пастушью хижину.

Если бы он был местным жителем, он бы, конечно, знал о ее существовании, но судя по всему, подумала я, он просто забыл о ней, а теперь вспомнил. Он опустил бинокль, который свободно висел на шнуре, снова выставил вперед ружье и, не спуская взгляда с двери хижины, осторожно двинулся по золотоцветнику вперед.

Я обернулась и увидела немой вопрос в глазах Марка: все ли следы я уничтожила? Лихорадочно я перебирала в памяти: ложе, пол, моя сумка и ее содержимое, сумка Марка для провизии, повязка с его плеча, кожура апельсина. Да, все, я была в этом уверена. Я коротко и успокаивающе кивнула Марку.

Он чуть заметно поднял большой палец вверх, что означало одобрение, и мотнул головой в сторону расселины позади нас. Его глаза улыбались. Я как могла ответила ему тем же и послушно, как та маленькая коричневая змейка, нырнула в тень узкой расселины.

Она шла под углом к выступу, так что, устроившись в конце нее, я могла видеть оттуда только узкий сектор выступа и ногу Марка от ступни до колена.

Расселина была подобием какого-то убежища, но отсюда я ничего не могла видеть и поэтому чувствовала себя хуже, чем на выступе. Я расположилась тут и прислушивалась к ударам своего сердца.

Вскоре я услышала и *его*. Он шел осторожно, но в тишине утра шаги его раздавались громко. Он приближался, ступил с травы на камень, с камня на песок, потом, за скалой, шаги смолкли; их звук поглотило журчание источника...

Тишина. Такая долгая тишина, что я могла бы поклясться: солнце за это время значительно продвинулось по кругу и тени в расселине переместились...

Потом внезапно шаги послышались под самым выступом. Тихие шаги по каменистой почве. Зашуршали раздвигаемые кусты у фигового дерева. Я видела, как напряглась нога Марка.

Шорох прекратился. Потом опять послышались шаги по песку и стихли...

Я отчетливо представила себе, как он снова остановился, поднес к глазам бинокль и окидывает взглядом трещины и щели, где мог бы укрыться человек. Может быть, он даже увидел и расселину, где я укрылась, и раздумывает, как до нее добраться...

Тень пронеслась перед входом в расселину. Пустельга. Я услышала в этой мертвой тишине легчайший звук, когда она коснулась края своего гнезда. Я бы и сегодня могла поклясться, что слышала легкий посвист воздуха в ее перьях, когда она замедлила свой полет, приближаясь к гнезду. Раздался радостный писк птенцов, такой резкий и громкий, словно в мертвенной тишине шотландского воскресенья играл сдвоенный духовой оркестр.

Легкая тень пронеслась снова. Птенцы внезапно смолкли. Хрустнула ветка под фиговым деревом.

И тут вдруг шаги стали удаляться. Возможно, смелый полет птицы уверил его в том, что поблизости никого нет. Как бы то ни было, он ушел. Звук шагов становился все тише и наконец совсем пропал. Когда пульс у меня постепенно успокоился, я вдруг обнаружила, что закрыла глаза, чтобы лучше слышать это желанное диминуэндо.

И вот тишина. Я открыла глаза и взглянула на видимый мне участок выступа. Ноги Марка там не было.

Будь я в состоянии как следует соображать, я бы сразу поняла, что он просто передвинулся дальше вдоль выступа, чтобы держать критянина в поле зрения. Но я так перепугалась, что в течение двух минут, показавшихся мне бесконечными, не сводила глаз с пустого проема, будто замороженная, и кошмарные картины, словно из фильма ужасов, одна за другой стремительно проносились передо мной. Быть может, убийца вовсе и не ушел, а Марк лежит с перерезанным горлом, устремив неподвижный взгляд в небо, убийца поджидает меня у выхода из расселины с обгаренным кровью ножом...

Но вот наконец способность здраво рассуждать и самообладание вернулись ко мне. Конечно, у этого человека было ружье, а Марк совсем беззащитен, но едва ли критянин мог застрелить или заколоть его в полнейшей тишине...

Я выглянула. Никого, только шалфей – ярко-фиолетовый, с пахучими серыми листьями, примятый там, где лежал Марк. И ничего не слышно, только какой-то слабый шорох...

Змея! Вот оно что! Его укусила змея. С ужасающей быстротой представилась новая картина: мертвый Марк с почерневшим лицом лежит, уставившись в небо...

Если я сама сейчас не увижу небо, и как можно скорее, я сойду с ума. Я подползла ко входу в расселину и выглянула наружу.

Марк не умер, и лицо у него не почернело, наоборот, оно было очень бледным, а сам он стоял на ногах с таким видом, словно собирался преследовать убийцу. Того не было и в помине. Марк растаскивал стелющиеся побеги жимолости, которые маскировали выступ.

– Марк!

Он обернулся так резко, будто я чем-то швырнула в него.

Я стрелой пронеслась по выступу, схватила его за здоровую руку.

– И куда же вы собрались идти? – негодуя спросила я.

– Он пошел по склону назад. Я хочу проследить куда. Если сумею это сделать, он приведет меня к Колину. – В его голосе прозвучало отчаяние.

Я только что была сильно напугана, и стыд за этот страх еще не оставил меня, мешая мне сразу оценить обстановку и логично рассуждать.

– Вы хотите сказать, что собрались уйти и оставить меня тут одну?

Он выглядел смущенным, словно я задала неуместный вопрос, впрочем, наверное, так оно и было.

– Вы здесь в безопасности.

– И вы думаете, это все, что для меня имеет значение? Вы считаете, что мне совершенно все равно, будете ли вы... – Я осеклась: слишком многое могло прозвучать теперь, то, о чем не следовало говорить вслух; впрочем, он не слушал, но я была сердита на себя и добавила раздраженно: – И как бы далеко вы сумели уйти? Имейте хоть немного здравого смысла! Вам не одолеть и сотни ярдов!

– Надо попробовать.

– Нельзя вам еще! – Я сдержалась, понимая крайнюю неуместность продолжения разговора: я готова была не оставлять этот выступ до конца дней своих, но нужно было сохранить хоть самую малость гордости, спрятаться за нее. – Пойду я, – хрипло сказала я. – Я смогу держаться так, что он меня не заметит...

– Вы с ума сошли!

Наступила его очередь выйти из себя, и больше, как я могла заметить, из-за своей беспомощности, чем из-за меня. То, что разговор велся свистящим шепотом, нисколько не уменьшало его остроты; мы свирепо смотрели друг на друга.

– Даже и не пытайтесь, – снова заговорил он и тут же остановился: я увидела, как он изменился в лице.

Оно выражало облегчение столь очевидное, что в одно мгновение пропала изможденность, ушла тревога – словно они стерлись с лица, а улыбка стала радостной. Я обернулась и увидела, куда он смотрит.

Человек легко спрыгнул с груды камней над маленьким альпийским пастбищем и осторожно пробирался между зарослями златоцветника. Коричневые брюки, темно-синяя куртка, непокрытая голова – Ламбис. Он не упускает прищельца из виду, следует за ним к Колину...

Через несколько мгновений Ламбис исчез за утесом.

– Он скрылся, – сказал запыхавшийся Ламбис по-гречески. – Если идти по горе дальше, там есть еще одно ущелье, где течет вниз речка. Оно сильно заросло лесом. Там я его и потерял.

Это он говорил уже около часа спустя. Мы с Марком ждали, следили за склоном и наконец увидели возвращающегося Ламбиса. Он приближался медленно и выглядел усталым. Потом остановился на краю плато, заросшего цветами, и посмотрел вверх на скалы, где лежали мы. Судя по всему, он был один. Марк помахал ему рукой, а я поспешила навстречу, и мы встретились на узкой тропе над источником. Однако Ламбис был налегке. Я догадалась, что он где-то припрятал свою поклажу, чтобы следовать за критянином.

– Он ушел вниз по ущелью? – быстро спросила я. – Может быть, это еще один путь к Айос-Георгиосу, иначе я не понимаю, куда он еще мог пойти. Вы видели?

Грек покачал головой, вытер тыльной стороной ладони пот со лба. Он заговорил на родном языке, словно слишком устал, чтобы говорить по-английски. Я ответила тоже на греческом, но он и виду не подал, что это заметил.

– Понимаете, я не мог к нему очень-то приближаться, так что нелегко было следить. Я потерял его среди скал и зарослей. А дальше он, возможно, выбрался из ущелья и пошел на восток, а может быть, направился в деревню. Надо все рассказать Марку. Он поднялся туда?

– Да. Я помогла. Ему намного лучше. А как Колин?

– А?.. Нет-нет... Ничего... Его там не было. Не было в лодке, – сказал он, а я подумала, что он говорит совсем не о том, о чем думает.

Он едва глянул на меня, все его внимание было приковано к скалам над нами, где лежал Марк. Грек снова обтер рукой влажное лицо и попытался быстро, без дальнейших разговоров, пройти мимо меня.

Охваченная внезапным дурным предчувствием, я поймала его за рукав:

– Ламбис! Вы правду мне говорите?

Он остановился, повернулся. Прошло две-три секунды, прежде чем он осознанно посмотрел на меня.

– Правду?

– О Колине. У вас плохие новости для Марка?

– Да нет, конечно нет! Конечно, я говорю вам правду, почему бы нет? Я сходил ночью к лодке. Его там не было. Не было никаких его следов. Зачем мне говорить вам неправду?

– Я... хорошо. Просто я не подумала... Извините.

– Я сержусь сейчас потому, что мне нечего ему сказать. Если бы я узнал что-нибудь через этого человека... – быстрое раздраженное пожатие плечами, – но я не узнал. Не получилось. И именно об этом мне и придется сказать Марку. Теперь дайте мне пройти, а то он будет гадать, что тут у нас случилось.

– Подождите, подождите минуту. Он знает, что вы не нашли Колина, мы следили за вами с выступа. А как насчет еды, вы достали еду и все прочее?

– Да, конечно. Я взял все, что смог унести. Я бы уже давно был здесь, да мне пришлось спрятаться и задержаться из-за этого. – Он кивнул вниз. – Когда я увидел, что он направляется сюда, я спрятал все вещи и пошел за ним. Хорошо, что вы ушли из хижины.

– Он ее видел, вы знаете?

– Да. Я догадался, что видел. Когда я пришел сюда, он как раз шел под выступом, и я понял, что он, должно быть, видел хижину. Но он продолжал рыскать... выстрелов я не слышал и догадался, что вы ушли. Я так и думал, что вы заберетесь сюда.

– Куда вы дели еду? Нам надо... впрочем, ничего, Марк захочет сначала услышать от вас новости. Пойдем к нему, не будем терять времени.

Но Ламбис заупрямился:

– Послушайте, почему бы вам самой прямо сейчас не сходить за едой? Всего лишь за едой, остальное можно пока оставить, я потом заберу.

– Ну хорошо, если вы считаете, что я найду...

– У начала узкого ущелья, там, где я его потерял из виду. Походите там вокруг, где я шел, вы ведь видели? Найдете там что-то вроде козьей тропы, она ведет вдоль хребта туда, где речка втекает в узкое ущелье. Наверху увидите скалы, но внизу растут деревья, видны их макушки.

– Да, понимаю.

– В начале ущелья, где сквозь скалы пробивается источник, есть оливковое дерево. Оно выросло в укрытии и очень старое, большое и дуплистое. Вы его легко найдете, других таких поблизости нет. Я все оставил внутри его. Сам я приду потом, после того, как увижу Марка.

Едва договорив, он повернулся и пошел. Казалось, что, к своему немалому облегчению избавившись от меня, он полностью забыл о моем существовании. Но назойливая мыслишка – откуда вдруг такое отношение ко мне, – долго не продержалась. Если Ламбис (который, вероятно, поел на борту кайка) мог так легко отмахнуться от мысли о еде и питье, то я не могла. Стоило мне подумать о том, что спрятано в дупле дерева, как я понеслась к нему со скоростью, с которой булавка притягивается магнитом.

Я нашла оливу достаточно легко. Это и на самом деле очень заметное дерево. Но и без того интуиция обязательно привела бы меня к еде, как хищника к добыче, даже если бы сверток со съестным похоронили в самых глубинах лабиринта царя Миноса.

Я бросилась обшаривать дупло. Там, в двух одеялах, была завернута целая коллекция всякой всячины. Я развернула одеяло и вывалила наружу то, что принес Ламбис.

Здесь были медикаменты, бинты, антисептик, мыло, бритва... Но сейчас я отложила это в сторону, чтобы сосредоточиться на еде.

Полный термос кофе, несколько банок консервов, сгущенное молоко. Банки с солониной. Печенье. Маленькая бутылка виски. И наконец, – о чудо! – консервный нож.

Я радостно побросала все это в одно одеяло, связала в узел и отправилась назад.

На полпути я встретилась с Ламбисом. Он не стал разговаривать, только кивнул мне, уступая дорогу на тропе. Я была этому рада, потому что, когда рот набит печеньем с тмином, нелегко вести вежливые речи, а на греческом, в котором есть задненёбные, это звучало бы вообще безобразно.

Но все же я была бы счастливее, если бы взгляд, который Ламбис на меня бросил, был посветлее. Не то чтобы в нем опять появилось подозрение, нет, это было что-то, может быть, и не столь определенное, хотя и вызывающее замешательство. Скажем так: в нем уже не было доверия. Я была снова чужой.

Я гадала, о чем они с Марком говорили.

Я застала Марка сидящим в глубине выступа. Он опирался на скалу и внимательно рассматривал открытый горный склон. Я заговорила, и он рывком повернулся ко мне.

– Вот термос, – сказала я. – Ламбис говорит, что там суп. Возьмите кружку, а я воспользуюсь крышкой от термоса. Съешьте вашу долю сразу, ладно? Я хочу снова разжечь костер, приготовить кофе.

Я ждала, что он станет возражать, но он без всяких разговоров взял у меня термос.

– Я... мне очень жаль, что у Ламбиса не было новостей получше, – нерешительно произнесла я.

Крышка термоса словно приросла. Он повернул ее здоровой рукой, и она подалась.

– Ну, этого я и ожидал. – Он поднял взгляд, но у меня было впечатление, что я все же не в фокусе. – И больше не волнуйтесь, Никола. – Последовала улыбка, вымученная, непривычная на его лице. – Хватит на сегодняшний день. Давайте сперва поедим, хорошо?

Он принялся аккуратно разливать суп, а я поторопилась в расселину развести огонь.

Обед удался на славу. Сначала суп, потом сэндвичи с солониной и печенье с тмином, фруктовый кекс, шоколад и, наконец, кофе, обжигающе горячий кофе, подслащенный сгущенным молоком. Я жадно набросилась на еду, Ламбис, который подкрепился еще в лодке, поел совсем немного. Марк начал с аппетитом, но скоро уже ел с определенным усилием, хотя все же справился с обедом хорошо. Когда Марк распрямился и сел, покачивая зажатую в ладонях кружку, как бы сохраняя ее тепло, я подумала, что выглядит он уже намного лучше. Я сказала ему об этом, он восторженно и, кажется, отбросил свои мысли.

– Да, да. Сейчас я превосходно себя чувствую. И это благодаря вам и Ламбису. А теперь время подумать о том, что делать дальше.

Ламбис молчал. Я ждала.

Марк закурил и смотрел, как клуб дыма растворяется в прозрачном воздухе.

– Ламбис уверяет, что этот человек почти наверняка направился в Айос-Георгиос, и, поскольку это ближайшая деревня, самое разумное предположить, что, кто бы они ни были, эти душегубы, они оттуда. От этого все сразу становится проще и в то же время более сложно. Я хочу сказать, что теперь мы знаем, где искать, но зато уж определенно не сможем туда официально обратиться за помощью. – Он выстрелил в мою сторону коротким взглядом, как бы ожидая возражения, но я ничего не сказала, и он продолжал: – Все равно, очевидно, первым делом следует добраться туда и выяснить что-нибудь о моем брате. Я не такой дурак, чтобы думать, – в этих словах прозвучала усталость, сознание своей собственной беспомощности, – что я в состоянии многое сделать сам. Пойдет Ламбис.

Ламбис молчал. Казалось, он едва слушал. Я вдруг поняла, что все, о чем надо было переговорить этим двум мужчинам, уже сказано. Военный совет состоялся, пока я ходила за едой, и первые решения приняты. Я подумала, что знаю, в чем они состоят.

– Ну и, конечно, – продолжал Марк, он говорил гладко и не смотрел на меня, как человек, который пытается включить магнитофонную запись с определенного места, – Никола с ним.

Я была права. Первое распоряжение совета: «Женщины и маркитанты – прочь: кампания вот-вот начнется».

Марк обратился теперь прямо ко мне:

– Ваша кухня приезжает сегодня, так ведь? Вам надо быть там, иначе вам станут задавать вопросы. Вы бы могли быть в гостинице и зарегистрироваться, – взгляд на запястье, – боже мой, ну, скажем к ланчу. Ну а потом можете забыть обо всем этом и продолжать свой нарушенный Ламбисом отпуск.

Я пристально посмотрела на него. Ну, подумала я, опять то же самое: улыбка, дружеская, но усталая, скрывающая тревогу, упрямый рот; и во всей манере держаться ясно сквозит: «Спасибо большое, а теперь, пожалуйста, ступайте прочь и больше не приходите».

– Ну конечно, – сказала я, подтянула холщовую сумку, разворошив можжевеловые иголки, и начала беспорядочно засовывать в нее вещи.

Я понимала: он совершенно прав. В любом случае я ничего не могла сделать. К тому же сегодня приезжала Фрэнсис. Словом, мне надо было выбираться отсюда и держаться в стороне. А еще – тут я была с собой довольно откровенна – я вовсе не желала быть втянутой в ситуацию, подобную вчерашней или сегодняшней, связанную с волнениями, дискомфортом, моментами жуткого страха. Не была я готова и к тому, чтобы ко мне относились как к обузе или даже как к помехе, а так, наверное, и случится, когда Марк встанет на ноги.

Так что я запихнула в сумку свои вещички и довольно бодро улыбнулась ему:

– Счастливо!

Его быстрая ответная улыбка выражала нескрываемое облегчение.

– Вы прекрасно проявили себя, мне нет необходимости говорить, насколько это было здорово, и я не хочу выглядеть неблагодарной свиньей после всего, что вы сделали. Но вы сами видели кое-что из того, что здесь творится, и уж если я могу вас избавить от всего этого, то это моя прямая обязанность.

– Все в порядке, вам нечего беспокоиться. Во всяком случае, я страшная трусиха, и волнений, которые я пережила, мне хватит на всю жизнь. Не буду вам мешать. Как только доберусь до гостиницы, только вы меня и видели.

– Надеюсь, багаж ваш там, где вы его оставили. А если нет – вам придется придумать какую-нибудь историю, чтобы объяснить это. Дайте сообразить...

– Выдумую что-нибудь достаточно правдоподобное. Боже мой, да не стоит вам так волноваться! Это мое дело.

Если он и слышал мои слова, то пропустил мимо ушей. Он сосредоточенно гасил сигарету, хмуро глядя на нее, погруженный в свои мрачные мысли.

– И еще одно, это крайне важно, Никола. Если вы увидите Ламбиса или меня в деревне или еще где-то – вы нас не знаете.

– Ну конечно не знаю.

– Я должен вам напомнить об этом, понимаете. Вы ведь будете в британском посольстве в Афинах?

– В британском посольстве? – Ламбис удивленно раскрыл глаза.

– Да. – Марк взглянул на него теперь знакомым мне, не допускающим возражений взглядом. – Она там работает. – Затем мне: – Я вас найду там?

– Да.

– Я вам напишу. И еще...

– Что?

Марк не смотрел на меня, он поглаживал лежащие рядом камешки.

– Вы должны мне кое-что обещать ради моего спокойствия.

– Что же именно?

– Что вы не будете обращаться в полицию.

– Раз я не участвую больше в ваших делах, вряд ли я стану осложнять этим жизнь. Но я все же не могу понять, почему бы вам не пойти хотя бы к старосте в Айос-Георгиосе. Лично я за то, чтобы идти самым простым путем и обратиться прямо к властям, при любых обстоятельствах. Но это ваше дело. – Я переводила взгляд с одного на другого, они сидели в непреклонном молчании. Тогда, чувствуя свою навязчивость, я все же продолжила: – Марк, вы ведь знаете, что не сделали ничего плохого. Они сразу поймут, что вы просто турист-англичанин...

– Это делу не поможет, – сухо сказал он. – Если они не поняли этого в субботу, то наверняка поняли в воскресенье или сегодня утром. И тем не менее этот наш приятель разыскивает меня с ружьем.

– Вы забываете о Колине, – сказал Ламбис. – Он причина всего этого. – Последовал широкий жест, охватывающий выступ, остатки еды, весь наш на скорую руку разбитый лагерь. –

Пока мы не узнаем, где Колин, как мы можем что-нибудь предпринимать? Если он еще жив, он их... не знаю этого слова... *б'омерос*.

– Заложник, – подсказал Марк.

– Да, конечно. Я... извините меня... – Мой голос затих.

Я снова смотрела то на одного, то на другого. У Марка лицо без всякого выражения. Ламбис – мрачный, замкнутый. И я вдруг поняла, что страстно желаю одного – скорее бежать отсюда прочь, к подножию горного склона, во вчерашний день: лимонная роща на солнце, белая цапля, место, где я вошла в...

Я встала, и Ламбис поднялся вместе со мной.

– Вы тоже идете? – спросила я.

– Я провожу вас немного.

На этот раз я не стала возражать, не хотелось. Кроме того, я подумала, что, как только исчезну, так сказать, из его поля зрения, он, наверное, захочет пойти своим путем в деревню. Я повернулась к Марку:

– Сидите. Зачем эти церемонии. – Я улыбнулась, протянула руку, и он взял ее. – Я прощаюсь. Удачи вам.

– Вы забрали кофту?

– Да.

– Извините, что не могу вернуть юбку.

– Ничего страшного. Надеюсь, рука у вас скоро заживет. И разумеется, я надеюсь... что все кончится хорошо. – Я подняла сумку и перебросила ее через плечо. – Ну, я пошла. Думаю, что через пару дней все это покажется мне сном.

– Считайте, что так оно и есть. – Он улыбнулся.

– Хорошо. – Я еще немного помешкала. – Можете мне поверить: глупостей я не надеваю, хотя бы потому, что слишком уж страшно. Но не думайте, что я закрою глаза и заткну уши. Видите ли, если это связано с Айос-Георгиосом, я обязательно увижу того человека с ружьем и все о нем разузнаю. И обязательно выясню, кто хорошо говорит по-английски. Я ни в коем случае не буду вас тревожить, если только не услышу чего-то ужасно важного. Но если услышу... я думаю, мне следует знать, где вас найти. Там, где лодка?

Ламбис быстро взглянул на Марка. Марк явно пришел в замешательство, потом сказал ему по-гречески:

– Лучше ей рассказать. От этого не станет хуже. Она ничего не знает, и...

– Она понимает по-гречески, – резко прервал его Ламбис.

– Ну? – Марк бросил на меня испуганный, недоверчивый взгляд.

– Она и говорит, пожалуй, не хуже вас.

– В самом деле? – Он заморгал, что-то лихорадочно вспоминая, и я впервые увидела, как на щеках его проступил румянец.

– Ничего страшного, – мягко сказала я по-гречески. – Вы не так уж сильно проговорились.

– Что вы, – сказал Марк, – так мне и надо за мою бестактность. Извините.

– Ничего. Не хотите рассказать о лодке? В конце концов, кто знает, может быть, и мне потребуется помощь. Мне будет легче, если я буду знать, где вас искать.

– Конечно, – сказал Марк и принялся объяснять, как добраться до каика от разрушенной византийской церкви. – А как дойти до церкви, вы можете узнать у любого, это обычный маршрут, которым ходят все приезжие англичане. Думаю, все ясно? Да? Но надеюсь, вам не понадобится приходить.

– Все предельно понятно, – сказала я. – Еще раз до свидания. Всего вам наилучшего.

Ламбис пошел первым. Мое последнее мимолетное впечатление о Марке – это как он в оцепенении сидит, словно привязанный к теплему камню, рядом – пустая кружка, и взгляд у него какой-то тусклый, озабоченный, делающий его намного старше.

Глава 7

*Не дай вам Боже, госпожа,
вдруг поступить неосторожно.*

Мэтью Арнольд. Меропа

Ламбис мало говорил по дороге вниз, через овраг. Он держался немного впереди меня и, соблюдая осторожность, поглядывал по сторонам. Но шагали мы так быстро, как только позволяла каменистая тропинка. Мы никого не встретили по пути и довольно скоро достигли поросли молодых дубков над лимонными рощами. Через ветки я уже видела белые крылья ветряной мельницы, блики солнца на поверхности реки.

Ламбис остановился на пятнышке солнечного света и подождал, пока я подойду.

Рядом с тропой, где он стоял, было небольшое придорожное святилище. Это был просто деревянный ящик, каким-то образом втиснутый в кучу камней, а в нем примитивные масляные светильники, горящие перед яркой красочной дощечкой – иконкой Девы, которая одновременно и Богородица, и сама Мать – древняя богиня земли. В пивной бутылке, стоящей рядом, было масло для светильников. Поблизости росли вербена и фиалки.

Ламбис жестом показал на горящие светильники и маленький букетик цветов, стоящий там же в заржавленной консервной банке.

– Я оставляю вас здесь. Люди ходят этой дорогой, а меня не должны видеть.

Я попросилась, пожелала ему еще раз удачи и пошла вниз через лимонные рощи к открытому солнечному свету, и, следует признать, настроение мое определенно улучшилось.

Было около полудня, самая жара. Бриз прекратился, и даже шелковистые головки мака-самосейки и метелки трясунки, которые окаймляли тропу, неподвижно поникли. Белые паруса ветряных мельниц застыли и провисли. Рядом с полуразрушенной стеной в тени каменного дуба пасса осел. Над пылью жужжали мухи.

Поблизости никого не было. Люди разошлись по домам поесть либо ели в поле, где-нибудь в тенечке. Я не видела никого, кроме мальчика, сонно развалившегося на солнышке, в то время как его козы пощипывали вику, и мужчины, работавшего далеко в поле за широким барьером сахарного тростника. Ни тот ни другой не подняли головы, когда я проходила мимо.

Я с облегчением остановилась ненадолго, когда дошла до скудной тени сосен на краю нижней долины, и оглянулась.

Здесь были нагретые солнцем поля, лимонные деревья, поросшее лесом узкое ущелье, ведущее вверх, в серебряную дикость скал.

В этом пустынном пейзаже не было видно никаких признаков жизни. Ламбис уже давно скрылся, лимонные деревья стояли не шелхнувшись, и горный склон над ними был мертв, лишен всякого движения. Но в это же время вчера...

Над ущельем послышался шум крыльев. Я с недоверием глянула вверх. Но на этот раз крылья были не белые, надо мной кружили огромные коричневые крылья. Орел? Больше похож на ястреба, подумала я; может быть, даже ягнятник. В другое время я бы полюбовалась им. Сейчас же, из-за того, что большая птица напомнила мне о белой цапле и о вчерашнем дне, я почувствовала, что к горлу подступают слезы.

Я повернулась и направилась вниз, к мосту.

Когда я приблизилась к нему, я подумала, что удача стала мне изменять. Двое ребятишек, свесившись через парапет, выплевывали в воду косточки апельсина. Мальчик и девочка.

Худенькие, загорелые дочерна, с огромными темными глазами, черными волосами и робкой повадкой деревенских детей. Они плевали как раз туда, где был спрятан мой чемодан.

– Здравствуйте! – строго сказала я.

Они молча уставились на меня, немного пятась, как телята. Я разглядывала их. Я прекрасно знала, что теперь они с меня глаз не спустят до самой гостиницы, а может, и дальше. Я, незнакомка, была их трофеем. Я была новостью. Что бы я ни делала, что бы ни говорила, с этой минуты через час будет известно всей деревне.

Я протянула согнутый палец к мальчику.

– Тебя как зовут?

Он заулыбался, вероятно, от того, как я говорю по-гречески.

– Георгий.

Ну разумеется!

– А тебя? – спросила я маленькую девочку.

– Ариадна, – едва слышным шепотом ответила она.

– Так привет вам, Георгий и Ариадна. Я иностранка, англичанка. Я приехала сегодня утром из Ханьи и буду жить в гостинице в Айос-Георгиосе.

Молчание. Никакого ответа, как и в первый раз. Они стояли и тарасились на меня, Георгий – с легкой усмешкой уличного мальчишки, Ариадна – внимательно изучая каждую складку моего платья, босоножки, сумку, часы, прическу... Не очень-то удобно, когда тебя так рассматривают, даже если это ребенок восьми лет: с помощью гребенки и помады я сделала все, что могла, перед выходом из ущелья, но вряд ли я выглядела так, будто только что вышла из дверей лучшей гостиницы Ханьи.

– Георгий, – сказала я, – как ты думаешь, справишься с моим чемоданом, донесешь его мне до гостиницы?

Он кивнул, поглядывая вокруг, потом приблизился к моей холщовой сумке.

– Этот?

– Нет-нет, настоящий чемодан. Он в кустах, спрятан, – осторожно добавила я. – Я приехала на машине из Ханьи и принесла сюда чемодан от дороги. А оставила тут, потому что хотела поесть, выпить кофе... в тени, – я посмотрела вверх по речке: ведь козопас или работник могли видеть, как я проходила, – ...в тени, выше по течению. Вот я и спрятала чемодан здесь. Ты его видишь? Там, под мостом?

Девочка подбежала к парапету и заглянула через него. Мальчик не торопясь пошел за ней.

– Не видишь? Я его спрятала очень хорошо, – сказала я смеясь.

– Вон, вон, Георгий! Вижу! – завизжала Ариадна.

Георгий вскарабкался на парапет, повис на руках и спрыгнул футов на десять в кусты. Он свободно мог обойти по берегу, но, будучи мальчишкой, и притом критянином, он чувствовал себя обязанным избрать трудный путь. Его сестра и я наблюдали за ним с выражением подобающего случаю восхищения, а он, вытерев руки о штаны, отважно (и совершенно без надобности) нырнул в куманику и наконец извлек мой чемодан из тайного укрытия. Он вынес его на дорогу, на этот раз простым, обычным путем, и наша троица отправилась в деревню.

Ариадна – робость ее прошла – подпрыгивала рядом со мной, не переставая быстро тараторить на местном диалекте, так, что я едва ее понимала. Георгий шел неторопливо, стараясь нести чемодан с показной легкостью. Ребятишки охотно отвечали на мои вопросы, да еще с собственными комментариями, и я не пыталась этому препятствовать.

Да, гостиница как раз на этом конце деревни. Да, окна у нее прямо на море, а задняя часть, понимаете, выходит к бухте. Там есть сад, красивый сад на берегу, со столами и стульями, и там подают замечательную еду, «настоящую английскую еду», заверила Ариадна, широко раскрывая глаза, а Георгий поспешил расшифровать все это великолепие. Гостиница принад-

лежит новому хозяину, я, конечно же, слышала о Стратосе Алексиакисе, раз я приехала из Англии, и он тоже. Он приехал из Лондона, который находится в Англии, и он говорит по-английски так, что не понять, что он критянин. Он очень богатый. Конечно, он...

– Откуда ты знаешь? – смеясь, спросила я.

– Тони говорит.

– Тони? Это кто?

– Бармен, – сказал Георгий.

– Нет, повар, – поправила Ариадна, – он подает за столом и сидит за стойкой, он все делает. Господин Алексиакис не все время там, понимаете...

– Вроде управляющего? – сказала я и вспомнила, что мой информатор-датчанин рассказывал о новом хозяине и его «друге из Лондона». – Этот Тони... – начала я и осеклась, что-то не захотелось мне задавать следующий вопрос, – он тоже приехал из Англии?

– Он англичанин, – сказал Георгий.

– Да? – переспросила я после небольшой паузы.

– Да, ну конечно же! – Это Ариадна. – У господина Алексиакиса была там таверна, огромная таверна, такая роскошная и такая...

– А есть сейчас в Айос-Георгиосе еще англичане? – Это естественно было спросить в любом случае, контекст же прямо требовал этого. Я надеялась, что голос меня не выдал.

– Нет. – Ответы Георгия становились короче. Лицо его покраснело, на нем заблестели бусинки пота, но я знала, что нечего и предлагать ему отдать чемодан, его гордость – *палликари* – настоящего мужчины была бы задета. – Нет, – сказал он, переключив чемодан из одной руки в другую, – только Тони и английские дамы. То есть вы. – Он с сомнением посмотрел на меня и закончил вопросом: – Говорили, что будут две дамы?

– Моя кузина приедет сегодня позже.

У меня не было желания пытаться еще что-то объяснять, и, к счастью, они приняли утверждение на веру, впрочем, они не удивились и моему явному чудачеству с чемоданом. В голову мне лезли лихорадочные мысли, и отнюдь не веселые. Я сказала Марку – я прекрасно помнила это, – что, если *dramatis personae* его пьесы «Убийство» действительно из Айос-Георгиоса, я обязательно наткнусь на их следы почти сразу, ведь деревушка такая маленькая. Но чтобы настолько быстро и в самой гостинице...

Я облизала губы. Возможно, я и ошибалась. В конце концов, мало ли кто мог приехать. Я попыталась еще раз:

– У вас здесь много приезжих?

– Вы первая в новой гостинице. Первая в этом году. – Это сказала Ариадна, изо всех сил старавшаяся доставить мне удовольствие.

– Нет, – флегматично возразил ей Георгий. – Еще один. Иностранец.

– Англичанин? – спросила я.

– Не знаю. Не думаю.

– Он был англичанин! – закричала Ариадна.

– Толстый, который все ходил смотреть старую церковь в горах? И сделал фотографию, которая была в «Афенс ньюс»? Я уверен, что нет.

– Ах *этом!* Нет, я не знаю, кто он был. Я не его имела в виду, он не был настоящим приезжим. – (Я догадалась, что под «приезжим» Ариадна подразумевала «туриста». Я уже узнала моего приятеля-датчанина.) – Нет, я имела в виду того, который приехал на днях. Ты что, не помнишь? Тони встретил его в гавани, и мы слышали, как они разговаривали, когда шли к гостинице, а ты сказал, что они говорят на английском.

– Он тоже не был настоящим приезжим, – упрямо сказал Георгий. – Он как-то днем приехал на каике, останавливался только на одну ночь и рано утром ушел. Я думаю, он ушел по дороге. Лодки не было.

- Когда он приезжал? – спросила я.
- Три дня назад, – сказала Ариадна.
- Это была суббота, – сказал Георгий.
- Зачем вы приехали сюда, в Айос-Георгиос? – спросила Ариадна.

Я, должно быть, с минуту тупо смотрела на нее, прежде чем с усилиями не меньшими, чем те, что выпали на долю Георгия, выбралась из глубоких вод на безопасную отмель светского разговора.

– О, просто в отпуск. Здесь... здесь так прелестно. – Я сделала довольно неловкий жест в направлении усыпанных цветами скал и сверкающего моря, дети тупо посмотрели на меня: им не могло прийти в голову, что пейзаж может быть прелестным. Я предприняла еще один безобидный ход: – Виноград будет в этом году хороший?

- Да, хороший. Лучший на Крите.
- Обычный ответ: конечно же, самый лучший.
- Правда? А у нас в Англии виноградников нет и олив – тоже.
- Они были потрясены.
- Тогда что же вы едите?
- Хлеб, мясо, рыбу.

Я слишком поздно поняла, что хлеб и мясо – еда богатых, но восхищение в их глазах не было омрачено завистью. Если что-нибудь, кроме ума, и пользуется уважением грека, так это богатство.

- А пьете что? – спросила Ариадна.
- В основном чай.

На этот раз выражение их лиц вызвало у меня смех.

– Да, но не греческий чай. Он готовится по-другому, он вкусный. И кофе мы готовим тоже по-другому.

Это их не интересовало.

– Нет виноградников! – сказала Ариадна. – Тони из гостиницы говорит, что в Англии у всех электричество и радио и вы можете пользоваться им целый день и целую ночь, хоть на полную громкость. И он еще говорит, что там очень холодно и полно тумана, люди молчаливы, а Лондон – нездоровое место для жизни. Он говорит, что здесь лучше.

– Правда? Да, у вас много солнца, верно? Мы иногда в Англии тоже его видим, но не такое. Вот почему мы приезжаем сюда в отпуск побыть на солнце, поплавать, погулять по вашим горам, посмотреть на цветы.

– Цветы? Вы любите цветы? – Ариадна вспорхнула, как колибри, и уже рвала охапками анемоны.

Мне пришлось сдержаться. Для меня они были экзотикой, такой же роскошью, как все, что я видела в Кью¹¹; для ребенка – сорняки. Но я ела мясо каждый день. Богатство? Может быть.

Георгия цветы не интересовали. Он геройски ковылял впереди, еще раз перехватив чемодан из руки в руку.

- Вы плавать любите?
- Очень. А ты?
- Конечно. Никто пока здесь не плавает, еще слишком холодно.

Я засмеялась:

– Для меня достаточно тепло. Где тут лучшее место поплавать?

– Вон там лучше всего. – Он махнул свободной рукой куда-то на запад. – Там бухточка со скалами, можно и понырять.

¹¹ Имеются в виду Королевские ботанические сады Кью на юго-западе Лондона.

– Ах да, помню, приятель мне говорил, что это самое лучшее место. Далеко туда идти?

– В дельфиний залив? Нет, не очень.

– Что ты, такая даль! – воскликнула Ариадна.

– Просто она еще маленькая, – презрительно сказал брат, – и ноги короткие. А для меня или для *теспойнис* это недалеко.

– Мои ноги ненамного короче твоих, – ощетинилась Ариадна, готовая продолжить схватку.

Я поспешила вмешаться, размышляя не без жалости, с какого же возраста теперь приучают критских девочек знать свое место в мире, принадлежащем мужчинам?

– Почему вы называете его дельфиний залив? Там на самом деле плавают дельфины?

– Да, – сказал Георгий.

– Иногда они вдруг выныривают среди пловцов! – воскликнула Ариадна, к счастью забывшая о своей обиде. – А один мальчик был, он ездил на них верхом.

– Правда? – Все еще жива древняя легенда и вдобавок известна детям! Мальчик из Байе, тот, о котором писал Плиний?¹² Арион¹³ на спине дельфина? Телемах, сын Одиссея? Я улыбнулась Ариадне. – Я никогда не видела дельфинов. Как ты думаешь, они будут играть со мной?

Судя по лицу девочки, правда тут боролась с ее желанием любой ценой сделать незнакомому человеку приятное.

– Может быть... но они приплывали так давно... Мне восемь лет, а это было еще до того, как я родилась, *теспойнис*. Люди рассказывают...

– Но вы их увидите, – уверенно пообещал Георгий, – если, конечно, погода будет стоять теплая. Лучше всего поехать на каике, где поглубже. Иногда, когда я выхожу порыбачить, мы видим, как они плавают у лодки, бывает, со своими малышами...

Забыв мои прежние вопросы, он с удовольствием рассказывал критскую версию вечной рыбацкой байки, пока его не прервала сестра. Она сунула мне в руки огромный букет красных гладиолусов – в наших цветоводческих каталогах их называют византийскими, и луковицы продаются в розницу по пять пенсов штука. На Крите они растут как сорняки, в пшенице. Букет лохматился надерганными впопыхах лиловыми анемонами – сочетание не из удачных – и алыми тюльпанами с заостренными лепестками – разновидность, которая в питомнике Фрэнсис идет по крайней мере по семь пенсов за штуку.

– Это вам, *теспойнис*!

Я так рассыпалась в благодарностях, что не заметила, как мы одолели последний поворот проселочной дороги, а за ним показалась гостиница.

То, что я увидела, на первый взгляд вряд ли заслуживало такого названия.

Раньше это были два квадратных двухэтажных дома. Соединенные вместе, они образовывали длинное приземистое здание. Строение справа было обычным жилым домом, большим по деревенским стандартам, возможно из пяти комнат. Второе – деревенский *кафнейон*, или кофейня. Большая комната в цокольном этаже с распахнутыми ставнями была открыта на улицу и выполняла теперь двойную роль – деревенской кофейни и гостиничной столовой. В одном углу этой комнаты – изогнутая стойка со штабелями фаянсовой посуды и стаканов и с полками для бутылок позади нее. Между кофеваркой и *лоукомафес* – стойкой – было несколько изысканных пирамид фруктов. Дверь в задней части комнаты, по-видимому, вела в кухонные помещения. Пол в ресторане был дощатый, чисто вымытый, стены побелены, как в деревенской кофейне, но белые полотняные скатерти накрахмалены, и на некоторых столиках – цветы.

¹² Плиний Старший – древнеримский писатель и ученый, описавший историю дружбы мальчика и дельфина.

¹³ Арион – древнегреческий поэт; существует легенда о его чудесном спасении от пиратов на спине дельфина.

В конце здания, снаружи, у внешней стены ресторана, была каменная лестница, она вела в комнаты наверху. Как видно, ею пользовались – выщербленные ступеньки побелены, на каждой стояло цветущее растение: выюнок с длинными голубыми колокольчиками, спускающийся до низа стены, алые герани, разноцветные гвоздики, от глубоких ярких тонов до перламутрового румянца тихоокеанской раковины. Стены здания были недавно побелены, а все подлежащие окраске детали выкрашены в синий цвет.

Все это производило эффект простоты, свежести, а цветы, деревья тамариска за домом и поблескивание моря вдали придавали этому виду настоящее очарование.

Георгий с шумом поставил мой чемодан размашистым движением, которое с успехом скрыло его облегчение, и позволил без особого труда уговорить себя принять пять драхм. Чувство собственного достоинства – *палликарас* – заставило его скрыть свой восторг, и он степенно удалился в сопровождении носящейся вокруг него Ариадны. Но я видела, как, не успев исчезнуть из поля зрения за стеной первого здания, он пустился бежать. Новость уже обрела крылья.

Георгий оставил меня у края крытой террасы, которая была построена вдоль фасада гостиницы. В тени ее, за решеткой для вьющихся растений, было установлено несколько маленьких металлических столиков, где, очевидно, любили сидеть старейшины деревни. Этим утром трое из них были здесь, двое играли в триктрак, третий внимательно наблюдал за ними. За столиком рядом с ними сидел, качая ногой, юноша и курил. Он поднял глаза и посмотрел на меня с интересом, старики же не удостоили вниманием.

Когда я направилась к главному входу, юноша повернул голову и что-то крикнул. Мужчина, который до этого был где-то позади столовой, быстро прошел ко мне мимо игроков в триктрак.

– Вы, должно быть, мисс Феррис?

Выговор был чисто английский. Значит, это Тони. Я с интересом посмотрела на него.

Тони был молод, лет около тридцати, трудно сказать, с плюсом или с минусом, среднего роста, худенький, в движениях его была своего рода грация, которую обычно связывают с балетом. Светлые волосы, тонкие и прямые, были несколько длинноваты, но безукоризненно расчесаны. Лицо узкое, умное, глаза голубые. Он был в отличных джинсах в обтяжку и белоснежной рубашке. Улыбка у него была обаятельная, а мелкие ровные зубы похожи на молочные.

– Да, – сказала я. – Здравствуйте. Вы ожидали меня сегодня вечером, не так ли? Я знаю, что появилась немного рано, но тем не менее надеюсь на ланч.

– Рано? – Он засмеялся. – Мы как раз собирались обратиться в полицию для розыска. Вы только представьте себе! Мисс Скорби думала...

– Полицию? – В моем голосе, очевидно, прозвучал испуг, без всякой на то причины, и мне показалось, что в его глазах мелькнула тень удивления – сердце у меня неприятно екнуло, затем часто забилося. – Мисс Скорби? О чем вы? Моя кухня что, уже здесь?

– Нет-нет. Она звонила вчера вечером. Она сказала, что яхту все еще задерживают в Патрах, но она доехала поездом до Афин, а там сумела попасть на самолет.

– Bravo! Значит, она попадет на сегодняшний автобус. Она приедет к обеду?

– К чаю. Сказала, что не будет ждать автобуса, она решила, что путешествие на каике с овощами интереснее, да и приедет она раньше. – Легкая улыбка обнажила мелкие зубы. – Энергичная женщина. Она вот-вот будет. Лодка, как всегда, опаздывает.

Я засмеялась:

– Еще и появиться не успела, а уже показала, на что она способна! Удивительно!

– Да, она считает, что хорошо все придумала. Она собиралась догнать вас в Ираклионе – вы должны были вместе сесть сегодня на автобус, да? – но вы уехали. Ей сказали, что вы уехали вчера и направляетесь прямо сюда.

Он закончил с явно вопросительной интонацией.

Мне, я надеюсь, удалось естественно объяснить:

– Да, я действительно уехала из Ираклиона вчера и собиралась было сразу сюда и приехать. Но очень симпатичные американцы предложили подвезти меня, однако они решили остановиться на ночлег в Ханье и осмотреть там турецкий квартал. Так что добралась я сюда только сегодня, да мы и не спешили, ведь я не думала, что вы меня ждете.

– Тогда все понятно. Мы особенно-то и не беспокоились, и, знаете, думаю, вы бы предупредили нас, если бы собрались приехать раньше. Сказать по правде, сомневаюсь, чтобы мы могли вас принять до сегодняшнего дня.

– Все заполнено?

– Нет-нет, ничего подобного. Но страшно заняты, знаете, так много дел. Мы пока только наполовину привели все в порядок. Вы пешком от дороги?

– Да. Я попила кофе у моста, а потом дальше мне нес чемодан Георгий.

– Идите, пожалуйста, распишитесь в Золотой книге, а потом я проведу вас в вашу комнату.

Коридор представлял собой широкий сквозной проход через весь дом. На полпути у стены стоял старомодный стол со стулом позади него, на стене щиток с гвоздиками, на них – четыре ключа. Это была стойка портье. На двери рядом надпись: «Private»¹⁴.

– Не «Риц»¹⁵, знаете ли, – бодро заметил Тони. – Но всему свое время, расширяется со страшной силой. Уже целых четыре комнаты. Неплохо для Айос-Георгиоса.

– Прелестно! Но как вы тут оказались, ведь вы англичанин, не правда ли?

Книга посетителей совершенно новая, ее пустые страницы – как закрытые глаза.

– Да, конечно. Меня зовут Тони Гэмбл, и я игрок по натуре, что вполне соответствует моей фамилии¹⁶. Но вы, как и все, можете называть меня просто Тони. Так вот, знаете, деньги тут можно заработать, при таком туристском буме, и гостиницы везде растут как грибы, правда здесь пока еще не очень, но вот построят сюда дорогу, и потекут настоящие денежки. Мы решили подготовиться к этому. И климат прекрасный, особенно для таких, как я... со слабыми легкими... – Он запнулся, быть может почувствовав, что несколько навязчив со своими объяснениями; потом улыбнулся, веко слегка дрогнуло. – «La dame aux camélias»¹⁷, понимаете ли, и все такое. Вот что на самом деле заставило меня обосноваться так далеко от дорогого для меня дома старого священника.

– Да, – сказала я. – Не повезло. Ариадна действительно говорила мне, что вы считаете Лондон нездоровым местом. Она, должно быть, именно это и имела в виду. Ну а здесь, мне кажется, очень мило, так что я желаю вам удачи. Мне тут писать, наверху?

– Да, как раз здесь. – Хорошо ухоженный палец показал мне, откуда начинать первую строчку на девственно-чистой странице. – Вы знаете, дорогая мисс Феррис, что вы наша самая первая постоялица? Можете удостовериться, страницы пустые.

– И не думаю сомневаться в этом. А как же насчет моего приятеля-датчанина, который направил меня к вам? Вам бы следовало попросить его расписаться, он довольно известен. – Я назвала его имя.

– Ах да. Но он не в счет. Мы еще не были официально открыты, и Стратос принял его ради рекламы и потому что ему просто больше негде было остановиться. Мы еще красили.

Я написала свое имя, постаравшись сделать этакий небрежный росчерк.

– А англичанин?

– Англичанин? – Он выглядел озадаченно.

¹⁴ Здесь: «Посторонним вход запрещен».

¹⁵ «Риц» – фешенебельный лондонский отель, символ роскоши.

¹⁶ Gamble (англ.) – играть в азартные игры.

¹⁷ «Дама с камелиями» (фр.).

– Да. – Я взяла промокательную бумагу и приложила к написанному. – Дети говорили, что вроде у вас тут был англичанин на прошлой неделе.

– А, этот... – наступила недлинная пауза. – Знаю, кого они имели в виду. – Он улыбнулся. – Это не англичанин, это был грек, знакомый Стратоса. Наверное, ребяташки слышали, как он со мной разговаривал.

– Возможно, не помню точно. Вот. – Я подтолкнула к нему книгу.

Он взял ее.

– Никола Феррис. Очень милое начало для первой страницы. Спасибо. Нет, дорогая, он тоже не в счет, он даже здесь и не останавливался, просто заглянул по делам и уехал в тот же вечер. Пойдемте посмотрим вашу комнату. – Он схватил с гвоздя ключ, резко поднял мой чемодан и повел меня назад ко входной двери.

– Вы сказали, что лодка должна прийти сейчас?

– Да, в любую минуту, но знаете, как бывает. Наша гостья, конечно, будет здесь к чаю, – он усмехнулся через плечо, – позвольте вам сказать, одной заботой у вас будет меньше. Я сама готовлю чай.

– О! Хорошо. Кузина любит чай. Но не я: у меня было время акклиматизироваться.

– Акклиматизироваться? Вы хотите сказать, что вы здесь давно? – В его голосе прозвучал неподдельный интерес.

– Больше года. Я работаю в британском посольстве в Афинах.

Я бы сказала, что взгляд его был оценивающим. Он размахивал моим чемоданом, будто тот ничего не весил.

– Так вы говорите на местном наречии? Сюда, дорогая. Мы поднимемся по наружной лестнице. Боюсь, она довольно примитивна, но это часть простого, естественного очарования нашей жизни.

Я последовала за ним вверх по заставленным цветами ступенькам. Запах гвоздики был густой, как дым на солнце.

– Я нахваталась немного греческого. – Мне пришлось решиться на это признание, ведь я повстречала детей, и он все равно узнает об этом; собственно, я и сама уже призналась, что говорила с ними. – Но это ужасно трудно, да еще алфавит... – извиняющимся тоном добавила я. – Я могу задавать простые вопросы, ну а что касается разговора... – Я рассмеялась. – На работе ведь большую часть времени проводишь с соотечественниками, я к тому же живу в одной комнате с девушкой-англичанкой. Но когда-нибудь я по-настоящему возьмусь за учебу. А вы?

– О, моя дорогая, едва ли, этот греческий ужасен, уверяю вас. Я могу на нем изъясняться только в случае крайней необходимости. К счастью, у Стратоса английский худо-бедно сносный... Вот мы и пришли. Просто, но довольно мило, вы не находите? Декор – моя собственная идея.

Изначально это была простая квадратная комната с грубо оштукатуренными стенами, скобленным деревянным полом и маленьким окном в толстой стене с видом на море. Теперь грубые стены были побелены с синькой, несколько новеньких соломенных циновок прикрывали пол, а кровать, на вид достаточно удобная, была застелена ослепительно-белым покрывалом. Солнце, уже почти полуденное, проникало косыми лучами через окно-амбразуру, ставни были раскрыты, занавески отсутствовали, но снаружи вилась виноградная лоза, и солнечный свет просеивался сквозь нее, украшая стены подвижным узором из теней листьев и усиков.

– Жаль закрывать, верно? – сказал Тони.

– Очаровательно. Это и есть ваш декор? Я думала, вы имели в виду, что сами его создали.

– Можно сказать, что я не дал его испортить. Стратос настаивал на жалюзи и двухцветных обоях, чтобы это был дом как дом, уютный дом.

– О, я уверена, что вы были правы. Э... Стратосом вы называете господина Алексиакиса?

– Да, он хозяин, вы ведь знаете? Ваш приятель-датчанин рассказывал о нем? Довольно романтическая история про местного парня, заработавшего много денег, не так ли? Это то, о чем мечтают все эмигранты, выросшие в этих убогих крольчатниках, – вернуться домой лет через двадцать, приобрести недвижимость, осыпать деньгами семью.

– А у него есть семья?

– Только сестра, София, и, между нами говоря, здесь у Стратоса есть некоторые трудности. – Тони положил чемодан на стул и обернулся ко мне с видом человека, соскучившегося по милой сердцу сплетне. – Осыпать деньгами Софию – значило бы осыпать деньгами ее мужа, а наш дорогой Стратос ужиться не может со своим зятем. Да и кто сможет! Я тоже не скажу, что без ума от него, а уж мне так просто угодить, второго такого добряка не сыщешь. Помню...

– Чем же он так плох?

– Джозеф-то? Во-первых, он турок. Ну, не то чтобы я имел что-нибудь против этого, хотя некоторые люди в деревне считают, что даже болгары или немцы – лучше. А она, бедняжка, ведь все у нее было: и деньги, и уважаемый отец, чем не партия для хорошего критского парня? Нет, бросила все, уехала, вышла замуж за чужака – турка из Ханьи. Тот промотал и пропил почти все ее деньги, а сам палец о палец не ударит, только всячески ею помыкает. Обычное, знаете ли, дело, такая вот печальная история. И что еще, в церковь он ее не пускает, это уж совсем через край. Что же тут хорошего?

– А что, священник не может помочь?

– У нас нет постоянного священника, только проходящий.

– Ах, бедная София.

– Да, только теперь и вздохнула, как Стратос вернулся домой.

– Он, должно быть, неплохо заработал, у него ведь был ресторан, верно? Где-то в Сохо?

– Да вряд ли вы его знаете, совсем небольшой, хотя, конечно, местные думают, что это был «Дорчестер»¹⁸, не менее и что он давал Стратосу соответствующий доход. Незачем лишать их иллюзий. Впрочем, это было милое маленькое заведение, я и сам проработал там шесть лет. Вот где я набрался греческого: большинство ребят были греки, Стратос говорил, что чувствует себя как дома. А, ладно, – он дернул персикового цвета скатерть, – здесь довольно занятно, осталось только немного привести в порядок здание, хотя не знаю еще, захочет ли малыш Тони тут надолго обосноваться. Мы собираемся сделать пристройку с другого конца дома. Получится длинное невысокое здание с фасадом на море. Взгляните на этот вид.

– Замечательно.

Окно выходило на юго-запад, там заканчивалась скрытая сушей бухта. Слева я заметила край крыши, и все; остальная часть деревни была вне поля зрения. Прямо подо мной, сквозь маскировку из виноградной лозы, можно было видеть ровную, усыпанную крупным песком площадку, на ней стояло несколько столов со стульями. Это, несомненно, был «красивый сад» Ариадны. Цветы, какие тут были, росли в горшках, огромных керамических пифосах, похожих на старые винные кувшины из критских дворцов. Отдельная группа тамарисков росла там, где крупный песок уступал место ровному камню береговой полосы, потрескавшемуся, отглаженному водой и выбеленному солнцем. Из всех трещин камня пробивались ослепительно-розовые и малиновые, похожие на миниатюрные солнца ледяные маргаритки, и прямо рядом с ними лениво шевелилось море, шелковистое и темное, расплывчатые полосы света и тени мягко набегали на горячую скалу. За простором моря, по изгибу берега бухты высились зубчатые отвесные скалы, вдоль их омываемых спокойной летней водой подножий вилась узкая золотая линия галечника, которым окольцовывало острова бесприливное Эгейское море. Если ветер подует с юга, его покроет вода. Маленькая пустая лодка, окрашенная в оранжевый и синий цвета, покачивалась недалеко от берега на якорю.

¹⁸ «Дорчестер» – фешенебельная гостиница и ресторан в Лондоне на улице Парк-лейн.

– Следующая остановка – Африка, – сказал позади меня Тони.

– Очаровательно, право, очаровательно! Я рада, что приехала до того, как вы построили новое крыло здания.

– Понимаю, что вы имеете в виду, но не думайте, что мы собираемся конкурировать с Ривьерой, – весело сказал Тони. – Если вы, дорогая, хотите тишины и спокойствия, то у нас этого предостаточно.

Я засмеялась:

– Именно за этим мы и приехали. А уже достаточно тепло, чтобы поплавать? Я спрашивала Георгия, но у него совсем другой внутренний термометр, и не знаю, можно ли ему верить.

– Полагаю, моему тоже верить нельзя. Я не пробовал и думаю, что и не попробовывать, я ведь, знаете ли, не дитя природы. В гавани бы никогда не рискнул плавать, тут грязно, но, конечно, есть много мест, где это вполне безопасно. Лучше спросите Стратоса, он знает, какие тут есть течения, ну и все прочее. Ваша кузина, я думаю, составит вам компанию?

– О да. Но скорее всего, будет сидеть на берегу и наблюдать, и дело совсем не в опасности, собственно, никаких таких особенных причин тут нет. Фрэнсис просто не любитель плавания, она в основном интересуется цветами. Она специалист по альпийским горкам и работает в большом питомнике и даже во время отпуска норовит съездить куда-нибудь, где можно увидеть растения в естественных условиях. Она устала от Швейцарии и Тироля, поэтому, когда я сообщила ей, что увидела здесь прошлой весной, она просто не могла не поехать. – Я отвернулась от окна и как бы невзначай добавила: – Если она облюбует тут какое-то место, то у меня, вероятно, не останется времени для купания. Придется вместе с ней ползать по горным склонам, охотиться за цветами для фотографирования.

– Цветы? – спросил Тони так, будто это было иностранное слово, которого он никогда не слышал. – Ах... да, я уверен, что вокруг множество прекрасных цветов. Ну а сейчас мне надо отправляться на кухню. Комната вашей кухни вон та, рядом. В этом конце здания только две и есть, так что никто вам не будет мешать. Там – ванная. А эта дверь ведет в другую половину дома. Если вам что-нибудь понадобится – спрашивайте. Колокольчиков мы пока еще не завели, но вам нет надобности спускаться, просто выгляните из двери и громко крикните. Я всегда поблизости. Я слышу все, что тут происходит.

– Спасибо, – негромко сказала я.

– А пока всего хорошего, – приветливо попрощался Тони, и его легкая фигура грациозно скользнула вниз по лестнице.

Я прикрыла дверь и села на кровать. Тени виноградной лозы двигались по стене, словно танцуя. Они были похожи на мои перепутанные, мятущиеся мысли, и я даже закрыла руками глаза, чтобы отгородиться от них.

Из фрагментов, которые я насобираала по мелочам, мне ясно было одно: если убийство, свидетелем которого был Марк, имело какое-то отношение к Айдос-Георгиосу и если он не ошибался, что четвертый человек был англичанин, значит присутствовал там либо Тони, либо тот загадочный «англичанин» с моря, существование которого Тони отрицает. Других кандидатов не было. Так или иначе, без Тони здесь не обошлось. В центре всей этой истории могла быть и гостиница.

Я даже позволила себе улыбнуться, когда представила, что бы сказал Марк, узнав, что с такой благоразумной поспешностью выпроводил меня с периферии событий в самый их центр. Он хотел избавить меня от опасности и осуществил свое намерение решительно, даже на грани грубости, а я, достаточно долго чувствовавшая свою ответственность за происходящее, была всерьез обижена, подобное решение, казалось, заключало в себе намек на неравноправие полов. А если бы я была мужчиной, повел бы Марк себя таким же образом? Думаю, нет.

Но эмоции во всяком случае больше не затуманивали моих суждений. Теперь, спокойно сидя здесь и обдумывая происшедшее, я могла в полной мере оценить его поступок. Он хотел

видеть меня в безопасности, хотел, чтобы я не связывала ему больше руки. Достаточно справедливо. В последние десять минут я поняла (даже рискуя уступить ему, оставив ему немного этого мужского превосходства), что тоже хотела и того и другого, очень хотела сама.

Я отняла ладони от глаз, и опять передо мной были узорчатые тени, красивые, но теперь спокойные, неподвижные.

Конечно, это возможно – поступить так, как пожелал Марк: не вмешиваться, забыть, сделать вид, что ничего не случилось. Очевидно, никакого подозрения я вызвать не могла. Я приехала, когда меня и ожидали, успешно выкинув из своей жизни опасные двадцать четыре часа. Все, что мне надо сделать, это забыть то, что я узнала, не задавать больше никаких вопросов и – как это он сказал? – «продолжать свой нарушенный Ламбисом отпуск».

А между тем Колину Лангли только пятнадцать...

Я закусила губу и откинула крышку чемодана.

Глава 8

*И догадается она,
но тщетно спрашивать...
Томас Ловелл Беддоуз.*

Песня стигийских наяд

В ванной женщина с тряпкой и ведром заканчивала уборку. Когда появилась я с полотенцем на плече, она засуетилась и с нервной поспешностью стала собирать свой инвентарь.

– Ничего, – сказала я. – Я не тороплюсь. Могу подождать, пока вы не закончите.

Но она уже тяжело поднялась на ноги. Тогда я поняла по ее движениям, что она не старая. Среднего роста, чуть пониже меня, ширококостная, она была поразительно худой, и тело ее под толстым, скрадывающим фигуру крестьянским платьем казалось плоским и костлявым. Ее лицо вроде бы должно было быть полным, круглым, но из-за худобы сквозь натянутую кожу явственно проступали височные кости, выдававшиеся над глубокими глазными впадинами, острые скулы и квадратный подбородок. Одета она была убого, во все черное, под высоко подоткнутым черным платьем виднелась черная нижняя юбка, большой черный платок на голове закрывал шею и плечи. Волосы под ним казались довольно густыми, но несколько выбившихся из-под платка прядей были седыми. Огрубевшие руки, наверное, на самом деле были сильнее, чем казались с виду; создавалось впечатление, что это всего лишь связки костей, удерживаемых вместе посредством мышц и вздувшихся синих вен.

– Вы говорите по-гречески? – Голос у нее был тихий, но глубокий и низкий и еще молодой, а глаза – красивые, с прямыми черными ресницами, густыми, словно плотные щеточки. Веки покрасневшие, словно от слез, но в черных глазах – доброжелательный интерес, который все греки питают к иностранцам. – Вы англичанка?

– Да. Моя кухня приедет позднее. Это очаровательное место, *кирия*¹⁹.

Она улыбнулась, ее губы стали совсем тонкими, но ничего отталкивающего в этом не было. В спокойном состоянии ее рот не казался застывшим, но его линии свидетельствовали о бесконечном мучительном терпении, усталости от забот.

– Что ж, деревня маленькая, бедная. Но брат говорит, что вы об этом знаете и что многие будут приезжать сюда только ради покоя.

– Ваш брат?

– Он хозяин. – Она произнесла это не без гордости. – Стратос Алексиакис – мой брат. Он много лет жил в Англии, в Лондоне, но вот в прошлом году в ноябре приехал домой и купил гостиницу.

– Да, я слышала от Тони. Это замечательно, и, я думаю, дела у него пойдут хорошо.

Я надеялась, что эти избитые слова скрыли мое удивление. Так это, оказывается, София. У нее был вид бедной крестьянки из нищей страны, но, подумала я, раз она помогает своему брату в гостинице, несомненно, она надевает для черной работы самую старую одежду. И тут мне пришло в голову: не хотелось бы, чтобы вместо Тони на кухне хозяйничала она.

– Вы живете в гостинице? – спросила я.

– О нет, – поспешно ответила она. – У меня есть свой дом, немного вниз по дороге, на другой стороне улицы. Первый.

¹⁹ Греческое обращение к замужней женщине – госпожа, хозяйка.

– Такой с фиговым деревом? Я его видела. И печка на улице. – Я улыбнулась. – Ваш сад такой прелестный. Вы, наверное, им очень гордитесь. У вас муж рыбак, да?

– Нет. Он... у нас есть немного земли выше по реке. У нас виноград, лимоны и помидоры. Это тяжелая работа.

Я вспомнила безукоризненно чистенький домик, выстроившиеся рядами возле фигового дерева цветы и подумала о гостиничных полах, которые она скоблила. Потом о земле, которую, несомненно, обрабатывала она. Неудивительно, что она двигалась так, будто у нее болело все тело.

– У вас много детей?

На лицо ее словно опустилась завеса.

– Нет. Увы, нет. Не наградил Господь. – Движение к груди, где крошечное серебряное украшение – скорее всего, греческий крестик – свободно болталось на цепочке, когда она мыла пол. Нащупав его, она быстро зажала его в руке – странное защитное движение, в нем было что-то, выдававшее страх, – сунула крестик обратно через верх передника и принялась собирать вещи.

– Надо идти. Скоро муж будет дома, а надо еще приготовить еду.

Моя трапеза была великолепна: барашек, которого критяне называют *амнос*, – много классических терминов еще живут в диалекте, – зеленая фасоль и картошка.

– *Sautéés*²⁰, дорогая, на оливковом масле, – сказал Тони, который меня обслуживал. – Сливочное здесь не часто бывает, но я всегда готовлю на оливковом. Нравится?

– Превосходно. И я люблю оливковое. А свежее коровье масло здесь просто ужасно. Вы оказались правы насчет вина, «Царь Минос», сухое. Надо это запомнить. Оно суховато для греческого вина, не так ли? И название замечательное, критское!

– Розлив афинский, дорогая моя, видите?

– Ой, не надо было мне это показывать! – Я подняла взгляд. – Я встретила сестру господина Алексиакиса.

– Софию? Да, да. Она помогает по дому, – как-то рассеянно сказал он. – Теперь фрукты напоследок, или *fromage*²¹, или то, что мой дорогой друг Стратос называет «компост»?

– Это сильно зависит от того, что это значит.

– Между нами, дорогая, салат из консервированных фруктов. Но не волнуйтесь, мы отведем душу за обедом. Сегодня прибывает каик, – впрочем, вы же знаете.

– А я и не волнуюсь, с чего бы это? Все было отлично. Нет, апельсины не надо, спасибо. Можно сыра?

– Без сомнений. Вот. Белый – козий, а желтый с дырочками – овечий, так что выберите... простите, минуточку. Легка на помине.

Он сдернул с пламени кофейник с ситечком и вышел из столовой через террасу на залившую солнцем улицу. Там ждала женщина. Она не подзывала его кивком головы, не делала никаких других знаков, просто ждала с терпением бедняка. Я узнала ее, это был сестра Стратоса, София.

Если бы только можно было прекратить эти странные неудобные вычисления в уме... Если бы только был способ отключить механизм... Но внутренний компьютер продолжал работать, вопреки моему желанию складывая все вместе, дробь за дробью, частицу за частицей. Тони и англичанин. А теперь Тони и София. Там была женщина, говорил Марк. София и ее брат...

Я упорно ела свой сыр, пытаюсь не обращать внимания на нежелательные ответы, которые, не переставая, выдавал мне компьютер. Надо все внимание уделить сыру и кофе – осталось

²⁰ Соте (фр.).

²¹ Сыр (фр.).

немного вина и очень ароматный кофе, *café français*²², назвал бы его Тони... Но вот компьютер выдал мне мимолетное воспоминание о Марке – грязном, небритом, подавленном, безразлично глотающем кофе из термоса, давящемся сухим печеньем. Я свирепо нажала на выключатель, стерла память и переключила внимание на Тони. Грациозный, безукоризненно одетый, он в непринужденной позе стоял на солнце и слушал Софию.

Свою расплюснутую работой кисть она положила на руку Тони, словно о чем-то его умоляя. Чепец затенял половину ее лица, и на таком расстоянии я не могла видеть его выражения, но вся фигура женщины наводила на мысль о беде и необходимости безотлагательного действия. Тони, казалось, разубеждал ее в чем-то, он похлопал ее по руке, потом сказал, видно желая поскорей отделаться, что-то ободряющее, повернулся и пошел прочь.

И в тот миг, когда он повернулся, я увидела выражение лица Софии. Это было горе – она плакала – и, несомненно, это был еще и страх. Я опустила взгляд на столик и отодвинула тарелку с сыром. Подошел Тони.

– *Café français*, дорогая? – сказал он.

Но и компьютер с двумя чашками кофе в придачу не смог удержать меня от сна после ланча. Я вынесла вторую чашку кофе в сад, и там, наедине с нагоняющим дремоту гудением пчел, под спокойный плеск моря уснула.

Это был очень короткий сон, получасовая дремота, но, должно быть, довольно глубокая, потому что напряжения как не бывало, и, проснувшись, я не ощутила состояния похмелья, которое обычно бывает после дневного сна. Я чувствовала себя посвежевшей и бодрой, и у меня было радостное предвкушение скорого свидания с Фрэнсис. А уж Фрэнсис, конечно, будет знать, что делать...

Я не стала додумывать эту мысль до конца, мне даже не хотелось признаться в ней самой себе. Я села, выпила стакан успевшей нагреться воды – она была подана с кофе – и принялась прилежно писать открытку Джейн, с которой вместе снимала комнату в Афинах. И мне не было дела до того, что Джейн страшно удивится, получив ее, я просто сказала себе, что мне надо прогуляться, а открытка будет хорошим поводом спокойно пройтись до деревенской почты. Я даже не задумалась, почему мне нужно кому-то объяснять причину прогулки или почему, в конце концов, мне понадобилась эта прогулка после вполне приличного перехода, который я уже сегодня совершила. Джейн, сказала я себе, торопливо строча свое послание, будет очень приятно получить от меня весточку.

Сообщение, которое должно было вызвать у нее ошеломляющий восторг, выглядело следующим образом: «Приехала сюда сегодня; все очень красиво и спокойно. Фрэнсис должна приехать днем. Она будет потрясена, когда увидит цветы, и изведет массу денег на пленку. Гостиница, кажется, хорошая. Надеюсь, будет достаточно тепло, чтобы купаться. Пока. Никола».

Я четким почерком написала это безыскусное послание и взяла его с собой в холл. Тони сидел там, положив ноги на стол, и читал «Любовника леди Чаттерли»²³.

– Не поднимайтесь, – остановила я его. – Я просто хотела узнать, нет ли у вас марки. Только одной, на открытку внутри страны, в одну драхму.

Он опустил ноги, пошарил под столом и выдвинул забитый доверху ящик.

– Конечно есть. Вы сказали, в одну драхму? – Длинные пальцы перелистнули три-четыре тусклых листа почтовых марок. – Вот. Только две остались. Вам повезло.

– Спасибо. Ой, а по пять есть? Я могла бы тоже взять их заодно, для авиапочты в Англию.

²² Кофе по-французски (*фр.*).

²³ «Любовник леди Чаттерли» – роман английского писателя Д. Г. Лоуренса.

– Посмотрим. Пять... Как приятно, что первый же наш турист знает все ходы-выходы. Я так никак не могу запомнить подобных вещей, клерк бюро информации вышел бы из меня преотвратительный. Расписание поездов просто ввергает меня в панику, ничего не могу разобрать.

– Значит, вы приехали в подходящее место. Или вы хотите сказать, – невинно заметила я, – что еще не писали писем домой, с тех пор как приехали в Грецию?

– Голубушка, я еще не успел как следует отряхнуть с ног пыль дорогого моему сердцу дома старого священника. Нет, к сожалению, по пять драхм нет, только по две и по четыре. Вы не очень спешите? А то я могу раздобыть для вас несколько?

– Не беспокойтесь, спасибо, мне все равно хочется выйти на разведку. Ой, простите, не могу даже за эту марку с вами сейчас рассчитаться, я оставила кошелек наверху. Спущусь через минуту.

– Не стоит из-за этого волноваться. Мы занесем в счет, вдвойне за услугу, как в «Рице».

– Нет, кошелек мне все равно понадобится, купить марки в деревне. Да и темные очки надо взять.

Я оставила открытку на столе и пошла наверх в свою комнату. Вернувшись, я убедилась: открытка не сдвинулась ни на миллиметр, я бы могла в этом поклясться.

Я улыбнулась Тони:

– Надеюсь, в этом городе все-таки есть почтовое отделение?

– Конечно есть. Но не обижайтесь, дорогая, если я дам некоторые указания. В Айос-Георгие все очень просто. Идите по главной улице и прямо к морю. Приятной вам прогулки. – И он снова погрузился в книгу.

Я забрала свою почтовую открытку и вышла на улицу.

«Улица», конечно, неподходящее название для пыльного прохода между беспорядочно расположенными домами Айос-Георгиоса. Перед гостиницей было широкое пространство притоптанной каменистой почвы, покрытой пылью, в которой копались курицы. Маленькие полуголые детишки играли под фисташковым деревом. Два ближайших к гостинице дома сияли свежей побелкой, у каждого – виноградная лоза, дающая тень, и низкий белый забор, огораживающий крошечный дворик. Дом Софии стоял сам по себе, отдельно от других, на противоположной стороне улицы. Он был немного больше остальных и хорошо ухожен. Фигурное дерево, самое стройное из деревьев, росло около двери, его тень четким рисунком падала на белую стену. Маленький садик был полон цветов: львиный зев, лилии, гвоздики, мальвы – в критский апрель здесь благоухало все великолепие английского лета. Но не менее роскошны были на Крите и дикие цветы. Неподалеку от стены дома находился примитивный очаг, какой-то невероятно древней конструкции, закопченные горшки стояли на подставках. Покрытая виноградной лозой задняя стена наилучшим образом выполняла свою задачу – скрывала захламленный двор, где я заметила печь для выпечки хлеба, напоминавшую улей.

Я медленно шла вниз по холму. Под полуденным зноем все виделось невинным и спокойным. На небольшой возвышенности прижалась задней стеной к скале церковь, очень маленькая, белоснежно-белая, с куполом цвета синьки «Рекитс». Перед ней чьей-то заботливой рукой сделан тротуар из гальки – синие, терракотовые и синева-серые камешки уложены узорами в железное основание. За церковью уклон улицы в сторону моря становился круче, и здесь, хотя у каждого дома было по одному, по два горшка с цветами, место выглядело более голо, а краска и побелка применялись реже. Создавалось впечатление, что богатство усеянных цветами холмов блекло и увядало, приходило в упадок, чтобы умереть в пустынной, как открытое море, гавани.

Здесь и было почтовое отделение, в одном здании с единственным магазином, которым могла похвастаться деревня. Темная пещера с двустворчатыми дверьми, распахнутыми на улицу, затоптанный земляной пол, стоящие повсюду мешки с продуктами – фасолью, маи-

сом, лапшой, огромные квадратные консервные банки с плавающими в масле сардинами. На прилавке в глиняных мисках – черные маслины, груды сыра и большие старомодные чашечные весы. Рядом с дверью, заваленной грудой щеток, находился ящик для писем, покрашенный в темно-синий почтовый цвет. А на стене против дверного проема, в самой середине лавки – телефон. Чтобы попасть к нему, надо пробираться между мешками.

Лавка, очевидно, была местом встречи женщин деревни. Четыре крестьянки были сейчас здесь, и речь шла о покупке муки. Когда я несколько нерешительно вошла, разговор сразу смолк, и они принялись рассматривать меня, но правила приличия взяли верх, и, перестав пялиться, они заговорили тише, но, как мне удалось разобрать, не о приезжей иностранке, а о каком-то больном ребенке. Они расступились, давая мне дорогу. Лавочник отложил свой совок для муки и вопрошающе произнес:

– Мисс?

– Эти дамы... – сказала я и подкрепила слова жестом, означающим, что я не собираюсь нарушать очереди.

Но в конце концов мне пришлось уступить их непреклонной любезности.

– Мне только марки, пожалуйста. Будьте добры, шесть по пять драхм.

Позади я услышала шевеление и шепот:

– Она говорит по-гречески! Вы слышали? Англичанка, а говорит по-гречески... Тихо, ведите себя прилично! Тишина!

Я улыбнулась им, сказала что-то об их деревне и тут же оказалась в центре внимания восхищенных женщин. Зачем я приехала в их деревню? Она такая маленькая, такая бедная, почему я не остановилась в Ираклионе, где есть большие гостиницы, как в Афинах или в Лондоне? Я живу в Лондоне? Я замужем? Нет? Что ж, в жизни везет не всегда, но скоро, Бог даст, скоро...

Я засмеялась, постаралась ответить как можно лучше и задала в свою очередь столько вопросов, на сколько осмелилась. Много ли у них здесь, в Айос-Георгиосе, бывает приезжих? Много ли англичан? Да, конечно, Тони, но я имею в виду туристов, таких как я, иностранцев... Джентльмен из Дании... да, я слышала о нем, и никого больше? Нет? Но теперь, когда начала работать гостиница, и так хорошо, наверняка скоро здесь будет много приезжих, и американцев – тоже, и Айос-Георгиос будет процветать. Господин Алексиакис ведь успешно ведет дела, верно? А его сестра ему помогает? Да, София, я с ней уже познакомилась; кажется, она живет в красивом доме там, наверху, напротив гостиницы...

Но на Софии мы застряли. Они быстро переглянулись, как я поняла, сочувственно, забормotalи: «Ах да, бедная София, ей повезло, что брат приехал домой, он позаботится о ней», и все женщины замолчали, разговор замер. И только одна из них, молодая, хорошенькая, с ребенком, вцепившимся в ее руку, и на вид уверенная в себе, нарушила молчание, пригласив меня в гости. Остальные как будто только того и ждали и энергично надели на меня с такими же приглашениями. Сколько я еще пробуду в Айос-Георгиосе? Я должна прийти, навестить их вместе со своей кухней. Какой дом? Дом у стенки гавани... дом у пекарни... дом за церковью... не важно, какой дом (это со смехом), только заходите, в Айос-Георгиосе нет дома, где бы я ни была желанным гостем, такая молодая и красивая и так хорошо говорит по-гречески...

С улыбкой принимая эти чистосердечные приглашения, я пока уклонялась от прямого ответа и наконец ушла, ненамного больше узнав о призрачном англичанине, упомянутом Георгием, но выяснила то, ради чего приходила, и даже несколько больше.

Первое – телефон отпадал. Даже и не дав обещания Марку, что бы ни случилось, не связываться с властями, я не имела возможности позвонить по телефону ни в посольство, ни хотя бы в Ираклион. Тем, что в гостинице, воспользоваться было невозможно. А что касается почты, представляющей собой днем женский клуб, то ни по-английски, ни по-гречески и пытаться нельзя было. Мы должны рассчитывать только на себя.

Я обнаружила, что, и не заботясь о направлении, машинально добралась до маленькой гавани. Мол и крошечный изогнутый причал сохраняли воду чистой и неподвижной, как росинка в чашечке цветка. На стенке гавани кто-то намалевал: «Меняю Кипр на Грецию», а кто-то пытался это соскоблить. Мужчина выловил осьминога: какая-то семья сегодня вечером как следует поест. Две лодки стояли на якорях, одна – белая с ярко-красными парусами, свернутыми вдоль ее красивого рангоута, другая – синяя с названием «Эрос» на борту. На «Эросе» шла работа: молодой матрос, гибкий и быстрый в движениях, свертывал канат. На нем был серый спортивный свитер и синие хлопчатобумажные брюки, заправленные в резиновые сапоги. Это был тот самый юноша, который наблюдал за игроками в триктрак. Он с любопытством уставился на меня, но не прервал своей работы.

Я постояла с минуту или чуть дольше, сознавая, что множество женских глаз следит за мной из темных дверных проемов. Я подумала: вот бы лодка Ламбиса тихонько пришла сейчас в гавань с востока и на ее борту были бы все: Ламбис – у двигателя, Марк – на руле, а смеющийся Колин на носу с рыбацкой снастью...

Я резко отвернулась от сверкающего пустынного пространства моря, разум рывком возвратил меня из области фантазий к моим проблемам. Вот что еще я узнала в деревенской лавке: в Айос-Георгиосе нет дома, в котором надо что-то скрывать. Колина Лангли здесь нет. Ничто больше не может помочь мне разузнать о мальчике в деревне, где каждая женщина знает все обо всех своих соседях. Ответ на загадку следует искать только в гостинице.

Или... и тут я медленно пошла назад, вверх по улице, все еще сознавая, что за мной следят глаза из темных дверных проемов... или в доме Софии.

В Айос-Георгиосе мог быть только один дом, где я не была желанна.

Самое лучшее – попытаться... А если муж еще дома, за едой, будет интересно и с ним познакомиться. Мне очень хотелось узнать, как он относится к критской одежде.

Глава 9

*Казалась древней девой и выбрать шерсть умела,
И с шерстью белоснежной она справлялась смело.*

Александр Поуп. Илиада Гомера

Она как раз сидела в дверях своего дома и пряла.

Прожив в Греции достаточно долго, я не перестаю любоваться крестьянками, занятыми этим нехитрым делом. Мягкая пушистая масса белой шерсти на ручной прялке, коричневые пальцы, вытягивающие ее в похожий на ледяную сосульку жгутик, петля на подоле черного платья, кружащийся ком шерстяной нитки на веретене – все это вместе создает картину, которой трудно не восхищаться.

Она не подняла головы, когда я подошла: ствол фигового дерева, должно быть, скрыл от нее мое приближение. Я остановилась на минуту в тени дерева, чтобы понаблюдать за ней. Место, где она сидела, тоже было в тени, поэтому тревоги не было заметно на ее лице, напротив, оно разгладилось, стало моложе, а уродливые руки, двигаясь плавно, размеренно, даже обрели своеобразную красоту.

Я вспомнила легенду о лунных пряжах, которую рассказывала Марку, чтобы помочь ему заснуть и успокоиться самой. Я смотрела на Софию: одетая в черное критянка пряла в разгар жаркого дня. Изгой, подозреваемая, загадочная уроженка этой суровой жаркой страны, правила жизни которой мне неизвестны. Та, кого мне надо расспрашивать.

Я прошла вперед и положила руку на калитку. София подняла голову и увидела меня.

Первой ее реакцией была радость, в этом не могло быть никакого сомнения. Лицо Софии расплылось в улыбке, темные глаза засветились. Потом, хотя она и не двинула головой, мне показалось, что она бросила быстрый взгляд назад, в дом.

Я отворила калитку.

– Можно зайти к вам поговорить? – Я знала, что хотя такой прямой вопрос мог показаться бестактным, но по правилам гостеприимства он не мог остаться без положительного ответа.

– Конечно.

Что-то ее беспокоит, подумала я.

– Ваш муж ушел?

Она как-то боязливо посмотрела на меня, хотя привычные ловкие движения помогли ей выглядеть раскованно, как помогает иногда сигарета в очень сложных ситуациях. Затем она перевела взгляд на маленький костер во дворе, над которым кипела в котле вода.

– Он не приходил еще. – Потом, слегка привстав: – Прошу вас, садитесь.

– Спасибо!.. О, пожалуйста, прядите, не останавливайтесь, я так люблю наблюдать за этим...

Я вошла в крохотный дворик и, повинувшись ее жесту, села на скамейку около дверей под фиговым деревом. Я стала нахваливать ее искусство, восхищаясь ровностью нитки и вертя в руках кусок сотканной ткани, который она мне показала. Забыв о своей робости, она отложила работу, чтобы принести показать мне еще образцы своего тканья и вышивки. Я встала со скамейки и без приглашения прошла за ней внутрь.

В доме были две комнаты, не разделенные дверью, – просто прямоугольный проем в стене. Гостиная, напрямую выходившая во двор, была безупречно чистой и очень бедной. Пол земляной, утоптаный до каменной твердости, половину его покрывал ковер грязноватого желто-коричневого цвета с проплешинами. В одном из углов – маленький очаг, которым не

пользовались в это время года. В задней части комнаты – широкий выступ фута на три от пола, он, очевидно, служил кроватью и был покрыт односпальным, с красно-зеленым рисунком одеялом. Закопченные от зимнего дыма стены еще не были заново побелены. Тут и там в стенах были ниши, а в них – украшения и дешевые, когда-то яркие, но выцветшие фотографии. Одна – на почетном месте – ребенка, мальчика лет шести, а за ним – нечеткая, видно сильно увеличенная фотография молодого человека в полувоенном костюме. Он был красив и выглядел весьма самоуверенным. Мальчик был очень похож на него, но стоял робко. Муж, предположила я, и погибший ребенок? Я искала семейную икону и, не увидев ее, вспомнила, что мне говорил Тони.

– Мой малыш, – сказала София позади меня, она вышла из соседней комнаты с ворохом лоскутов и тканей.

Она не выразила ни возмущения, ни удивления, обнаружив, что я последовала за ней в дом. Она печально смотрела на фотографию и (я могла бы в этом поклясться) ни о чем больше в эту минуту не думала.

– Он умер, *теспойнис*, когда ему было семь лет. Весь день хорошо себя чувствовал и в школе, и после играл. На следующий день вдруг раз – и умер. На то воля Божья, чтобы больше у меня детей не было.

– Извините, а это ваш муж?

– Да, это мой муж. Посмотрите, вот подушка, которую я вышила в прошлом году...

Она начала раскладывать вещи на солнце около двери. Я склонилась над ними, но повернулась так, чтобы мне была видна задняя комната.

В ней царил полумрак: ставни закрыты – от солнца. Небольшая продолговатая комната-коробка с двуспальной кроватью, деревянным стулом и столом, покрытым розовой скатертью с кисточками, у окна. Весь дом, казалось, был открыт взору...

София продолжала выкладывать свои работы.

– А теперь, если вы посидите тут в прохладе, я принесу вам мятный напиток, который сама готовлю.

Я почувствовала себя пристыженной. Мне было неловко принимать ее скудное угощение, ведь я сама напросилась к ней в дом и вынудила ее предложить мне что-то. Но не оставалось ничего другого, как поблагодарить ее и сесть.

Она протянула руку к полке около двери, где за выцветшей занавеской тех же зеленого и красного цветов хранился запас (и какой же ничтожный запас!) провизии. Она достала небольшую бутылку и стакан.

– София? – раздался мужской голос с улицы.

Я слышала торопливые шаги по дороге, вниз от моста, но не придала этому значения. Звук шагов замер у калитки.

София, стоявшая у двери, быстро повернулась со стаканом в руке. Мужчина все еще был вне поля моего зрения и не видел меня.

– Все хорошо, – коротко сказал он. – А что касается Джозефа... в чем дело?

Это София сделала едва заметное движение, давая знать, что она не одна.

– Кто там у тебя? – резко спросил он.

– Это английская леди из гостиницы, и...

– Английская леди?! – Быстро произнесенное по-гречески, это прозвучало как взрыв. – Не придумала ничего лучше, как пригласить ее и показывать свои работы, когда...

– Ты можешь смело говорить при ней по-гречески, – перебила София. – Она прекрасно все понимает...

Я услышала, как он сделал вдох, а потом плотно захлопнул рот, так и не сказав то, что собирался сказать. Прогремела задвижка.

Я шагнула вперед. Пришедший распахнул калитку, и мы встретились в залитом солнцем дверном проеме. Это был крепкий на вид мужчина лет пятидесяти. Широкоплечий, загорелый, с тем глянцем на полноватых щеках, который свидетельствует о сытой жизни. Слегка выступающие скулы делали его лицо квадратным, а неизбежные усы – типично греческим. Это мог быть и тот самый человек, которого я в последний раз видела в красном головном платке, но я подумала, что все же это не так. Во всяком случае он не был в критском костюме. Он, очевидно, работал и был в серых потрепанных, покрытых пылью брюках и рубашке цвета хаки, на шее повязан ярко-красный платок. Коричневый льняной пиджак сидел на нем мешковато. Этот последний предмет одежды выглядел дорогим, и на нем неудивительно было бы увидеть ярлык спортивного магазина в Найтсбридже²⁴. Все мое внимание было обращено на пришедшего. Это, должно быть, хозяин гостиницы, Стратос Алексиакис.

– Это мой брат, – сказала София.

А я уже мило улыбалась ему и протягивала руку:

– Здравствуйте! Извините, я понимаю, что не должна была отнимать время у *кирии* Софии, когда она ждет мужа на обед. Но я шла по деревне, а ваша сестра – единственный человек, с которым я знакома, так что я решила к ней зайти. А теперь я пойду.

– Нет-нет, что вы! – Он удержал меня за руку и почти насильно повел под фиговое дерево. – Простите, я бы никогда так не говорил, если бы знал, что вы меня понимаете! Но муж моей сестры – человек не компанейский, и я подумал, что если он вернется домой и обнаружит, что жена тут болтает, – усмешка и движение плечами, – а еда не готова... вы ведь знаете, как это бывает, когда мужчина голодный. Нет, пожалуйста, садитесь! Что подумает обо мне сестра, если я выпровожу ее гостью? Вам надо попробовать ее мятный напиток, он самый лучший в деревне.

София (ее лицо ничего не выражало) протянула мне стакан. Я так и не смогла понять, беспокоит ли их еще то, что я слышала их слова о себе. Я попробовала напиток и принялась нахваливать его, а Стратос прислонился мощным плечом к косяку двери и приветливо смотрел на меня. София, неподвижно стоя в дверном проеме, не сводила с него глаз.

– Он опаздывает, – неуверенно сказала она. Эти слова прозвучали как вопрос, словно Стратос знал причину отсутствия мужа.

Он пожал плечами и усмехнулся:

– Может быть, работает, в кои-то веки раз.

– Он не помогал тебе в поле?

– Нет.

Он снова обратился ко мне, теперь по-английски:

– Вы хорошо устроились у меня в гостинице? – У него был отличный английский, но все же и через двадцать лет сохранился акцент.

– Большое спасибо, мне очень понравилась моя комната. У вас тут прелестное место, господин Алексиакис.

– И очень спокойное. Вы ведь мне сказали по телефону, что как раз этого и хотите.

– Да-да. Я живу в Афинах, и к лету там становится так шумно, так много народу. Я мечтала выбраться куда-нибудь, где не бродят толпы туристов...

Я продолжала непринужденно говорить, снова объясняя, почему мы с Фрэнсис выбрали Айос-Георгиос. Я даже не пыталась теперь скрыть от себя, что намерена привести очень серьезные причины, объясняющие мои длительные отлучки для исследования окрестных гор и побережья. Кинокамера, подумала я, когда заговорила о фильме (о котором не имела ни малейшего представления), – вот что может послужить отличным оправданием самого назойливого любопытства...

²⁴ Найтсбридж – район Лондона, известный своими дорогими магазинами.

– И лодка заберет нас в понедельник, если все будет благополучно, – заканчивала я свои разглагольствования. – Наша компания отправится на Родос, я присоединюсь к ним на пару дней, а потом мне надо будет вернуться в Афины. Они побывают еще на Додеканесе²⁵, потом моя кухня по дороге домой остановится ненадолго у меня в Афинах.

– Очень интересно. – (Я буквально видела, как он все подсчитывает: друзья, лодка, частная поездка, деньги.) – Значит, вы работаете в Афинах? Это объясняет ваш отличный греческий. Вы, конечно, делаете ошибки, но говорите свободно, и вас очень легко понять. Вы и то, что слышите, тоже понимаете хорошо?

– Ой, что вы! – Я поразила, как часто тактичность и правда идут рука об руку. – Я хочу сказать, что не могу уловить каждое слово, но основную суть понимаю довольно хорошо, если, конечно, люди не говорят слишком быстро или не преобладает местный говор. О, спасибо, – это Софии, которая забрала пустой стакан. – Нет-нет, больше не надо. Очень вкусно.

Стратос улыбался:

– Вы все-таки сделали большие успехи. Вы не поверите, сколько тут у нас останавливалось англичан, и жили не так уж помалу, но никогда не удосуживались выучить больше одного-двух слов. Чем вы занимаетесь в Афинах?

– Я просто помощник секретаря в британском посольстве.

Это тоже было воспринято, как я заметила, не без изумления.

– Что она сказала? – это почти шепотом София.

Он повернул голову и кое-как перевел:

– Она работает в британском посольстве.

– О! – раздалось чуть слышное восклицание, стакан выскользнул у нее из рук и разбился.

– Боже мой! – воскликнула я. – Как обидно! Дайте я помогу!

Я присела на корточки и, несмотря на ее протесты, принялась подбирать осколки. К счастью, стакан был толстый, а осколки крупные.

– Не переживай, София, – невозмутимо произнес Стратос. – Я тебе дам другой стакан. – Потом с некоторым раздражением: – Нет, выбрасывай все вон, девочка, его не склеишь. Я пришлю тебе с Тони новый, лучше, чем этот хлам.

Я вручила Софии осколки и встала.

– Мне было очень приятно, но раз ваш муж действительно скоро придет домой, *кирия*, и ему может не понравиться моя компания, я, пожалуй, пойду. Да и моя кухня вот-вот должна приехать.

Я еще раз поблагодарила за питье, а София улыбнулась, кивнула и сделала книксен – все это так, будто она и не слышала, что я говорила.

Я вышла из калитки. Стратос – вместе со мной.

Он шел, глубоко засунув руки в карманы, ссутулив плечи под дорогим пиджаком. Он так сосредоточенно рассматривал землю под ногами, так хмурил брови, что я с тревогой подумала, что же он скажет. Первые достаточно спокойные слова были о его огорчении из-за того, что я увидела неприкрытую нищету дома сестры.

– Она не принимает моей помощи. – Он сказал это так, словно я заранее знала, о чем он заговорит. – Я приехал домой с деньгами, на которые можно купить все, чего бы она ни пожелала, но все, на что она согласилась, это небольшая плата за работу в гостинице. Грязную работу, тяжелую. Моя сестра!

– Люди иногда имеют гордость.

– Гордость! Я полагаю, что так оно и есть. И это единственное, что она приобрела после всего, за двадцать лет – гордость. Знаете ли, когда мы были детьми, у отца был свой собственный каик, а когда умер его дядя, мы унаследовали землю, наверху, у начала плато, где она

²⁵ Додеканес – архипелаг из двенадцати островов в Эгейском море.

хорошо защищена от ветров, лучшую землю в Айос-Георгиосе! Потом умерла наша мать, и у отца было плохое здоровье... словом, вся земля, что была, пошла в приданое моей сестре. А я уехал в Англию, и я работал. О, как я работал! – чуть блеснули его зубы. – Но я добился кое-чего за эти годы, в то время как она... каждую драхму, что у нее есть, она заработала сама. Почему даже поля... – Он осекся и выпрямил плечи. – Простите меня, нечего мне обрушивать на вас семейные неурядицы! Может быть, мне понадобилось, чтобы меня услышало европейское ухо? Хотите верить, хотите нет, но очень многие греки считают, что они живут к востоку от Европы.

– Это абсурд, если подумать, чем Европа обязана им.

Он засмеялся:

– Тогда мне, наверное, надо сказать: ухо городское, цивилизованное. Мы ведь далеко от Лондона, верно... даже от Афин? Тут жизнь проста и тяжела, особенно для женщин. Я ее забыл за время отсутствия. Забыл, что здешние женщины смиряются с ней... И если кто-то из них настолько глуп, чтобы выйти замуж за мусульманина, который пользуется своей религией для оправдания... – Его плечи поднялись, и он снова усмехнулся. – Мисс Феррис, так вы будете здесь искать цветы и снимать фильм?

– Фрэнсис будет, а я, можно сказать, буду сопровождать ее. «Эрос» принадлежит вам, господин Алексиакис?

– «Эрос»? Значит, вы его видели? Как вы догадались?

– На нем работал мальчик, которого я видела в гостинице. Ну не то чтобы это имело для меня какое-то значение, просто интересно. Я хотела вас спросить... – И тут я запнулась.

– Вы хотели бы прогуляться на каике, вы об этом хотели спросить?

– Очень. Мне всегда хочется посмотреть на берег с моря. Мне тут дети говорили, что вполне возможно увидеть дельфинов; недалеко к западу есть бухта, сказали они, со скалами, очень глубокая, и дельфины иногда появляются там среди пловцов.

Он от души рассмеялся:

– Знаю я это место. Значит, жива еще старая легенда! Дельфинов там не видели со времен Плиния! Уж я-то бы знал об этом, ведь я рыбачу в тех местах. Впрочем, сам-то я не часто выхожу на каике, это работа Алкиса, я уже отвык от такой тяжелой работы. Но каик продавали дешево, вот я и купил его. Я люблю браться за много дел сразу, и когда у меня тут все наладится, буду делать деньги на туристах. А пока я имею дешевую рыбу, и, думаю, скоро мы будем сами привозить продукты из Ханьи.

Мы были уже напротив гостиницы. Он остановился.

– Но, конечно, вы можете прогуляться с Алкисом в любое время. Вам лучше отправиться вдоль побережья на восток, там не очень далеко есть древняя гавань, а если пройти немного дальше – старинная церковь. Вы интересуетесь такими вещами?

– Конечно интересуюсь.

– Тогда завтра?

– Я... нет, то есть, может быть, моя кузина задумала что-нибудь другое... Я хочу сказать, что она как раз сейчас совершает морское путешествие и, думаю, захочет день-другой побыть на берегу. Позднее... потом – я с удовольствием. Вы... сами, вы сказали, не пользуетесь каиком?

– Редко. У меня мало времени. Я ловлю рыбу только для удовольствия, а для этого у меня есть маленькая лодка.

– А, та маленькая лодка около гостиницы? Оранжевая? Вы хотите сказать, что ловите на свет, с теми большими лампами?

– Верно, с гарпуном. – И опять усмешка дружеская, немного неодобрительная, но не обидная – просто сознание собственного превосходства над жителями деревни. – Интересно и

просто, а? Увлекательное занятие, как и все простые занятия. Я, бывало, очень хорошо с этим справлялся, когда был молодым, но за двадцать лет немного теряешь форму.

– Я однажды наблюдала, как ловили рыбу на свет, на Паросе. Это было захватывающее зрелище, но с берега плохо видно. Только свет раскачивается, да человек лежит на борту и смотрит в воду, иногда кто-то бросает гарпун.

– Хотите пойти со мной?

– С удовольствием! – неосторожно вырвалось у меня еще до того, как я с некоторым опозданием сообразила: сейчас, когда я почти ничего о нем не знаю, я определенно не готова провести ночь со Стратосом Алексиакисом в его маленькой лодке или еще где-нибудь.

– Ну что ж... – начал он, в то время как мысли у меня в голове кружились вхолостую, как сломанный граммофон, а навстречу нам сбегал по ступеням, легко, словно танцовщик из кордебалета в «Спящей красавице», Тони.

– Вот вы, мои дорогие, мне и попались! Стратос, этот мерзавец из Ханьи хочет по двенадцать драхм за бутылку вина, иначе, говорит, не пришлет. С ума сошел, верно? Он сейчас на телефоне, ты с ним не поговоришь? Вы хорошо прогулялись, дорогая? Нашли почту? Чудесно, правда? Но вы, должно быть, обгорели. Дайте-ка я вам принесу лимона *presse*²⁶, а? Гарантирую, прямо с нашего собственного дерева. Смотрите, это не как ли пришел? И кто-то уже идет из гавани, и Георгий несет чемодан. Этот ребенок всегда успевает заработать несколько драхм... Он очень удачливый, прямо как наш Стратос. Это ваша кухня? Ну разве не прелесть? Пока мисс Скорби распаковывается, как раз настанет самое подходящее время для чая.

²⁶ Выжатый (фр.).

Глава 10

*Как Феба дротик лучезарный
Стремительно на Крит летит:
И вот он здесь!*

Джон Китс. Ламия

– Тут очень приятно, – сказала Фрэнсис. – И чай отличный. Наверное, его готовил сам этот маленький лорд Фаунтлерой?

– Тсс, ради бога, он тебя услышит! Он говорит, если понадобится, только крикни – и он будет тут как тут. А кроме того, он довольно симпатичный. Я просто влюбилась в него.

– Я еще не видела мужчины, в которого бы ты не влюбилась, – сказала Фрэнсис. – Я бы подумала, что ты заболела, если бы у тебя не было очередного романа. Я даже научилась различать стадии. Ну, ну, ведь это же на самом деле так приятно, верно?

Мы сидели в саду гостиницы в тени виноградной лозы. Поблизости никого не было. Позади нас за раскрытой дверью – пустой коридор. Тони был в глубине бара. Едва-едва слышался разговор за столиками на веранде.

Солнце быстро клонилось к западу. Мелкая рябь бежала по бледному шелку моря, бриз доносил дурманящий запах гвоздик в винных кувшинах. На краю усыпанной песком площадки стоял на самом солнцепеке большой горшок с лилиями.

Фрэнсис вытянула длинные ноги и попросила сигарету.

– Да, эта твоя идея оказалась оч-чень хорошей. Афины в Пасху, я понимаю, это было бы слишком. Я и забыла, пока ты не напомнила в письме, что греческая Пасха позднее, чем наша. У нас она пришлась на ту неделю, когда мы были в Риме. Представляю себе, что греческая Пасха будет от нашей сильно отличаться, и с нетерпением жду ее. О, спасибо, с удовольствием, еще чашечку. Так сколько же времени я тебя не видела? Боже мой, почти полтора года. Рассказывай теперь о себе.

Я с любовью разглядывала ее.

Фрэнсис, моя двоюродная сестра, намного старше меня. В ту пору ей было слегка за сорок, и хотя я знала, что это свойство юности – считать такой возраст солидным, но именно так мне тогда и казалось. С самых ранних лет я помню Фрэнсис. Когда я была маленькой, я называла ее «тетя Фрэнсис», но три года назад, когда я после смерти матери переехала жить к ней, она положила этому конец. Некоторые, я знаю, считают ее очень важной; она высокая, смуглая, немного угловатая, и в голосе, и в манерах ее чувствуется решительность, а что касается шарма – она презирает его: это не по ее части. Работа на открытом воздухе сделала цвет ее лица, что называется, «здоровым», она сильна как лошадь и в высшей степени деловая женщина. Одевается она хорошо. Но ее «важный» вид обманчив, на самом деле она самый терпимый человек, какого я знаю, и подчас принцип «живи и дай жить другим» распространяет настолько широко, что меня это начинает тревожить. Она не переносит только жестокости и претенциозности. Я ее обожаю.

Вот почему по ее команде рассказать о себе без лишних мудрствований сделала сбивчивый, но достаточно правдивый доклад о своей работе и о своих афинских друзьях. Я не стала его «редактировать», хотя знала, что кое-что будет не по душе степенной беркширской натуре Фрэнсис.

Она молча выслушала меня, попивая третью чашку чая и стряхивая пепел в ближайший пифос.

– Ты, кажется, веселишься на всю катушку, впрочем, именно за этим ты и ехала. А как Джон? Ты ничего о нем не упомянула.

– Джон?

– Или Дэвид? Я забываю их имена. Да и как их запомнить, ведь твои письма напичканы ими, как пирог смородиной. Этот разве не Джон был, репортер из «Афенс ньюс»?

– Ах этот! Да он сто лет назад был. В Рождество, во всяком случае.

– Вот именно. Призадумайся. Твои последние два письма были удивительно пустые. С глаз долой – из сердца вон?

– Точно сказано. – Я притянула к себе поближе гвоздику на качающемся стебле и понюхала ее.

– Это меняет дело, – умиротворенно сказала Фрэнсис. – Конечно, очень хорошо иметь сердце как разогретый воск, но когда-нибудь из-за своих импульсов ты попадешь в такой пере-плет, что не очень-то легко будет выбраться. Ну что ты смеешься?

– Просто так. Паоло зайдет за нами в понедельник?

– Если все будет хорошо – да. Ты ведь поедешь с нами на Родос? Хорошо. Хотя в данный момент мне не хочется больше никуда двигаться. Это то, что в путеводителях обозначают словом «обычное», но это не обычное, а удивительное место, такое успокаивающее... Ты только послушай...

Пчела в лилиях, тихое бормотание моря, накатывающегося на гальку, приглушенный греческий говор...

– Вот я и говорю Тони, было бы здорово, если бы все сохранилось как есть, – сказала я. – Это прямо божественно.

– Мм. И ты была права, дорогая. Даже тех цветов, что я видела вдоль дороги, достаточно, чтобы довести женщину до опьянения.

– Но ты же приплыла на лодке!

– Да. Но когда мы в воскресенье вечером торчали в Патрах, я и еще двое моих друзей наняли машину и отправились посмотреть окрестности. Мы не смогли до темноты поехать далеко, но я так часто останавливала машину и мчалась в поля, что водитель, наверное, подумал, что я сумасшедшая или что у меня заболевание мочевого пузыря. Но как только он понял, что это из-за цветов, ты знаешь, что он сделал?

– Нарвал тебе цветов? – Я засмеялась.

– Вот именно. Я вернулась к машине, а тут и он – больше шести футов ростом, великолепный экземпляр мужчины-эллина, ты бы это признала, – ждет меня с букетом орхидей и анемонов и таких фиалок, от которых у меня температура подскочила на несколько градусов. Ну разве они не прелестны?

– Ну, я не знаю, смотря какие фиалки...

– Не фиалки, глупая, греки. – Она еще раз сладко потянулась. – Боже мой, как я рада, что приехала! Я буду наслаждаться каждой минутой, я уже представляю себе это. И зачем только мы живем в Англии, когда могли бы жить здесь? И между прочим, почему Тони живет здесь, а не в Англии?

– Он сказал, что здесь скоро можно будет делать хорошие деньги, когда они построят новое крыло или, если говорить без обиняков, построят гостиницу, которую можно будет назвать настоящей. Я поинтересовалась, есть ли у него самого деньги. Он говорит, что у него слабые легкие²⁷.

²⁷ Здесь в оригинале игра слов: *weak* – слабый, *chest* – казна, казначейство, сундук; вместе с тем сочетание *weak chest* – означает «слабые легкие».

– Хм. На вид он слишком городской, чтобы обосновываться здесь даже на непродолжительное время... разве только из-за beaux yeux²⁸ хозяина... Тони приехал с ним из Лондона, верно? Что он собой представляет?

– Стратос Алексиакис? Как ты... Ох да, я же не сообщила тебе в письме ситуацию, я и забыла. Скажу только, что он представляется мне очень милым.

– Мм.

– Ты не хочешь прогуляться по берегу? Здесь темнеет очень рано. Я... не прочь прогуляться.

Это была неправда, но то, что мне нужно было сказать, нельзя было говорить под распахнутыми окнами.

– Хорошо, – согласилась она, – только допью чай. Что ты там делала в Чанья, так, кажется, это произносится?

– Не говори «ч», как у нас; это «ха» с придыханием, как в слове «страх»... Ханья.

– Ну и как там?

– О, очень интересно. Есть турецкие мечети.

И еще что нужно сказать о Фрэнсис – ее не проведешь. Я, во всяком случае, не могу. У нее очень большая практика в разоблачении моих маленьких, но не совсем невинных детских обманов. Она взглянула на меня, вытряхивая из пачки еще одну сигарету.

– Так где ты там жила?

– О, такой большущий отель в центре города, я забыла название. Ты куришь одну сигарету за другой, у тебя будет рак.

– Несомненно. – Голос ее уже был заглушен: в этот миг она прикуривала сигарету, потом взглянула на меня сквозь пламя и встала. – Тогда пойдем. Почему на берег?

– Потому что там никого нет.

Она ничего не сказала. Мы выискивали проходы сквозь яркие заросли ледяных маргариток и обнаружили, что неровная, еле заметная тропка вела по галечнику вдоль невысоких скал. Дальше пошел гребень плотного песка, и мы смогли идти бок о бок.

– Я хочу тебе кое о чем рассказать, – начала я.

– О вчерашней остановке в Ханье?

– Ты почти угадала.

– Так поэтому ты и смеялась, когда я сказала, что твои импульсы доведут тебя когда-нибудь до беды?

Я молчала, и она посмотрела на меня искоса, с насмешкой:

– Не мне судить, конечно, но Ханья не кажется мне подходящим местом для легкомысленных походов.

– Я не была в Ханье вчера вечером! И я не... – Тут я замолчала и глупо захихикала. – Собственно, если подумать, я ведь в самом деле провела ночь с мужчиной. Я и забыла об этом.

– Он, кажется, произвел на тебя сильное впечатление, – спокойно заметила Фрэнсис. – Ну, продолжай.

– О Фрэнсис, дорогая, я тебя так люблю! Нет-нет, это не какая-нибудь безнравственная постыдная любовная интрижка – когда я себе позволяла такое? Это... я попала в беду. Вернее, не я, другой человек, и я хочу тебе об этом рассказать и спросить, есть ли на свете что-нибудь такое, что бы я могла тут сделать.

– Если это не твоя беда, надо ли тебе что-нибудь делать?

– Да...

– Сердце как теплый воск, – примирительно сказала Фрэнсис, – да и чувства тоже. Хорошо, как его зовут?

²⁸ Прекрасных глаз (фр.).

– Почему ты решила, что это он?

– По всему видно. Кроме того, я думаю, что это тот, с кем ты провела ночь.

– Ах да...

– Кто же это?

– Инженер-строитель. Его зовут Марк Лангли.

– А-а...

– При чем тут твое «а». И кстати, он мне неприятен, – довольно категорично произнесла я.

– О господи, – сказала Фрэнсис. – Я же говорила, что когда-нибудь такое случится. Нет-нет, не смотри на меня так, я тебя просто поддразниваю. Продолжай. Итак, ты провела ночь с внушающим отвращение инженером по имени Марк. Начало интригует. Выкладывай все.

Ее совет, когда я наконец все рассказала, был кратким и по существу.

– Он же сказал тебе – ступай прочь и не вмешивайся, и у него есть этот Ламбис, который ухаживает за ним. Они довольно приятная пара. И твоему Марку сейчас, наверное, уже значительно лучше. Они, уверяю тебя, доберутся вдвоем до своей лодки и со всем справятся. Мне тут вмешиваться ни к чему.

– Да... наверное, так.

– А кроме того, что ты можешь?

– Я могла бы сообщить им то, что удалось выяснить. Я думаю и даже абсолютно убеждена, что это Тони, Стратос и София.

– Вполне вероятно. Допустим, что твой Марк хорошо помнит все, что видел и слышал, и то, что при убийстве присутствовал, кроме грека, женщины и человека в критском наряде, еще и англичанин... – Она на мгновение остановилась. – Да, раз ты решила, что Тони в этом замешан, то остальные, само собой разумеется, – тоже. Это маленький замкнутый круг: Тони, Стратос, София, Джозеф и незнакомец, то ли англичанин, то ли грек, которого Тони, конечно, знает и с ним разговаривал.

Я остановилась и уставилась на нее:

– Кто же это еще? Больше никого там не было. Только грек, критянин...

– Дорогая моя, – ласково сказала она, – ты настолько прониклась переживаниями Марка, что забыла, с чего все началось.

– С чего началось?

– С убитого, – сказала она.

Молчание нарушалось только легким похрустыванием гальки у края воды. Я наклонилась, подняла плоский гольш и запустила его по поверхности воды. Он тут же и утонул. Я выпрямилась и обтерла руки.

– Я была так глупа, – смиренно сказала я.

– Ты была в самом центре событий, и ты была напугана. Это мне легко рассуждать в перерыве между таймами. Мне все проще понять. Кроме того, мне не мешают эмоции.

– Кто говорит, что мне они мешают?

– А разве нет?

Я еще продолжала следить за тем местом, где шлепнулся камешек.

– Фрэнсис, Колину Лангли всего пятнадцать.

– В том-то и дело, дорогая, – мягко сказала Фрэнсис. – Вот почему я и говорю: держись в стороне, пока не выяснишь точно, что с ним случилось. Иначе ты можешь только навредить. Слушай-ка, тебе не кажется, что нам пора возвращаться? Солнце почти скрылось, и идти будет очень нелегко.

Она была права. Пока я рассказывала свою историю, мы шли по берегу бухточки и достигли подножия больших утесов на дальней ее стороне. То, что издалика казалось полоской галечника у их подножия, на самом деле было большими валунами, нагроможденными южным

ветром и морем. Между самыми верхними валунами и утесом проходила узенькая тропка. Она огибала мыс, затем круто ныряла вниз к песчаному пляжу совсем небольшой бухточки, имевшей форму полумесяца.

– Тут очень мило, – сказала Фрэнсис. – Интересно, не это ли твой дельфиний залив?

– Я думаю, он дальше по берегу, здесь слишком мелко с краю, а Георгий говорил, что можно проходить по камням до глубокой воды и даже нырять там. Смотри, должно быть, залив там, за следующим мысом. Видишь выступающие в море камни? Когда заходящее солнце освещает их сзади, они выглядят прямо как тени.

Мы постояли несколько минут в тишине, прикрывая глаза от блеска сверкающего моря. Потом Фрэнсис отвернулась.

– Пойдем, ты устала. Судя по твоему виду, тебе не мешало бы выпить чего-нибудь крепкого перед обедом.

– Это идея. – Но я и сама не уловила энтузиазма в своем голосе.

Я обернулась, чтобы взглянуть вместе с ней туда, откуда мы пришли.

– Не думай, будто я не понимаю, что ты сейчас чувствуешь. – Она произнесла это сухо, но удивительно успокаивающе. – Я уговариваю тебя не только для того, чтобы уберечь от беды. Могу привести тебе и другие серьезные причины держаться в стороне от Марка. Если примешься выслеживать и искать его, тебя могут заметить, начнут преследовать... ты можешь привести их к нему. Или, если они заподозрят неладное, ты можешь – и это еще более важная причина – испугать их, так что они решатся убить Колина... если он еще жив.

– О боже! Наверное, ты права. Я... я как следует не подумала. – Я схватила за голову. – Если бы ты видела Софию... вот что меня по-настоящему напугало... когда Джозеф не пришел домой. Ты бы видела ее лицо!

Несмотря на всю бессвязность моей речи, она меня поняла.

– Ты хочешь сказать, что ее не беспокоит, что он свернул себе шею в горах, но она боится того, что он может сделать?

– Да. И есть, как я предполагаю, только две вещи, которые он может сделать.

Фрэнсис не замедлила сказать:

– Если Джозеф и есть твой критский убийца, бьюсь об заклад, что он продолжает охотиться за Марком, чтобы его убить, или где-то охраняет Колина.

– А Софию мучают ужасы. – Я слегка вздохнула. – Если он с Колином и она об этом знает, то боится того, что он может с ним что-нибудь сделать... Вот в том-то все и дело.

Мой голос печально замер. Она не ответила, и мы устало брели несколько минут молча. Солнце заходило, быстро опускаясь в море, и скалы позади нас погружались в тень. Бриз стих. По другую сторону бухты в гостинице горел свет. Казалось, далеко.

– Ты, конечно, права, – наконец сказала я. – Марк просил меня держаться в стороне, и он имел в виду, что если я не найду Колина...

– Вот именно, ты сама понимаешь. Вот поэтому он и не хочет обращаться к властям, он тебе об этом говорил. Если бы стали задавать вопросы, или если бы Марк и Ламбис явились сюда, или если бы кто-то довел дело до предъявления обвинения, я бы и двух пенсов не дала за шанс парня выжить и рассказать свою историю. Он – заложник.

– Я это понимаю. Во всяком случае Марк мне об этом говорил. Хорошо, Фрэнсис, я не буду лезть на рожон, не волнуйся. Но все равно...

– Что?

– Меня ничто не заставит перестать его разыскивать, ничто. Вести себя осторожно? Как я могу выбросить его из головы.

– Что ж, милая, действуй. Я не понимаю, как бы ты могла остановиться, если бы даже захотела. Это не то, что можно взять и забыть, не карандаш потерять. Все, что ты можешь

сделать ради собственного спокойствия, это считать, что он еще живой, и глядеть в оба. И для начала еще вот что: если он живой, его надо кормить.

– Конечно! И чтобы при этом он был не очень далеко. Если не сводить глаз с Софии... Могу поспорить: именно она кормит его... хотя, пожалуй, может быть, и Тони...

Фрэнсис улыбнулась:

– Я ставлю на Софию. И кто бы это ни был, вероятно, ему придется вставать на рассвете, чтобы его не увидели, и мне просто не представить себе маленького лорда Фаунтлероя, бегущего по росе кормить мальчишку.

– Хорошо, я завтра, как обычно, с утра пораньше пойду купаться около гостиницы и буду держать ухо востро.

– Так и сделай, – сказала Фрэнсис. – Смотри, там сейчас кто-то есть. Это маленькая лодка выходит в море, да? А человек в ней не Стратос Алексиакис?

В быстро сгущающихся сумерках фигура мужчины, склонившегося над маленькой лодкой, теперь причаленной около камней у гостиницы, была трудноразличима. Он забрался в лодку и оттолкнулся, потом занялся чем-то на корме, и вскоре мы услышали треск мотора. Лодка направилась в нашу сторону, придерживаясь берега.

– Я думаю, он, – ответила я. – Он, должно быть, установил навесной мотор... Интересно, куда он направляется?

Мы остановились понаблюдать за ним. Когда он приблизился, мы увидели, что к рулю прикреплен длинный рычаг, который позволил ему управлять лодкой и заглядывать через ее борта в освещенную воду. Огромные лампы на носу пока еще не были включены.

Лодка поравнялась с нами, и он увидел нас. Это был Стратос. Он усмехнулся, помахал рукой, потом перешел на корму. Двигатель замедлил свою работу до тихого пух-пух-пух, и показалось, что лодка дрейфует. Я могла разобрать на ее носу белые буквы: ΨΥΧΗ²⁹.

– Эгей, привет! – весело прозвучал над водой его голос. – Не хотите со мной?

– В следующий раз! – Мы обе тоже усмехнулись и помахали, стараясь изобразить благодарность, чтобы смягчить отказ. – Все равно спасибо! Хорошего улова!

Он поднял руку, опять наклонился к двигателю, и «Психея», сделав длинный красивый разворот, направилась к окончанию мыса. Волна от нее набежала на берег рядом с нами, и зашумела, зашуршала мелкая галька.

– Хм, такой компанейский, – сказала Фрэнсис.

– Я как-то говорила с ним о ловле рыбы на свет.

– Для нас тут есть кое-что в любом случае. Открытие без лишних хлопот. Колина там нет, иначе Стратос вряд ли приглашал бы гостей. – Она повернулась, потом быстро спросила: – В чем дело?

Я стояла не шевелясь, как истукан, прикрыв тыльной стороной ладони рот.

– Фрэнсис! «Эрос»!

– Что?

– У него есть еще большая лодка, в гавани! Вот он где!

Она с минуту ничего не говорила, нахмурившись, смотрела на меня, и трудно сказать, что было в ее взгляде. Потом кивнула:

– Да. Это мы могли бы попытаться выяснить. Если нас подпустят поближе к «Эросу», мы можем быть уверены, что они не прячут там Колина. Если нет, тогда я думаю, ты можешь сразу идти к Марку. Для тех двоих это очень просто: когда стемнеет, прийти сюда на своем каике, подняться на «Эрос» и обыскать его. Им бы и времени на это понадобилось немного. А мы бы могли предпринять что-нибудь, чтобы удержать Стратоса и компанию подальше от гавани – поджечь гостиницу или еще что-нибудь в этом роде.

²⁹ Психея (греч.).

Я засмеялась, потом посмотрела на нее с любопытством:

– Ты это серьезно?

– Если это единственный способ обмануть их, то почему бы нет? – решительно заявила Фрэнсис. – Есть мальчик, которого напугала и обидела банда головорезов, к тому же он, вероятно, считает, что его брат умер. О, если небольшой поджог может помочь, я совсем не против поджечь гостиницу господина Алексиакиса вместе с ним. Между тем мы, несомненно, можем взглянуть на «Эрос». Сегодня вечером прямо и отправимся, хотя бы только ради твоего спокойствия.

– Мы?

– А почему нет? Это будет выглядеть вполне естественно. Посмотри, Тони на террасе нас ждет?

– Да.

– Тогда веди себя естественней. Я ведь ботаник, ты, кажется, создала мне такую рекламу, что сам Линней был бы польщен. Итак, будь добра, остановись на минуту и очень внимательно взглядишь в это растение. Не в это, глупая, в то, которое на скале!

– Оно редкое?

– Прелесть моя, оно растет на каждой стене на юге Англии. Это постенница, но можно держать пари, что Тони она неизвестна! Давай, собери их немного или вон возьми одну из тех мезембриантемум, или как их там. Покажи интерес.

– Ледяные маргаритки? – Я послушно наклонилась: Тони ждал теперь под тамарисками, меньше чем в пятидесяти ярдах. – Смотри, – сказала я, протягивая ей цветы. – Они закрылись. Разве не похожи они на маленькие пластиковые зонтики?

– Боже милостивый, а я-то надеялась сделать из тебя натуралиста! – с сокрушенным видом произнесла Фрэнсис. – И еще одно: о той белой цапле, о которой ты мне говорила. Если верить книгам, в Греции нет белых цапель.

– Я читала об этом. – Даже не глядя в его сторону, я знала, что Тони вышел из-под тамарисков и стоит у кромки гравия – мой голос должен был доноситься до него ясно и отчетливо. – Точно так же, согласно научным данным, нет золотых иволг, но я видела их в Эпидаврусе, и, честно говоря, Фрэнсис, здесь, между Ханьей и Кастелли, я тоже видела пару. Насчет золотых иволг я вряд ли ошиблась, иначе что же это тогда были за птицы? Но я допускаю, что могла ошибиться в отношении белой цапли. И опять-таки, не могу понять, что же тогда было?

– Желтая цапля? В полете они кажутся белыми. О нет, ты сказала, черные ноги... А, привет, Тони, чем-то вкусным пахнет.

– Надеюсь, это не осьминог, которого я сегодня видела в гавани? – бодро проговорила я.

– Нет, мои дорогие, это фрикасе из телятины, приготовленное по моему особому рецепту... и с вином, и с грибами, и с мелким-премелким горошком. У меня это называется veau à jouer.

– Как-как?

– Телятина с азартом, – объяснил Тони. – Итак, дамы, обед почти готов. Напитки будут поданы, когда вы спуститесь. Чего бы вы хотели выпить?

Глава 11

*Какая птица в полночи стелает?
О, это соловей так распевает.
Чак, чак, чак, чак, тьюил-ри. В одночасье
Возвышенным становится несчастье.*

Джон Лили. Кампаспа

Каик все еще оставался там, где и был, он неподвижно стоял в спокойных водах гавани. На мачте – якорный огонь, его отражение мерцало футом ниже уровня бортового кия. Еще один огонь побольше горел на железной треноге в конце пирса. Остальная часть гавани была темна, а в воздухе стоял сырой соленый запах воды.

Юный моряк Алкис, должно быть, покинул каик на ночь, потому что ялик больше не толкался в его борт. Он лежал рядом с пирсом у наших ног.

Мы рассматривали его в молчании.

Потом рядом с моим локтем вдруг, заставив меня вздрогнуть, раздался голос:

– Вы хотите покататься на лодке? – Это был мой знакомец, мальчик Георгий. – Я возьму вас!

Я еще раз взглянула на каик, спокойно стоящий в темноте. Стратос отправился ловить рыбу, Тони был в баре, Алкис, предположительно, ушел домой. На первый взгляд нам представлялась возможность, которую не стоило упускать... Но... с Георгием? Если бы предложил Алкис – другое дело. Это было бы достаточным доказательством, и мы бы могли отказаться, благополучно исключив одну из возможностей. Но отправиться сейчас и, может быть, и в самом деле обнаружить там Колина... в деревне... в эту вечернюю пору...

– Что он говорит? – спросила Фрэнсис.

Я сказала ей о предложении Георгия и о своих собственных соображениях.

– Боюсь, ты права. Нам придется подождать выяснения до завтра. Ведь если мы и правда найдем его на «Эросе», – легкий смешок, – нам останется только поднять якорь и полным ходом идти прочь, навстречу другому каику. Несомненно, именно так и поступил бы твой многоопытный друг, надо признать, что это один из случаев, когда возможности женщины ограничены. Ты ведь, я думаю, не умеешь управлять такой штукой, верно?

– Верно, не умею.

– То-то же.

– Есть лодка с веслами, – заметила я, уже не питая никаких надежд.

Она иронически хмыкнула:

– Я так и вижу, как мы гребем на юг вдоль побережья Крита в кромешной тьме и пытаемся найти каик, который спрятан где-то в небольшой бухточке. Извини, но нам надо считаться с нашими женскими возможностями и подождать до завтра.

– Ты, как всегда, права, – вздохнула я. – Так я скажу Георгию, что мы хорошенько попросим Стратоса утром. – Я взглянула вниз на мальчика, который с широко раскрытыми глазами следил за нашим непонятным диалогом. – Большое спасибо, Георгий, но не сегодня. Мы попросим господина Алексиакиса завтра.

– Мы можем попросить его сейчас, – сухо сказала Фрэнсис. – Вот он едет... Ничего себе! А если бы мы с тобой сейчас на «Эросе» как сумасшедшие дергались у штурвала и снастей? Я думаю, Никола, лапочка моя, нам надо придерживаться более спокойных законных путей.

Тихое пух-пух-пух двигателя лодки четко разносилось в воздухе, когда она поворачивала к пирсу.

– Вот и он! – радостно объявил Георгий, прыгая на краю бетонной кромки, где он стоял на цыпочках. – Он ловил на гарпун! Теперь вы увидите большую рыбу – морского окуня! Наверное, он что-то поймал, а то не вернулся бы так скоро!

Я обнаружила, что слежу за приближением лодки с облегчением и не без иронии: теперь, по крайней мере, не возникало вопроса о героизме. Более того, он был ни к чему. Мы легко могли узнать то, что хотели. И не надо было ждать утра.

Нам даже просить не пришлось, это за нас сделал Георгий. Лодка с заглушенным мотором уже скользила вдоль пирса, и Стратос, весело нас поприветствовав, бросил Георгию веревку.

– Что поймали? – спросил Георгий.

– Я не бил гарпуном. Я обошел ловушки. А вы, милые дамы, все еще прогуливаетесь? Если не ошибаюсь, мисс Скорби? Здравствуйте! Я вижу, вы не теряете зря времени, знакомитесь с нашим огромным городом. Жаль, что вы не пошли со мной, вечер замечательный!

– Дамы хотели попасть на «Эрос», – сказал Георгий. – Вам отнести это?

– Нет. Я перегоню лодку к гостинице. Я приехал оставить на «Эросе» кое-какие снасти. – Он ловко стоял в раскачивающейся лодке, глядя на нас снизу вверх. – Вы на самом деле хотите осмотреть «Эрос»? Там нет ничего интересного, но если уж вы хотите... – И он сделал приглашающий жест.

Я засмеялась:

– Собственно, это Георгий хотел нас покатать. Посмотреть «Эрос», конечно, интересно, но давайте подождем до утра и тогда отправимся. Что вы поймали?

– Это скарос. Завтра попробуете. Очень хороший.

– Слышала, но никогда не пробовала. Вот этот? Как вы их ловите?

– Ставятся ловушки, почти такие же, как на омаров, кладется приманка из огородной зелени. И уверяю вас, эти рыбы вкуснее омаров, да и красивые тоже, верно? Вот, Георгий, можешь этого взять для матери... Как мальчишка догадался, что я вернусь этим путем?.. – Это уже с усмешкой и гримасой, когда Георгий убежал, схватив добычу.

– Так он вас ждал?

– А как же. Он все знает, этот ребенок. Он был бы находкой для Скотленд-Ярда. Вас не подвезти до гостиницы?

– Нет, спасибо, мы еще погуляем по деревне.

Стратос засмеялся:

– Ночной Айос-Георгиос? Вам не понадобится гид или телохранитель, а то я бы предложил свои услуги? Доброй ночи.

Он оттолкнулся веслом от пирса, и лодка медленно двинулась к безмолвной массе «Эроса».

Мы пошли обратно к домам.

– Это уже кое-что, – сказала я. – Каик ни при чем, и наше путешествие по деревне Стратоса тоже не волнует. Не смущает его и то, что этот малыш, Георгий, болтается вокруг день и ночь и треплется со мной на греческом без умолку. Стратосу наплевать на все на свете. Где бы ни был Колин, он не беспокоится, что его найдут...

– Нет, не беспокоится, – вот и все, что сказала Фрэнсис, и очень некстати: мы как раз проходили мимо освещенного дверного проема, и я увидела выражение ее лица.

Мое сердце болезненно сжалось – так сокращается кожа от прикосновения льда.

– Ты все время была уверена, что Колин мертв?.. – решила я спросить наконец.

– Дорогая моя, – сказала Фрэнсис, – какой им резон оставлять его в живых?

Ночь стояла очень темная. Хотя было около полуночи, луна не появлялась, а звезды были закрыты облаками. Я позаимствовала у Фрэнсис синее поплиновое пальто и, натянув его, ждала наверху, на каменных ступеньках.

В доме Софии еще горел свет. И хотя я заставила себя признать правоту Фрэнсис в отношении Колина, однако внутренне все же была с ней не согласна и готова была всю ночь не спускать с Софии глаз, а если она выйдет из дома, последовать за ней. Но наступила полночь, и прошло еще с полчаса, а свет у нее продолжал гореть, хотя в доброй половине домов уже погасли огни.

Лишь в половине первого произошло небольшое изменение: светящаяся щель вокруг двери исчезла и появился свет за плотными занавесками спальни. Она засиделась допоздна, возможно дожидаясь Джозефа, а теперь, видно, собралась лечь спать. Но я оставалась на месте: если София не вышла из дома и со двора, значит на то была серьезная причина. Я дам ей еще несколько минут, а потом – что бы там ни говорила Фрэнсис – загляну в этот двор сама.

Я, как привидение, скользнула вниз по ступенькам, придерживаясь фисташковых деревьев, обошла открытое пространство, как вороватый кот. Пыль под ногами скрадывала звуки шагов, и я бесшумно проскользнула мимо ограды сада Софии, обогнула ее дом, вышла на узенькую тропку, которая с окраины деревни, пятляя, шла вверх, в сторону виноградников под скалой.

Тут, в стене позади дома, была и калитка во двор. За ней смутно вырисовывались очертания большого конуса печи для выпечки хлеба, большой поленницы дров в углу и сарая, прижавшегося к стене, идущей вдоль тропки.

Я боялась, не скрипнет ли калитка. Хотела осторожно положить на нее руку, но рука встретила пустоту: калитка была открыта.

Я замерла на минуту, прислушалась. Ночь была очень тихая. Из дома тоже ничего не было слышно. Ни одно из окон не выходило на эту сторону. Сердце у меня бешено колотилось, а во рту пересохло.

Что-то зашевелилось у моих ног. От неожиданности я чуть не вскрикнула, как вдруг поняла, что это всего лишь кот, тоже с какой-то столь же секретной, как у меня, миссией, но явно готовый приветствовать партнера по приключениям. Он тихо заурчал и начал тереться о мои лодыжки, но стоило мне нагнуться, как он выскользнул из-под моей руки и исчез.

Кажется, никому не было до меня дела. Я глубоко вздохнула, чтобы замедлить удары сердца, потом вошла в калитку.

Дверь сарая, по-моему, была справа. Я ощупью прошла туда, осторожно ступая среди всякого хлама.

Где-то за домом, по ту сторону площади, неожиданно распахнулась дверь, пролившийся свет сделал более четкими его очертания. Я отпрянула в тень поленницы. Свет исчез, так как дверь закрылась, и я услышала торопливые шаги сначала по дощатому настилу, потом по пыли уже ближе ко мне.

Стратос вышел из гостиницы повидать сестру. Если бы Колин был здесь... если бы Стратос вошел во двор...

Но нет, он раскрыл садовую калитку и спокойно прошел в двери дома. Она не была заперта. Я услышала, как лязгнула задвижка, потом тихие голоса: вопрос, ответ. София, должно быть, принесла из спальни лампу, чтобы встретить его у дверей, потому что я видела, как просиял свет за темной массой дома.

Его посещение, несомненно, не было тайным, а цель визита поэтому вряд ли дурной, и, в смущении осознав это, я с ужасом подумала, что меня могут обнаружить в час ночи во дворе у Софии. Если уж мне суждено такое, так пусть лучше меня найдут на тропинке...

Как я установила еще при дневном свете, это был грязный и малохоженный проулок, который проходил между отдельными группами кипарисов и заканчивался у маленького виноградника под скалой. Как объяснить свое присутствие здесь, я не знала, но, поскольку у Стратоса не было абсолютно никаких оснований подозревать меня, я, конечно, могла выйти из положения, сославшись на тривиальную бессонницу и необходимость прогуляться на свежем воздухе. Все-

таки это лучше, чем оказаться застигнутой во дворе, и я быстро проскользнула через калитку назад на тропинку.

И тут мной овладели сомнения. Одного взгляда на гостиницу было достаточно, чтобы понять, насколько трудно вернуться незамеченной: свет из дверей дома падал на стену сада, и я могла видеть движение тени Стратоса.

Я осторожно ступала, поспешно удаляясь от калитки, и тут же споткнулась о валявшийся камень, хорошо еще, что не упала. Едва я опомнилась, как услышала, что снова хлопнула дверь дома и Стратос быстро прошел к калитке.

Я стояла не шевелясь, отвернув лицо в сторону. Оставалось только надеяться, что после яркого света его глаза еще не успели привыкнуть к темноте, иначе, взглянув в мою сторону, он бы непременно увидел меня.

Кулаки мои в карманах синего пальто Фрэнсис были крепко сжаты, а мысли кружились, как перышки в потоке воздуха. Что сказать ему? Какую придумать более или менее правдоподобную причину полуночной прогулки по этому неприглядному тупику?

Ответ пришел мелодичный, пронизывающе громкий, из кипарисовой рощи за пределами стены. Откуда-то с остроконечных вершин деревьев в темноту полилась песня соловья. И тотчас показалось, что застывшая в неподвижности ночь именно этого ждала. Я задержала дыхание. Трели и свист, длинные, нарушающие покой кларнетные ноты лились, били ключом из чернеющих кипарисов. Птица, должно быть, пела не менее двух минут, а я стояла и, благоговая ее, пыталась еще услышать и шаги удаляющегося Стратоса.

Соловей прекратил петь. И тут в десяти ярдах от себя я отчетливо услышала брнчание мелочи в кармане, потом чирканье спички. Стратос остановился за углом дома и неторопливо прикуривал сигарету.

Горящая спичка показалась неестественно яркой. Если бы он взглянул сейчас...

Он поднял голову, чтобы сделать первую затяжку. Моя рука, засунутая в карман пальто Фрэнсис, наткнулась на пачку сигарет.

Я шагнула вперед:

– Господин Алексиакис?

Он обернулся. Спичка упала в пыль и погасла, не успев догореть. Я двинулась к нему с сигаретой в руке.

– Извините за беспокойство. Дайте, пожалуйста, прикурить. Я вышла без спичек.

– А, это вы, мисс Феррис! Конечно. – Он пошел мне навстречу, зажег и протянул спичку. – Вы что-то допоздна загулялись? Все еще знакомитесь с окрестностями?

Я засмеялась:

– Ночной Айос-Георгиос? Да нет. Я уже было отправилась спать, да услышала соловья и решила послушать.

– Ах да. Тони мне говорил, что вы увлекаетесь такого рода вещами. – Голос его звучал спокойно, чуть ли не равнодушно. Он оперся плечом о стену и протянул руку с сигаретой в сторону кипарисов. – Вон там, да? Они всегда там поют, я помню их со времен, когда еще был мальчишкой. Теперь и не замечаю. И сегодня пел? Пожалуй, рановато для них.

– Только один, и кажется, он замолчал. – Я подавила зевок. – Пойду-ка я укладываться. День был такой длинный, но такой приятный. Может быть, завтра...

Я остановилась на полуслове, потому что он сделал резкое, призывающее к молчанию движение: какой-то звук встревожил его. Я слышала его тоже, но на меня он не подействовал так быстро, как на Стратоса: видимо, даже в расслабляющей спокойной обстановке этот человек был настороже, как лисица.

Мы стояли близко к стене сарая, который я пришла обследовать. Он был сложен из крупных, грубо отесанных камней, в небрежной кладке было множество щелей. Звук, очевидно,

донесся из какой-то щели рядом с нами – легкий звук царапанья, потом тихий шорох, как от сыплющегося песка. Какое-то движение в сарае Софии.

Стратос замер, голова поднята. Я увидела в его глазах отблеск огонька сигареты.

– Мне кажется, я что-то слышал. Подождите.

Колин, лихорадочно подумала я, это Колин... но потом поняла, что страх делает меня глупой. Если бы это действительно был Колин, Стратос бы об этом знал, и уж конечно, не сообщал бы мне о присутствии мальчика в сарае. Но если в сарае кто-то был, то я знала, кто это... Нет, я подумала не о Ламбисе, который вполне бы мог тут спрятаться до наступления темноты, чтобы потом как следует обыскать деревню. Мои мысли сразу обратились к Марку. Не было никакой причины для такой моей уверенности, но я настолько ясно представляла себе, что именно он находится там, будто слышала его речь... там, по другую сторону стены, он ждал и прислушивался, пытаясь даже не дышать после этого единственного предательского движения...

Я быстро двинулась прочь по шуршащим под моими ногами камням.

– Я ничего не слышала. Вы теперь обратно? Может быть, это было просто...

Но он уже двинулся вперед, я же была так близко к нему, что видела, как рука его инстинктивно скользнула к бедру. Когда он входил в калитку, я настигла его.

Надо было его как-то остановить, как-то предупредить Марка... Я крикнула:

– Боже мой! Это пистолет? – Я схватила Стратоса за руку, стараясь, чтобы голос мой прозвучал по-женски взволнованно с настоящей дрожью, и, вероятно, это подействовало. – Ради бога! Не надо! – Меня трясло. – Это, наверное, собака. Вы же не можете ее так просто пристрелить! Пожалуйста, господин Алексиакис!

– Если это собака, мисс Феррис, я ее не убью. Прошу вас, отпустите меня... ого!

Теперь ошибки быть не могло, из сарая исходила целая серия звуков. Царапанье и стук, что-то напоминающее кудахтанье и глухой звук падающего с высоты маленького тела. Потом из приоткрытой двери промелькнуло что-то неопределенной формы, с мяуканьем проскользнуло мимо наших ног и исчезло во тьме тропинки.

Стратос остановился, его рука соскользнула с бедра. Он рассмеялся:

– Кот! Вот кто посягнул на собственность моей сестры! Можете успокоиться, мисс Феррис, его я убивать, конечно, не стану.

– Простите, – робко произнесла я. – Глупо было с моей стороны, но пистолеты и всякое прочее оружие приводят меня в ужас. Кроме того, вы могли ушибиться... Слава тебе, Господи, все кончилось благополучно! Я недавно разговаривала с этим котом на тропинке: он, должно быть, ловил крыс.

– Дело полезное, – живо отозвался Стратос. – Зять держит там для приманки перепелку. Коты до нее добраться не могут, но все время пытаются. А теперь мы закроем сарай, правильно?

Он плотно закрыл дверь и вышел на улицу. Обратно в гостиницу мы пришли вместе.

Двор Софии казался темнее обычного. Дверь сарая была все еще закрыта. Кот убежал, а соловей в кипарисах молчал. Надтреснутый колокол где-то в гавани пробил три.

Дверь отворилась, чуть скрипнув. Я скользнула в сарай и прикрыла ее за собой.

– Марк? – Это был всего лишь один мой выдох.

Ответа не последовало. Я стояла не шевелясь, стараясь услышать его дыхание, но слышала только собственное. Где-то был сложен хворост: я ощущала запах розмарина, сухой вербены и все приятные запахи постели, которую мы с ним разделили прошлой ночью.

– Марк? – Я ощупью пробиралась вдоль стенки, выходящей к тропке.

Какой-то звук позади заставил меня резко обернуться, всмотреться широко открытыми глазами в темноту, но это было всего лишь царапанье лап и легкое шуршание из угла, где, по видимому, находилась клетка с перепелкой. Больше никаких звуков.

Я снова повернулась к стенке. Когда мои руки натолкнулись на ее холодный камень, соловей в роще опять запел. Звук наполнил темноту – сильный, близкий. Я ощупала стену. Камень, грубо отесанный камень. Ничего больше. И никаких звуков, кроме великолепной музыки из кипарисовой рощи. Я ошиблась: Марка здесь не было – сильное ощущение его присутствия было вызвано лишь запахом вербены от сложенного хвороста. Это была кошка, мы слышали только кошку.

Но вдруг моя рука наткнулась на что-то, что не было камнем, что-то скользкое, липкое и еще слегка теплое. Волосы у меня на затылке встали дыбом, желудок судорожно сжался.

Я отдернула руку и некоторое время стояла так, вытянув ее перед собой и растопырив пальцы.

Предчувствие оказалось верным: Марк все-таки был здесь. Прислонившись к стене в нескольких дюймах от меня и от Стратоса, он, обессилев, сделал какое-то неосторожное движение, а плечо у него кровоточило. В неожиданном страхе я наклонилась проверить, не упал ли он там, у подножия стены. Ничего. Сарай был пуст. Осталась только кровь...

Соловей все еще продолжал петь в кипарисах.

Не помню, как я добралась до гостиницы. Знаю только, что забыла об осторожности. Но я никого не встретила, и никто не видел, как я бежала через площадь, прикрывая одной рукой другую, запачканную кровью.

Глава 12

*...Однажды ясным днем подул на море ветер,
И заблестали волны в ответ ему на это,
Полны им Богом данного спасительного света...*

Алджернон Чарльз Суинбёрн. Талассиус

Море было спокойное, вода теплая, но утро свежее, и легкий бриз разбрызгивал соленую пену. Я чувствовала соль на губах. Мыс под ранними солнечными лучами сверкал золотом, у его подножия белела пеной штормовая отмель.

На отмели, где я плавала, вода была изумрудной. Солнечный свет сквозь нее проникал на скальное дно. Тень от лодки сквозь прозрачную воду достигала двухсаженной глубины.

«Психея» плавно покачивалась, пришвартованная к прежним поплавам, оранжевому и синему. Я подплыла к ней, схватилась за борт. Она качнулась, накренилась, но ладно построенная, с широким днищем, она была тяжелее, чем казалась на вид, и держалась надежно. Я подождала с минуту, чтобы отдышаться, потом подтянулась и перемахнула через борт.

Лодка бешено закачалась, подергалась из стороны в сторону на привязи, но все же приняла меня. Я шмякнулась на доски днища, уселась там, принялась стряхивать с себя воду, протирать глаза от попавшей в них соленой влаги.

У меня не было причины забираться в лодку Стратоса, единственно, что пришвартованная к поплавам в бухте, она служила естественным ориентиром для праздного пловца. Я пробралась на корму, села на широкую скамью и, отдыхая на солнце, отметила, что это совсем неплохое место для наблюдения за гостиницей.

Если у меня и были какие-то сомнения в невинности рыбалки Стратоса прошлым вечером, один взгляд на лодку их рассеял. Не было тут никакого укромного места, спрятать можно было разве только щенка. Ничего, кроме нагромождения вещей, которого не избежать в небольшой лодке: уложенные вдоль бортов весла, черпачок, веревочная корзина для рыбы, плетеная ловушка для омаров – она же для скароса, скорее всего из камыша, моток веревки, несколько полых тыкв, служащих поплавками, и сложенный брезент. Единственными незнакомыми для меня предметами были гарпуны – страшные двойные трезубцы с пятью или шестью зазубренными зубцами и смотровое стекло. Это нечто вроде морского телескопа – длинная металлическая труба, в которую с одной стороны вставлено стекло величиной с обеденную тарелку. Рыбак лежит на носу, запускает эту штуковину под воду как можно глубже и наблюдает.

Я с любопытством потрогала смотровое стекло пальцем, потом подняла и положила на ровный настил позади больших кронштейнов, на которых крепились лампы. Потихоньку опустив стекло в море, я посмотрела в него.

Это можно было назвать чудом. На освещенном скалистом дне виден каждый камешек, тени от ряби на морской поверхности воды пробегают по ним, и кажется, что они шевелятся, как живые. Водоросли, ярко-красные, зеленые и цвета корицы, двигаются и кланяются в волшебной дреме, завораживая взгляд. Стайка маленьких рыбешек, похожих на торпеды и полозых, как зебры, висела без движения, потом все повернулись как одна и умчались прочь. А вот рыбка розового цвета, с усами, как у кота, явилась обнюхивать клумбы серой коралловой водоросли. И повсюду раковины.

Я лежала и тщательно все рассматривала, солнце пекло спину, горячие доски мягко качались подо мной. Я забыла, зачем я тут, в мире остались только море, жаркое солнце на моей коже, вкус соли, южный ветер...

Две тени пробежали по мерцающему подводному миру. Испуганная, я взглянула вверх. Всего лишь птицы, два буревестника, низко летели, едва не касаясь крыльями гребешков ряби. Но они вернули меня на поверхность. С неохотой я положила стекло на место и повернулась, чтобы взглянуть на гостиницу.

Люди проснулись, начали открываться ставни, вскоре над трубами потянулись струйки дыма. По деревне шла с кувшином к колодцу одетая в черное женщина, несколько мужчин направлялись в гавань.

Я посидела еще немножко, растягивая удовольствие; тепло солнца, соленая вода... какое физическое наслаждение! Потом я скользнула через борт лодки и поплыла обратно к гостинице.

Взяв свое полотенце под тамариском, я неслышными шагами поднялась по ступенькам в комнату. Дверь дома Софии была открыта, и я заметила там движение. Она подметала. Подо мной, в ресторане, Тони распевал чувствительным фальцетом «Люби меня нежно». Стратос без пиджака стоял на площади и разговаривал с двумя полуобнаженными рабочими с ведрами и мастерами. У других домов тоже копошились люди.

Я стала переодеваться.

– Ничего подозрительного, – доложила я Фрэнсис. – Все спокойно. Я начинаю думать, что все мне привиделось. – Я потянулась, еще ощущая невыразимое физическое удовольствие от соленой воды и сохраняя сопутствующее ему настроение. – О боже, как бы мне хотелось, чтобы это так и было! И не надо бы нам ни о чем на свете думать, а только расхаживать по горам и любоваться цветами!

– Так-с, – рассудительно сказала Фрэнсис, отставляя кофейную чашку, она заканчивала завтрак в постели, а я сидела на краю стола, болтая ногами. – Что там у нас еще? Мы как-то ничего не можем спланировать. Мы обследовали все, что лежит на поверхности, и похоже, что Ламбис и твой Марк между делом хорошо исходили деревню.

– Уже по крайней мере четвертый раз ты называешь его моим Марком.

– А разве не так?

– Не так.

Фрэнсис усмехнулась:

– Попробую запомнить. Как я уже говорила, все, что мы можем сейчас сделать, это вести себя как обычно и держать ухо востро. Иначе говоря, мы уходим на весь день и берем с собой камеру.

Я помню, что почувствовала постыдное облегчение.

– Хорошо. Куда ты собираешься идти?

– Поскольку мы уже осмотрели берег и деревню, горы – достаточно объяснимый выбор, и мы можем теперь вполне логично расширить наши поиски. Во всяком случае, ничто не мешает мне увидеть те ирисы, о которых ты мне рассказывала вчера вечером.

– Такие заросли, что приходится прямо идти по ним, – радостно сказала я, – и цикламены по всей скале. И дикие гладиолусы и тюльпаны. И анемоны трех цветов. И желтая кислица величиной с пенни. Ладанники размером с чайную чашку и цвета девонширских сливок. Ну а если пойти повыше, еще те самые пурпурные орхидеи, о которых я тебе тоже говорила...

Фрэнсис застонала и отпихнула в сторону поднос.

– Проваливай отсюда, звереныш, и дай мне подняться. Да, да, да, мы заберемся как можно выше, как ты захочешь, только бы выдержали мои старые конечности. Ты меня не дурачишь насчет орхидей?

– Нет, честное слово, нет. Венерины башмачки, или как там их еще, величиной с полевых мышей, а стелющиеся растения, как в магазинах, ты на них все никак не решалась потратиться.

– Я буду готова через полчаса. Пусть Седди соберет нам ланч. Мы ведь можем пробыть там целый день.

– Седди?

– Маленький лорд Фаунтлерой. Я забыла, что твое поколение ничего не читает, – сказала Фрэнсис, выбираясь из постели. – И чтобы был чертовски хороший ланч, скажи ему, и с вином.

Ветер с моря забирался далеко вглубь суши, и у моста через речку было восхитительно прохладно. Мы пошли вдоль речки по тропке, по которой я проходила вчера.

Двигались мы медленно. Фрэнсис, как я и предполагала, приходила в восторг от всего, что видела. Шуршащий сахарный тростник, стоящий по канавам. Пара горлиц, взлетевших откуда-то из цветущих дынь. Яркая стрекодуха сойка. Гнездо скалистых поползней, которое я нашла на разрушенной стене. И цветы... Вскоре Фрэнсис перестала восторженно охать при виде бледно-сиреневых анемонов с сердцевинками цвета индиго, миниатюрных ноготков, маргариток – пурпурных, желтых, белых, – она преодолела первый порыв: их не то что рвать, их и трогать не следовало. Я от ее восторгов испытывала неменьшее удовольствие (Греция, как мне нравилось думать, была «моей» страной, и я ее показывала Фрэнсис). Так мы достигли верхнего плато с его полями и ветряными мельницами, и я тем временем почти забыла о своих вчерашних заботах.

На полях работали. Мы видели, как муж с женой примитивными, с длинными ручками мотыгами обрабатывали с двух концов гряду с фасолью. На другом поле у канавы терпеливо стоял осел, ожидая хозяина. Дальше, на крутом склоне, рядом с необработанным участком, где росли душистый горошек и лекарственная ромашка, сидел ребенок, он присматривал за маленьким стадом из нескольких коз, двух свиней и овцы с ягнёнком.

Мы сошли с основной дороги и направились вдоль полей по узким тропкам, часто останавливаясь, чтобы Фрэнсис могла воспользоваться камерой. Все привлекало внимание: ребенок, животные, люди, погруженные в работу, даже далекий вид на плато и вздымающуюся над ним гору был живописен благодаря вращающимся крыльям десятков ветряных мельниц. Они были повсюду на плато. Невысокие скелетообразные сооружения из железа, сами по себе уродливые, но благодаря белым холщовым, приводимым в движение утренним бризом крыльям, они выглядели обворожительно красивыми, словно огромные маргаритки, кружащиеся на ветру, наполняющие жаркое утро вздохами прохладного воздуха и звуками льющейся воды.

Потом Фрэнсис нашла ирисы.

Они были такие же, какие я видела дальше на горном склоне – крошечные, в три дюйма высотой. Сиреневые, бронзовые и золотые, они пробивались сквозь спекшуюся и – можно было поклясться – такую же бесплодную, как огнеупорная глина, землю. Они росли на каменистых крутых склонах, на протоптанных тропах, на сухих краях фасолевого поля и кишмя кишели, как бабочки, на стенах ветряной мельницы.

Это, к счастью, был не уродливый железный столб, а настоящая мельница, одна из двух мукомольных мельниц, которые стояли на плато. Это было прочное конусообразное сооружение, очень похожее на известные нам мельницы, с тростниковой крышей и десятью холщовыми лопастями. Лопасты, в отличие от лопастей водяных мельниц, были повернуты вдоль своих спиц, и эта мельница, с арочным дверным проемом, сверкающая ослепительной побелкой, была красива. Вокруг нее росли ирисы, местами помятые, потоптанные, а рядом со ступенькой крыльца – куст ярко-красных гладиолусов. Позади белой мельницы теснились лимонные рощи, окаймляющие плато, а за ними возвышались серебряные склоны Дикты.

Бормоча всевозможные проклятия, Фрэнсис все же опять взялась за камеру.

– Боже мой, мне надо было захватить пять миль пленки вместо этих несчастных пятисот футов! Что же ты не сказала, что даже пыль этой страны чертовски фотогенична! Если бы еще хоть какое-то движение! Что же лопасти стоят на месте?

– Это мельница для переработки зерна. Хозяева запускают ее только тогда, когда кто-то нанимает их молот пшеницу. В каждом поселке есть две или три таких, чтобы обслужить всех.

– Понятно. Послушай, а не войдешь ли ты в кадр и... вот удача, – есть крестьянка... как раз то, что надо, вот здорово...

Дверь мельницы была полуоткрыта. Теперь она раскрылась шире, и вышла гречанка, как обычно, вся в черном, с дешевой хозяйственной сумкой из искусственной кожи. Она повернулась прикрыть дверь, потом увидела нас, да так и застыла, протянув руку к большому старинному ключу, который торчал в замке.

Камера Фрэнсис беззаботно застрекотала, а мое сердце заколотилось неровно и болезненно, ладони стали влажными.

Я подумала: если я сейчас скажу Фрэнсис, что это София, мы обе будем действовать безрассудно, а так – я одна. Пусть хотя бы Фрэнсис продолжает держаться естественно...

Камера замерла. Фрэнсис опустила ее, помахала и улыбнулась Софии, которая словно окаменела и, уставившись на нас, так и продолжала стоять, протянув руку к двери.

– Никола, пойди и скажи ей, что это кино, хорошо? Нет необходимости так позировать, пусть она двигается. Спроси, не возражает ли она. И сама, пожалуйста, войди в кадр. Я хочу, чтобы бирюзовое платье было рядом с гладиолусами. Просто подойди к ней и скажи что-нибудь. Что угодно.

«Просто подойди и скажи что-нибудь». И верно, очень просто было спросить: «София, вы спрятали Колина Лангли на мельнице?» Вопрос на шестьдесят четыре тысячи долларов³⁰.

Я проглотила застрявший в горле комок, незаметно вытерла руки о носовой платок.

– Я попрошу ее, – достаточно спокойно произнесла я, – провести меня на мельницу. У тебя выйдет хороший кадр, когда мы будем входить в эту арку.

Я пошла по ирисам поздороваться с Софией.

У Фрэнсис есть пленки, запечатлевшие меня, но эта – единственная из многих, где я хожу и веду себя так, словно не обращаю внимания на аппарат. Как правило, я перед камерой напряженная и скованная. Но в этот раз я думала не о Фрэнсис и ее камере, а только о женщине, которая неподвижно стояла на ярком солнце рядом с этой полуоткрытой дверью, с рукой на большом ключе. Очень эффектные кадры, но у меня никогда не возникает желания просматривать их. Я не люблю вспоминать тот день.

Я прошла по ирисам и улыбнулась.

– Доброе утро, *кирия*. Надеюсь, вы не возражаете сняться? Это моя двоюродная сестра, ей здесь так все нравится, и она хотела бы снять вас и вашу мельницу. Это ваша мельница?

– Да, – сказала София.

Я увидела, как она облизнула языком губы, потом сделала неловкий выпад в сторону Фрэнсис, что должно было обозначать книксен. Фрэнсис ответила каким-то жестом приветствия и крикнула:

– Здравствуйте!

Я решила, что обе сочли знакомство состоявшимся.

– Это киноаппарат. – Мой голос звучал натянуто, и я откашлялась. – Кузина просто хочет, чтобы мы постояли тут немного и поговорили... вот, слышите, камера снова заработала... а потом, может быть, пройдем на мельницу?

– Пройти на мельницу?

– Да, если вы не против. Это тоже даст некоторое движение, понимаете, для фильма. Так пройдем?

На целую минуту сердце у меня словно остановилось. Я боялась, что София откажет, но, поразмыслив, она взялась за дверь и распахнула ее настежь. Кивком головы и жестом она

³⁰ В популярной английской телевизионной викторине приз в 64 000 долларов был установлен за ответ на самый трудный вопрос.

пригласила меня войти. Это движение было полно благородства, и я услышала, как затрещала камера Фрэнсис и она что-то удовлетворенно проворчала...

Я поднялась на единственную ступеньку и вошла внутрь.

Прямо за дверью каменная винтовая лестница, пристроенная к стене, вела наверх. Под ней на земле стояли мешки с зерном, лежала груда тростника для ремонта крыши. У стены были сложены инструменты: грубая мотыга, лопата, какое-то подобие бороны, а также моток тонкой веревки. На гвозде висело решето.

Я не слышала, продолжает ли работать камера. София была как раз позади меня. Я взглянула на верх винтовой лестницы.

– Можно подняться? – Когда я проговорила это, я уже поднялась на две ступеньки, и моя нога была на третьей, и тут я остановилась, чтобы оглянуться на Софию. – Мне всегда хотелось осмотреть мельницу изнутри, но единственная, которую я видела, оказалась заброшенной. Это было в Паросе...

София стояла спиной к свету, и я не видела ее лица. И вновь я почувствовала, что она колеблется, и снова кровь бешено запульсировала в моих жилах. Я ждала ответа, крепко сжимая узкие перила. Но она едва ли могла отказать, не прибегая при этом к резкости, сравнимой разве что с моей собственной бесцеремонностью.

– Пожалуйста, – сказала она безразличным голосом, опустила сумку на пол и последовала прямо за мной по лестнице.

На втором этаже взвешивали муку. Тут находились старинные весы, хитрое сооружение из перекладки и начищенных чашек, подвешенное на цепях к массивной деревянной балке. По всему полу стояли большие квадратные жестяные короба, в которые собиралась намолотая мука, поступающая по наклонному желобу с жерновов. Часть этих коробов была наполнена мукой грубого помола, слегка желтоватого цвета. Тут тоже были мешки с зерном.

Но не было Колина Лангли. И не было места, чтобы его спрятать.

Это я поняла сразу, когда сошла с лестницы. Все тут было столь же невинным, как и лодка Стратоса. Ничего крупнее мыши тут спрятать было некуда. А когда я ступила на дощатый пол, мышь и в самом деле юркнула между двумя коробками, неся что-то во рту.

Но была еще лестница и еще один этаж...

София стояла рядом со мной, все тем же бесцветным голосом, который так не походил на ее обычный голос, она сказала:

– Раз вам интересно, *теспойнис*... Это наклонный желоб, по которому поступает мука. Видите? Это весы для взвешивания. Взвешивается она так...

Я видела ее в свете, падающем из единственного окна. Показалось мне или на самом деле в это прекрасное светлое утро ее лицо восковой бледности было еще бледнее обычного? Конечно, она вела себя сдержанно, что могло быть истолковано как стеснение или даже робость, но крестьянское чувство собственного достоинства пришло ей на помощь, и я не смогла прочесть на ее лице ничего такого, чему бы могла дать название, за исключением того, что мое сегодняшнее вторжение и проявленный интерес, мягко говоря, не вызывали у нее восторга.

Она закончила свое объяснение и принялась убирать весы, явно намереваясь поставить на этом точку.

– А теперь, если позволите, *теспойнис*...

– Ой, не убирайте, пожалуйста! – закричала я. – Я уверена, моя кухня захочет увидеть это... так интересно! Фрэнсис!

Я подбежала к лестнице и позвала Фрэнсис, поддерживая начатую игру. А бедная София стояла в нерешительности, не выпуская весов из рук.

– Очень мило с вашей стороны. Боюсь, мы создаем вам столько хлопот, но здесь так чудесно, и я уверена, моей кухне все это страшно понравится! Вот она идет. А я теперь быстро поднимусь вверх и посмотрю остальное...

– *Теспойнис*, – что-то наконец подействовало на этот бесцветный голос, он прозвучал резко. – *Теспойнис*, наверху ничего нет, кроме жерновов, совершенно ничего! Не надо вверх, пол гнилой!

И верно. Я видела снизу дырки в досках.

Но я, не раздумывая, весело сказала:

– Ничего, я не боюсь. В конце концов, вас ведь он выдерживает. Я буду осторожна. Боже мой, это что, жернова? Что за диво, какой же нужен ветер, чтобы сдвинуть их!

Я даже не дала себе времени подумать, что бы я сделала, если бы Колин оказался здесь, но маленькая круглая комната, если можно было применить это слово к пространству, почти полностью занятому гигантскими жерновами и примитивными устройствами, была пуста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.